

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

КАФЕДРА БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОГРАНИЧЬЯ**

ЭТНОСЫ И СУДЬБЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

БРЕСТ 2020

УДК 316.3
ББК 60.52

Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения
образования «Брестский государственный технический университет»

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор, профессор, зав. кафедрой истории Беларуси
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

В.В. Зданович;

Dr hab., prof. UMCS Katedra Językoznawstwa Słowiańskiego
Instytut Neofilologii Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

Petar Sotirov;

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы
и журналистики УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

И.А. Швед.

Под редакцией

заведующей научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам
пограничья, доктора педагогических наук, профессора кафедры белорусского и русского
языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет»,

М.П. Жигаловой

Этносы и судьбы в современном социуме: теория и практика : коллективная монография / под
ред. М. П. Жигаловой. – Брест : БрГТУ, 2020. – 204 с.

ISBN 978-985-493-516-4.

Авторы данной монографии – учёные Беларуси, Германии, Молдовы, Польши, России, Украи-
ны – многоаспектно исследовав жизнь и творчество писателей и современного социума, попытались
показать, как этносы и нации, люди и судьбы, их характеры и культура, язык и жизненная мудрость
представлены в творчестве художников слова; как воспринимаются произведения славянских авто-
ров иноязычным читателем; как найти пути решения сложных проблем межнационального общения в
современном мире, указав на то значимое, общечеловеческое, которое не подвержено времени; отме-
тили всё то, что объединяет этносы, а не разъединяет людей разных национальностей, которые всегда
близки в одном – желании быть счастливыми.

Статьи публикуются в авторской редакции на белорусском, русском, польском, украинском язы-
ках и адресуются специалистам-литературоведам, педагогам, психологам, а также аспирантам, маги-
странтам студентам и учащимся.

**УДК 316.3
ББК 60.52**

ISBN 978-985-493-516-4

© Коллектив авторов, 2020
© Издательство БрГТУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия. Этносы и народы: научные теории и исследования</i>	5
Гл. I. Творчество славянских писателей и всемирный литературный процесс: взаимосвязи и контакты	9
1. <i>Беженару Л. Е.</i> Диалог между славянскими и неславянскими литературами на уровне жанра «деревенской прозы» (г. Яссы, Румыния).....	9
2. <i>Борсук Н. М.</i> “Он не отделял себя от белорусов”: літаратурны лёс праваслаўнага свяшчэнніка Плаксіда Янкоўскага (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	19
3. <i>Буднік В. А.</i> Архетып <i>маці ў беларускай карціне свету</i> (на прыкладзе рамана І. Пташнікава “Алімпіяда”) (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	29
4. <i>Чагайда Ю. Н.</i> «Свои» и «чужие» в военных произведениях В. Быкова и Б. Васильева (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	34
Гл. 2. Философия жизни и её отражение в творчестве славянских писателей	40
1. <i>Тоболевич Т. Л.</i> Раскрашенный мир Натальи Кухлич (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)....	40
2. <i>Щерба О. В.</i> Поиск себя в поликультурном пространстве (об адаптации китайских студентов к белорусскому социуму) (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	44
Гл. 3. Отражение социокультурных процессов в истории и психологии мышления славянских народов	50
1. <i>Захарчук Л. А.</i> Этнокультура Полесья: аксиологический аспект, традиционные особенности и современная интерпретация (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	50
2. <i>Кобылянская Л. И.</i> Русский язык в Республике Молдова в этническом самоопределении на постсоветском пространстве (г. Кишинэу, Рэспубліка Молдова).....	55
3. <i>Койнова-Цёльнер Ю. В.</i> Эмоция стыда в контексте кросс-культурных различий (г. Дрезден, Германия).....	64
4. <i>Кузьмина К. Е., Морозикова И. В.</i> Профессиональный менталитет учителя как отражение эпохи (г. Смоленск, Российская Федерация).....	71
5. <i>Левчук З.С.</i> Нравственный подвиг белорусских просветителей как пример гражданского служения отечеству (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	77
ГЛ. 4. Практика исследования лингвистических аспектов в культуре славян	83
1. <i>Забродина И.К., Дьяченко Ю.В.</i> Лингвострановедческие материалы на немецком языке как средство усвоения иноязычной культуры (г. Томск, г. Сургут, Российская Федерация).....	83
2. <i>Ігнацюк Т. М.</i> (Прыёмы спасціжэння іменнай лексікі як сродак пранікнення ў характар беларуса (на прыкладзе фрагментаў твораў беларускіх класікаў) (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	89
3. <i>Капцова Ю.А.</i> Пеяратыўныя тактыкі ў кантэксте беларускага этасу (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	97
4. <i>Леванюк А.Я.</i> Афарызм і традыцыя (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	107
5. <i>Переход О. Б.</i> Особенности периферийного ономастикона Брестчины (на материале прагматонимов и эргонимов) (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	115
6. <i>Рачевский С.Р.</i> Асаблівасці і лёс мовы роднай вёскі (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	122
7. <i>Самуйлік Я. Р., Дацкевіч А. А.</i> Гаворка вёскі Чэрск Брэсцкага раёна: гісторыка-лінгвістычны аспект (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	127
8. <i>Слесарева Т.П.</i> Геортонимы в русской и белорусской фразеологии: семантический аспект (г. Витебск, Рэспубліка Беларусь).....	134
Глава 5. Люди и судьбы в творчестве славянских писателей	139
1. <i>Жигалова М.П.</i> Характеры и судьбы славян в полиэтнической литературе Малоритчины (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	139
2. <i>Зайка З.М.</i> Георгій Мусевіч – даследчык гісторыка-культурнай спадчыны Камянеччыны (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	148

3. <i>Ходынюк Ю.Э.</i> Проявление взаимодействия языка и культуры в менталитете славян на белорусско-польском пограничье (Бяла Подляска, Польша).....	151
Гл. 6. Интерпретация творчества славянских писателей в «малом» и «большом» времени	160
1. <i>Захарчук Л. А.</i> Этнические мотивы в творчестве Лины Костенко (г. Брест, Республика Беларусь)	160
2. <i>Кицан О. В.</i> Гендерні інверсії в драматургії Лесі Українки (м. Луцьк Україна)	164
3. <i>Кравченкова Е. А.</i> «Поэзия стен» в русском стрит-арте (г. Москва, Российская Федерация) ...	173
Гл. 7. Проблемы осмысления и изучения творчества славянских писателей в современном поликультурном пространстве школ и вузов	183
1. <i>Гетманская Е. В.</i> Детское чтение: образовательный инструмент и социальная практика (г. Москва, Российская Федерация)	183
2. <i>Кузнецова Н. П., Маранцман Е. К.</i> Проблема развития ценностных ориентиров современных славянских детей в контексте концепции государства благосостояния и приоритетных целей устойчивого развития (г. С-Петербург, Российская Федерация)	188
3. <i>Габдулхаков В. Ф., Лихачева С. А.</i> Детерминанты современной антропологии поликультурного образования в дошкольных учреждениях Татарстана (Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия, Татарстан).....	193
Гл. 8. Сведения об авторах.....	198

ЭТНОСЫ И НАРОДЫ: НАУЧНЫЕ ТЕОРИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Давно известно, что люди, населяющие нашу планету, образуют множество разнообразных общностей и знать их историю жизни, быт, культуру – значит, учиться грамотно и перспективно выстраивать доброжелательные взаимоотношения, тем самым строить мирное будущее планеты.

Особое место в этом процессе, как по значимости в культуре, так и по устойчивости в истории, занимают общности, именуемые в повседневном русском языке *народами*, а в научной литературе – *этнoсами*. Обратимся к фрагментам истории вопроса.

Значительный вклад в разработку теории этноса в 20-е годы XX века внес русский этнограф С.М. Широкогоров, который считал, что этнос – это форма развития и существования человечества. Согласно его определению, «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающих его от таковых других групп».¹

Начиная с 60-х г. XX века, появилось огромное количество научных публикаций по этой проблеме, благодаря которым понятие «*этничность*» прочно закрепилось в различных гуманитарных дисциплинах и в социуме в целом. Позже появляются научные теории этноса, в которых это явление рассматривается уже многоаспектно. Достаточно вспомнить *пассионарную теорию* этноса Л.Н. Гумилева, *дуалистическую концепцию* этноса Ю.В. Бромлея, *информационную концепцию* этноса Н.Н. Чебоксарова и С.А. Арутюнова, наконец, *системно-статистическую*, или *компонентную*, теорию Г.Е. Маркова и В.В. Пименова.

Так, по мнению российского мыслителя Л. Н. Гумилева, «...этнос – коллектив особый, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особи: “Мы такие-то, а все прочие – другие” »².

Ю.В. Бромлей считает, что в этносе сочетаются, с одной стороны, собственно этнические свойства и характеристики (этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая деятельность, этническое самосознание), а с другой стороны, условия формирования и существования собственно этнических элементов (природно-географо-территориальные, экономико-социальные, государственно-правовые и т.п.). В соответствии с этим делением любой этнос получает двойственную (дуалистическую) природу и раскрывается в двух смыслах – узком и широком.

Оригинальная концепция этноса, предложенная Н.Н. Чебоксаровым, базируется на представлении, что «во всяком обществе всегда есть информационные потоки, имеющие свои источники и реципиентов, то есть, тех, кто их вос-

¹ Широкогоров С. М. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. - Шанхай, 1923. - С. 13.

² <https://textarchive.ru/c-1000188-p24.html>

принимает. На этом основании делается предположение, что развитие этноса активнее происходит в этническом пространстве, а не за его пределами».

В *системно-статистической (компонентной)* теории этнос рассматривается как «исторически возникшая и эволюционирующая сложная самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, которая обладает многосоставной структурой с рядом компонентов, таких, как: расселение этноса; его воспроизводство как части населения и свойственная ему демографическая структура; производственно-экономическая деятельность и ее характер; система социальных отношений и институтов; язык и разнообразные формы речевой деятельности; создание, использование и сохранение культуры; быт или устойчивые стереотипные способы ритмичного поведения, которые реализуются в обычаях, социальных привычках, обрядах и т.п.; существенные стороны психологического восприятия своего этноса и общей этнической картины мира; наконец, система личностного контактирования и взаимодействия»³.

По мнению норвежского ученого Фредерика Барта, этнические группы (или этносы) определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания. И этничность – это форма социальной организации культурных различий.

Исходя из сказанного, *этничность* может быть определена как особая характеристика личности, состоящая в ощущении, переживании индивидом своей принадлежности к определенной группе или общности людей, формирующаяся на основе генетического социального единства этой группы и проявляющаяся в форме сравнения «нас» с «не нами» в ходе группового взаимодействия с другими этносами.

В последнее время особенно возрос интерес к проблемам этноса и этничности. Одной из основных причин этого процесса явилось то обстоятельство, что этнические отношения стали играть весьма значительную роль в общественной жизни многих государств и народов, и не учитывать этого сегодня уже нельзя. Но особую остроту приобрел вопрос о характере этничности: является ли она «примордиальной» по своей природе, или же она представляет собой «инструментальный» конструктор. Примордиалистский (от англ. *primordial* – изначальный, исходный) подход в анализе этничности был сформулирован и развит в работах К.Гирца, Р. Гамбино, У. Коннора, Ю.В. Бромляя, Э.Стюарта, Пьер ван ден Берге. В концепциях этих авторов этничность рассматривается как врожденное свойство человеческой идентичности, имеющее свою объективную основу либо в природе, либо в обществе. Тем самым этничность понимается как фундаментальный аспект идентичности человека – безусловный и не подверженный изменениям.

Заметим, что примордиалистский подход возник в XIX веке в Германии. Сам термин «примордиальные связи» ввел в научный оборот в середине XX века американский социолог Э. Шилз, который употребил его для характеристики внутрисемейных отношений. Однако наиболее распространенная формулировка примордиалистского подхода к анализу этничности принадлежит американскому антропологу К. Гирцу, который так сформулировал суть подхода:

³ Современная наука о сущности этноса и этничности <https://vikidalka.ru/4-62830.html>

«В каждом обществе во все времена некоторые привязанности проистекают больше из чувства естественной, некоторые сказали бы – духовной близости, чем из социального взаимодействия». ⁴ Это относится, прежде всего, к этническим связям и отношениям, что и придает им характер примордиальных, так как «осознание групповой принадлежности заключено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания». ⁵

В середине 70-х годов в западной этнологии широкое распространение получила другая трактовка этничности, в соответствии с которой этничность рассматривалась в качестве инструмента, используемого политическими лидерами для достижения своих интересов, в борьбе за благосостояние, статус, власть. В этой трактовке этничность рассматривается как чувство солидарности группы людей, которое формируется при определенных обстоятельствах. Речь идет о том, что этничность – «это средство в коллективном стремлении к материальному преимуществу на социополитической арене, а наблюдаемая в различных формах этническая мобилизация диктуется требованиями тех или иных материальных факторов, которые определяют социальное поведение». ⁶

Таким образом, этничность превращается в некую социальную роль, сознательно избираемую человеком или группой под воздействием тех или иных материальных факторов.

Сейчас используется самое широкое определение *этноса* как группы, члены которой обладают общим наименованием (этнонимом) и комплексом сходных черт в культуре, мифом об общем происхождении, коллективной исторической памятью, связывают себя с определенной территорией и испытывают чувство солидарности. Подчеркивается значение и субъективного психологического аспекта рассмотрения проблемы: коллективного сознания, мифологии, воображения, а не связь с территорией и историческими процессами в качестве объективной данности, как это было в прежних теориях.

Необходимо отметить, что все перечисленные подходы к этничности не носят взаимоисключающего характера и поэтому, как указывают учёные, перспективным способом исследования проблемы этничности в ближайшем будущем будет, видимо, интеграция наиболее важных аспектов в общую междисциплинарную теорию этничности. Тематика нашей коллективной монографии тоже подтверждает это.

Нужно признать, что сегодня современный мир переживает период этнического взрыва, эпоху своеобразного – этнического – возрождения.

Его конкретными проявлениями выступают: рост значимости этнической идентичности; повышение интереса людей к своим этническим корням, традициям, культуре, истории, которая в разные исторические периоды проявляет себя по-разному. В ситуации серьезных социальных трансформаций, которую мы переживаем в настоящее время, имеет место всплеск этничности, который является сейчас, пожалуй, не менее очевидным, чем нарастание глобализационных процессов.

⁴ Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. – 1998, № 4. – С. 5.

⁵ Тишков В. А. Очерки теории этноса и политики этничности в России. – М., 1997. – С. 92.

⁶ Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. – 1993. – № 1. – С. 4.

Мы видим, что там, где сфера общения этносов ограничена, местные традиции и ценности неизбежно укрепляются. А там, где идёт интенсивное общение с другими этносами, если оно не носит конфликтного характера, снимает эту ограниченность, позволяет лучше понять как свою собственную, так и чужую культуру. Культурные же контакты, не отменяя необходимости определенной этнической самоидентификации, облегчают преодоление чувства этнической исключительности и способствуют сближению народов.

Так сама жизнь опровергла господствовавшее с начала XX столетия в мировом общественном мнении убеждение, что вследствие процессов модернизации, индустриализации, демократизации, развития гражданского общества фактор этничности будет постепенно терять свое значение в жизни людей. «Однако историческая практика показала, что этничность, а также связанные с ней различные формы этноцентризма и даже национализма не только не утратили, но и значительно усилили свою роль в современной социальной, политической и культурной жизни. Чрезвычайно остро в настоящее время стоят этнические проблемы во многих регионах земного шара, в том числе и в республиках бывшего Советского Союза».⁷

Авторы статей данной коллективной монографии, многоаспектно исследовав жизнь и творчество писателей и современного социума, попытались показать, как этносы, нации, люди и судьбы представлены в творчестве славянских художников слова и как они воспринимаются в разных государствах; обозначили пути решения сложных проблем межнационального общения в современном мире. Несмотря на то, что существует много критериев, отличающих одни этносы или этнические группы от других, всё же авторы монографии – представители разных государств и разных этносов – постарались увидеть в творчестве художников слова основные критерии и раскрыть их в своих статьях. Это такие критерии, как: совместное проживание на одной или нескольких территориях, тип этнической общности, черты характера и психологии общения, общие особенности быта и культуры, общая историческая судьба, языковое родство. То есть, всё то, что объединяет, а не разъединяет людей разных национальностей, которые всегда были и будут близки в одном – желании быть счастливыми.

М.П. Жигалова

⁷ Современная наука о сущности этноса и этничности <https://vikiidalka.ru/4-62830.html>

Гл.1. ТВОРЧЕСТВО СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ВСЕМИРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ВЗАИМОСВЯЗИ И КОНТАКТЫ

Л.Е.Беженару, (Яссы, Румыния)
L. E. Bezhenu, (Iasi, Romania)

УДК 82.091

ДИАЛОГ МЕЖДУ СЛАВЯНСКИМИ И НЕСЛАВЯНСКИМИ ЛИТЕРАТУРАМИ НА УРОВНЕ ЖАНРА «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ»

Аннотация: Статья рассматривает новый диалог между славянскими и неславянскими литературами Запада и Востока, литературами, вставшими на новый путь демократического развития. Сравнительно-типологический анализ мотивов, тем, образов произведений «деревенской прозы» русской литературы и «деревенской прозы» других национальных литератур показывает их стремление к сохранению самоидентичности. Диалог национальных литератур даже в аспекте конкретного жанра «деревенской прозы», «темы малой родины» возможен только при учете национальной специфики литератур.

Ключевые слова: диалог, славянские литературы, неславянские литературы, Запад, Восток, самоидентичность.

DIALOGUE BETWEEN SLAVIC AND NON-SLAVIC LITERATURES AT THE LEVEL OF THE "VILLAGE PROSE" GENRE

Annotation: The article examines a new dialogue between Slavic and non-Slavic literatures of the West and East, literatures that have embarked on a new path of democratic development. Comparative typological analysis of the motives, themes, and images of the works of "village prose" of Russian literature and "village prose" of other national literatures shows their desire to preserve their self-identity. The dialogue of national literatures even in the aspect of a specific genre of "village prose", "themes of the small homeland" is possible only if the national specifics of literatures are taken into account.

Key word: Dialogue, Slavic literatures, non-Slavic literatures, West, East

Литература каждого народа в эпоху национального самоопределения претерпевает существенные изменения. Процесс демократизации и деидеологизации рубежа XX – XXI веков влияет на интенсивность и развития литературы, вбирая новые национальные тенденции и восстанавливая традиционные на новой почве. Общность этнического происхождения, близость языков, сходство исторических судеб в русской и других славянских литературах позволяет исследователям говорить о диалоге славянских литератур, который существовал

традиционно и сегодня вступает в новую стадию развития. Только сегодня намечается качественно новый диалог между славянскими и неславянскими литературами Запада и Востока, литературами, вставшими на новый путь демократического развития. Отношения между русской литературой и национальными литературами постсоветского пространства остаются амбивалентными, в период поиска национальной самоидентификации в национальных литературах появляются новые авторы и новые темы, идет процесс деконструкции советских мифов в литературе и периодике. Пока еще нет фундаментальных учебников, монографий, отражающих процесс перехода национальных литератур на качественно новую форму диалога. Аналогичные процессы отражаются не только в литературе, но и других видах искусства, философии, социологии; они имеют междисциплинарный характер. Можно говорить лишь об общем круге проблем, которые исследуются в разных национальных литературах и на разных уровнях: исторический и социальный дискурс в национальных литературах после распада Союза: литература как катализатор общественных настроений; вопросы ментальности и идентичности в литературе; отражение военных конфликтов и политических событий; переоценка общей «советской истории»; поиски новых методов исследования литературы и культуры (применение постколониальной теории постсоветского пространства) и др.

Подобный охват образует своеобразный фон, на котором и в аспектах которого нами предпринята попытка выстраивания системы новых векторных взаимоотношений национальных литератур на уровне жанра «деревенской прозы». Выбор поставленной задачи объясняется тем, что именно «деревенская проза», проза о «малой родине» наиболее типично отражает национально-этическую первооснову русской, азербайджанской, грузинской, румынской и других национальных литератур, стремящихся сегодня к возвращению к своим истокам. Процесс межнационального диалога – явление дуалистическое, связанное одновременно со стремлением к самоопределению и приобщению к европейским ценностям. Не все вышеназванные литературы относятся к этому диалогу одинаково в силу исторических, религиозных, региональных причин. Поэтому произведенный в данной статье анализ является компромиссным подходом к решению этой задачи, имеет предварительный характер, а рассмотрение представленного комплекса проблем национальных русской и неславянских литератур в аспекте диалога, поиск схожих тенденций в аспекте жанра «деревенская проза» с использованием культурологических, страноведческих, историко-типологических аспектов литературной теории и критики проводится впервые.

Восстановление разрушенной экономики в Советском Союзе было связано с обращением к деревне, литература получила государственный заказ на освещение этой темы. Период конца 40-х начала 50-х годов назывался в истории «красное десятилетие» (К.Баршт), литературоведческая социология повлияла и на мировой литературный процесс.

Обращение к деревенской прозе и к теме малой родины в национальных литературах разных стран также связано и со стремлением к возвращению к истокам в послевоенное десятилетие, в кризисные моменты истории. В западноевропейских, балканских литературах происходят аналогичные процессы, связанные с проблемой освобождения от влияния социалистического реализма.

В 40-50 годы XX века („obsedantul deceniu”/ «одержимое десятилетие» в румынской литературе), «деревенская проза», литература «малой родины» получила отражение и в произведениях, не отмеченных влиянием социалистической методологии; в большей степени эта тема была характерна региональным литературам, каждая из которых отличалась национальной спецификой и жанровым своеобразием. До сих пор наблюдается разноречивость мнений на этот счет. Считаем, что существует и **национальная модель** «деревенской прозы», которая в национальной литературе имеет свою самостоятельную форму, конструируемую по аналогии с «деревенской прозой» русской литературы, но с сохранением национального менталитета, этноса, традиций, героев, образов ландшафта, национальной мифологической географии *малой родины*.

Понятие «малая родина» является неотъемлемой частью единства «большая родина», которая при кажущейся, на первый взгляд, общечеловеческой идентичности, имеет свои национальные особенности.

Определенную сложность при рассмотрении данного вопроса составляет и то обстоятельство, что национальные литературы вкладывают в одно и то же понятие свою национальную специфику. В литературы постсоветского пространства стали входить новые понятия, связанные со сменой методологии и процессом формирования национальных базовых понятий: большая родина, литература *малой родины*, литература *малых городов*, региональная литература и др. Отметим, что понятие «деревенская проза» носит во многих национальных литературах условный характер.

Русское самосознание формировалось под влиянием православия, русской соборности. Армянское самосознание определялось принадлежностью григорианской церкви – Эчмиадзину. Арабы видели свою историческую миссию в том, что дали миру Коран. Менталитет азербайджанского народа исторически складывался как мост между Западом и Востоком, Севером и Югом. Азербайджанцы основывали свою литературу на традициях ислама, русской литературы и восточном менталитете. Диалог национальных литератур даже в аспекте конкретного жанра «деревенской темы», «темы малой родины» возможен только при учете национальной специфики литератур.

В аспекте конкретного жанра подобный диалог рассматривается впервые. По возможности учитываются специфика развития и бытования жанра «деревенской прозы» в национальных литературах, внешние факторы, влияющие на становление жанра, особенности менталитета, страноведческий, культурологический фон, региональная принадлежность.

В азербайджанскую литературу термин «деревенская проза» вошел из советской литературы и закрепился в азербайджанском литературоведении. Он используется в новейшей азербайджанской критике и как «новая азербайджанская проза», и как «азербайджанская деревенская проза» (Флора Наджи, М. Гаджиев). Начало азербайджанской «деревенской прозы» положил роман Исы Гусейнова «Горящее сердце», вышедший во второй половине 1950–х годов.

Флора Наджи на понятийном и тематическом уровнях устанавливает аналогию между русской «деревенской прозой» и «азербайджанской деревенской прозой» 1970-1980-х гг., определяет «в некотором смысле» сходство путей, отмечает, что для азербайджанской деревенской прозы 70-х годов XX века противопоставление деревенского мира городскому было не столь существенным.

Вообще «деревенская проза» в азербайджанской литературе – явление условное, также условно можно относить эту прозу к литературе «малой родины», так как «малая родина» в этих текстах является аналогом большой родины.

Азербайджанские «шестидесятники» – Фикрет Садых, Юсиф Самедоглу, Фикрет Годжа, Максуд Ибрагимбеков, Анар, Рустам Ибрагимбеков, Иси Меликзаде, Иса Исмаилзаде, Вагиф Насиб, Вагиф Самедоглу, Сабир Сулейманов, Исмаил Шихлы и др. «не писали на равно высоком уровне», но их творчество было высоко художественным (Эльчин). В азербайджанской «деревенской прозе», больше чем в русской, изображались архаические, мифологические прототипы современных героев. Языческо-мистическое отношение к миру получило дальнейшее отражение и в городской прозе, город и деревня составляли пересекающиеся сферы (М.Сулейманлы, «Голос», Ю.Самедоглу, «День казни»). В азербайджанской «деревенской прозе» также были свои чудики и юродивые, только они существенно отличались от подобных образов в русской литературе. Меджун, одержимый, является носителем определенного абсолютного качества, так как безумие занимает особое место среди культовых символов. Культ безумия восходит к тюрско-шаманской мифологии и образует особую систему. Разновидностью юродивого были *дервиши*, приверженцы суфизма, но причислять их к монахам спорно.

Образы дервишей также находят отражение в азербайджанской современной прозе. Поступки героев, отмеченных исламской философией в современных текстах (Исмаил Шихлы, «Буйная Кура», Камал Абдулла «Долина Кудесников»), могут быть объяснены только с учетом национальных традиций и верований.

Говоря о современной азербайджанской «деревенской прозе» необходимо учитывать и тот факт, что в ней скрещиваются Европа и Азия, христианство и ислам, зороастризм и иудаизм, арабский, тюркский, кавказский и славянские миры. Только через призму этих отношений можно прикоснуться к миру «Долины Кудесников» Камала Абдуллы, современному постмодернистскому роману, в котором на Невидимую гору, под всеобщими восхищенными взглядами толпы, взбирается Белый дервиш, «по воздуху, прямо в небо, подобно птице, парившей, раскинувшей крылья...», «когда дервиш Хисникерем спустился к подножью, также ступая в пустоте, ни один человек не приблизился к нему... Однажды он так же неожиданно, как появился в этом городе, исчез, ушел во свояси и больше его никто не видел» (К.Абдулла, «Долина кудесников»).

В таком же мифологическом ключе предстает перед нами герой романа «Дата Туташхиа» грузинского автора Ч. Амираджиби. Главный герой Дата Туташхиа не может быть соотнесен в чистом виде с блаженными, праведниками, юродивыми славянской мифологии. «Божественным рыцарем» называет его грузинский критик Реваз Тварадзе. Туташхиа – имя из колхидской мифологии, «день луны», а земным его воплощением становится *абрег* (горный пастух). Дата Туташхиа, который живет на своей земле по законам предков, в силу сложившихся обстоятельств вынужден бороться со злом в его конкретном проявлении.

Дата, как и пастух Молдовану из румынской «Миорицы», как пастух Караджа Чобан из азербайджанского *Дастана*, «привязанного к старому дереву», находящегося между «двумя мирами – Небом и Землей», воплощает в себе лучшие черты простого народа, пастуха-абрега: «Я не одинокий волк, думающий только о своей добыче, не мирный бык, живущий только для того, чтобы щипать

траву. Я сын своего народа. Я не смогу сложа руки хладнокровно, со стороны взирать на свою родину!» [1, с.720-735] Дата Туташхиа прожил жизнь мученика и отшельника. Добровольный приход его в тюрьму вполне в духе грузинской мифологической модели, согласно которой погибают *лучшие*. Символичен финал романа: «И тогда вознеслась душа Туташхиа на небо, а плоть осталась на земле. В луну превратилась его душа, и человек во плоти стал богом». [1]

В начале XXI века прозаик Гурам Одишария в мини-рассказе «Возвращение в Сухуми» создает особый постмодернистский тип грузинских чудиков, своеобразных «сухумских сумасшедших», которые были разных национальностей и никогда не сорились друг с другом [2]. По сравнению с должностными лицами, которые приходили и уходили и которых автор называет *временищиками*, «сумасшедшие были вечными, бесхитростными, без масок и свободными. Сумасшедших знал весь Сухуми, больших же людей мало кто узнавал в лицо. Больше знали их служебные автомобили. У сумасшедших не было машин – они ходили пешком» [2]. В галерее *сухумских чудиков* мы встречаем *Аполлона*, который «всё время пел. Голос у него был такой, что, когда он затягивал песню на берегу моря, слышно было на Трапезии. А иногда – и на горе Баграта. Обычно он подметал улицы и всё время ворчал на кого-то. Он любил ходить на свадьбы и поминки, пить вино. Мог целый час произносить один тост, только кто его слушал?! А он продолжал бормотать что-то себе под нос» [2]. *Марадона* был самым мобильным из всех сумасшедших. Зимой и летом он ходил полуголым, легко знакомился с людьми, всем улыбался. Его нагота, аскетизм, отклоненное от норм поведение, как бы укор миру, молчаливый протест грешникам. *Чума*, бывший матрос, был гроссмейстером монолога, говорил о детях и считал, что должен спасти детей всего мира. Голубоглазый *Котик* всегда ходил с сияющим лицом, он всегда чему-то радовался, Про *Габо* даже нельзя было сказать, что он сумасшедший, но и на нормального человека он не очень походил. Странность его, дурость заключается в отсутствии стремления к богатству, наживе, в стремлении добиться более высокого положения. Стояли сухумцы и смеялись над своими сумасшедшими [2].

Аналогично сформировалась «деревенская проза», имеющая, по сути, нравственно-философское содержание и образ *чудиков* и у других народов Кавказа. В качестве примера можно привести повесть Актая «В Кумыкской степи», в которой автор сохраняет национальную специфику повествования, создает национальный характер, передает национальный колорит. В повести раскрывается проблема дагестанского села и поэтизируется сельская жизнь. Сельская тематика получила отражение в творчестве Ю.Тюлюстена, И.Керимова, А.Евтыха и др.

Пафос сохранения и защиты природы, внутреннего единения человека с ней и его стремление преодолеть все беды и стихийные бедствия окружающей его биосферы характеризуют произведения Г.Натрошвили «И снова весна в Иори» и «Весь этот мир твой».

В румынской литературе понятие «деревенская проза» не укоренилось, хотя по стереотипу, взятому из советского литературоведения, была создана национальная модель термина, жанра, герои и образы. В румынской литературе существуют понятия *roman țărănesc* / крестьянский роман, *roman de inspirație rurală* / роман сельского вдохновения, *roman rural* / сельский роман (Рамона Буруянэ).

«Сельский роман» румынской прозы сохраняет архаический образ румынского села, со своими традициями, верованием и законностью. В нем отражается народная мудрость, а образы близки по духу как славянскому-православному, так и кавказскому пониманию праведничества, дервишизма. Пастух Молдовану из румынской баллады «Миорица», белый дервиш из кавказской картины мира, пытается восстановить разрушенное единство, союз, принося себя в жертву.

Румынский «сельский роман» передает в определенной мере эхо литературных течений *semănătorism* / семэнэторизма и попоранизма / *poporanism* (*semănător* – сеятель, *porog* – народ), движении «семэнэторизма» («сеятельства»), которое призывало к изображению жизни крестьян в идиллически-патриархальных тонах.

Румынская литературная критика 60-80-х годов XX века уделила внимание деревенской проблематике. Отдельным изданием вышли критические исследования о проблематике села и сельской жизни (Думитру Мику «Современный румынский роман»; Марин Букур.)

Проводились дискуссии о месте в румынской литературе таких течений, как попоранизм (народничество), семэнэторизм (журнал «Студий ши черчетэрь де историе литерарэ ши фольклор», «Вяца ромыняскэ»).

Широко отмечалось восьмидесятилетие автора «сельских романов» Михаила Садовяну – пользующегося мировой известностью и благодаря исследованиям Михаила Рали «Михаил Садовяну и национальная специфика», статьям о крестьянских образах в произведениях Садовяну, о его мастерстве рассказчика, об изображении мира румынской деревни, об отражении в его произведениях крестьянского восстания 1907 года и о месте Садовяну в мировой литературе.

В таком же контексте монография Константина Чопрага о жизни и творчестве Калистрата Хогаша рассматривала природу и обычаи исторического региона Молдовы в творчестве писателя в пространстве «малой родины».

Крупнейшие представители румынского «сельского романа» – Михаил Садовяну, Ливиу Ребряну, Марин Преда – следуя модели реалистическо-социалистического «одержимого десятилетия», как было названо в румынской литературе советское «красное десятилетие», создают национальные модели сельской среды. Как и многие представители русской «деревенской прозы» (В. Белов, В. Распутин), Михаил Садовяну «перешел» границы писательства, активно включаясь в «государственное дело», которое отрицательно повлияло на творчество писателя. Его исторический роман «Никоарэ Подкоавэ» (1952), подводит итог размышлениям писателя о судьбе румынского крестьянства, о том, *«как дружно жили наши сыны на родной земле и как они теперь скитаются, промышляя кистенем. ...так уж суждено нашей стране и народу нашему: не знать нам ни отдыха, ни покоя, как ветру да волнам морским»* (М.Садовяну)

В румынской литературе образ середняка – *țăranul răzăș* – был особенно популярен (Михаил Садовяну, Марин Преда, Титус Попович).

Марин Преда создает «морометскую модель» крестьянина-философа Илие Моромете, которая повлияла и на нравственное становление молодого поколения (образ его сына Николая). «Морометская модель» крестьянина-философа – человека системы, который выиграл борьбу с идеологией – была не только прообразом, но и барьерной планкой для всех представителей сельской прозы 60-70 годов в румынской литературе.

Как уже было сказано, «деревенская проза» русской литературы перекочевала в разные национальные литературы, а русская культура и русский язык приютили в непростое время 60-х-70-х немало талантливых авторов из разных «малых» культурных пространств «большой родины»: Ион Друцэ – из Молдавии, Чынгыз Айтматов – из Киргизии, писавшие на русском и родных языках, «укрылись» в пространствах «большой родины» от местных баев, которые переусердствовали в области идеологической цензуры. Ион Друцэ, романист, драматург, новеллист и поэт, как и многие деятели искусства и науки в конце 60-х начало 70-х годов прошлого столетия, ушёл в добровольную ссылку в Москву, из которой «не спешит» вернуться в по-прежнему родную и уже независимую Молдову. Его плодотворное творчество «оспаривают» как «свое», национальное, обе стороны Прута: в 1990 году Друцэ избран Румынской Академией Наук почетным ее членом, однако писатель отказывается от получения диплома, мотивируя свое решение тем, что его избрание продиктовано политическими мотивами, в то время, как его произведения практически не публикуются в Румынии. После распада «большой родины» Ион Друцэ продолжает писать вдали от своей «малой родины» не только о близкой ему Молдове, но и о своих сородичах. До суверенности Молдовы он написал „Povara bunătății noastre” / «Бремя нашей доброты», „Frunze de dor” / «Листья грусти» и „Clopotnița” / «Колокольня», которые стали для молдаван и духовными рукописями, и эмблемой сегодняшних исканий ценностей бытования. После он написал не менее талантливые произведения: повесть «Суббота в Назарете», пьесы «Падение Рима», «Апостол Павел», «Последняя любовь императора». В его творчестве *универсальное* переплетается с *национальными* корнями его «малой родины», а его «малая родина» – это Сорокская степь, о которой он никогда не забывает.

Роман „Povara bunătății noastre” / «Бремя нашей доброты», как и другие произведения Друцэ, основан на крестьянском материале и обращен к осознанию смысла человеческого существования. Это широкое эпическое полотно, изображающее почти полувековой период жизни молдавской деревни, повествует о жизни потомственного крестьянина из Сорокской степи Онакия Карабуша. Действие романа охватывает значительный период времени, начиная с 1914 года и завершая 60-ми годами XX - го столетия.

Исследователи относят творчество Иона Друцэ к историческим этносимволистам в силу его уважения к истории и традициям и его веры в глубинные корни национального характера, с одной стороны, а, с другой стороны, в силу признания им социальных и экономических сил как мощных «формовщиков» общественной солидарности и индивидуальной психологии[4]. В своей «Белой молитве» писатель предупреждает: «Избавь нас, Боже, от кровного нашего проклятия идти двумя дорогами, чтобы прийти в никуда; взвалить на себя более, чем можем вынести; и от бесчисленных начинаний, которые ни к чему не ведут».

В своих произведениях молдавский автор создает два вида «деревенских чудиков» – образ *самаритянки* и образы *простолюдина*.

Немецкие издатели выпустили «Последний месяц осени» Друцэ, взяв за эпиграф слова Брехта: «Простолюдин не так уж прост, как принято считать». *Простолюдины* – это простые и вечные труженики родной земли, которые понимают, что «все в мире – итог чего-то». Скромный Кэлин Абабий, вдова Василица, Георге, вдовый сын, герой «баллад» Онакие Кэрэбуш – это мудрые носи-

тели народных традиций, памяти духовного наследия «малой родины», которая является хранительницей всего светлого в жизни сельчан Сорокской степи. Простолюдины Друцэ по своему мироощущению напоминают пошехонцев и бухтинцев Василия Белова.

К такому же типу хранительницы христианских ценностей относится и образ *самаритянки* (И.Друцэ «Самаритянка», «Белая церковь»). Произведение написано в сказовой форме, доверительно-субъективный авторский подтекст можно сравнить с дискурсом К.Абдуллы, хотя это совершенно разные по религиозной и образно-мифологической направленности тексты. Майка-самаритянка, простая девушка, берет на себя миссию охранять монастырскую обитель не по какому-то велению извне, а по предназначению своему свыше. Трудно объяснить ее поступок, не зная истоков мифологического национально-го сознания народа, ее воспитавшего. Стала она майкой по наитию свыше, увидев свое предназначение в выполнении взятой на себя миссии. Автор доверительно объясняет не сведущему в народной мудрости читателю: «Дело в том, что *майками* по-молдавски величают общепризнанных заслуженных монашек» («Самаритянка»). Напоминает героиня Друцэ Дарью из «Прощания с Матерой» Распутина, откровение которой созвучно сегодняшнему дню: «Нонче свет по полам переломился: евон чё деется! И по нам переломился, по старикам... ни туды мы, ни сюды... Не приведи Господь! Оно, может, по нам маленько и видать, как в ранешное время были люди, дак ить никто назад себя не смотрит. Все сломя голову вперед бегут...» («Прощание с Матерой»).

Таких параллелей можно привести множество; все это свидетельствует не только о том, что постсоветские страны переносили схожие трудности, сохраняя свою самоидентичность и национальную основу бытия в трудные советские годы, но выявляет и тот факт, что существуют неписанные общечеловеческие ценности понимания веры, добра, милосердия, которые говорят о том, что мир у нас один и ценности его едины для всех.

Образ старика Булгэре – один из самых глубоких, созданных Ионом Друцэ. Он дополняет галерею «чудиков – скитальцев» русской литературы: «ждет не дождется первого снега...чудак и поэт, недоумение и гордость степного края старик Булгэре. Благополучие степных крестьян прорвалось в его скитальческую судьбу – на ногах старые кирзовые сапоги, на голове шапка – ушанка, одет он в новую фуфайку, а сверх той фуфайки огромный, жесткий защитного цвета плащ. Тепла от него никакого. Зато от холодных ветров защищает, а это немаловажно для путника, дороги которого идут только по голым полям. И нет ему покоя, нет угомона, хоть ты что. Жажда той единственной правды, правды для себя, правды для всех, не дает ему устать, не дает состариться, не дает упасть, так чтобы не вставать уже»[3, с. 265-266]. Образ старика Булгэре напоминает Богодула – они представляют собой фигуры символические. Схожее портретное описание, поведение, образ мыслей, странность характера позволяет нам говорить о том, что каждый из них – Богодул – в Матере, а Булгэре в Чутуре – утверждают правду вечности. Можно отнести этих героев к вечным героям-скитальцам, преданным родной земле.

В болгарской литературе после «оттепели» 1956 года писатели Э.Станев, А.Дончев, Д.Талев, Й.Радичков, П.Вежинов, А.Гуляшка, Б.Райнов связали свое творчество с изображением истории Болгарии, с прошлым и настоящим болгар-

ского села, с изменениями, происходившими в нем в период 50-х – 70-х годов двадцатого века. Направление «поиска корней», специфичное болгарской литературе, как и «настоящая инвазия советской культуры» (А.Федь) способствовали возникновению произведений, изображающие жизнь деревни в болгарской литературе.

Болгарская проза «поиска корней» имеет некоторые общие черты с русской «деревенской прозой». Исследователи (Х. Дудевски, П.Зарев, Л.Георгиев И.Цветков) неоднократно писали о влиянии советской литературы на болгарскую, о влиянии русского советского «колхозного романа», в котором наряду с тематикой строительства социализма, учились у того же М.Шолохова художественному мастерству создания большого исторического полотна, правды о сельской жизни. Можно говорить о влиянии «Поднятой целины» Шолохова на роман И. Петрова «И после того», в котором повествуется о создании первых земледельческих хозяйств. Христо Дудевски отмечал, что в прозе 50-х годов воссоздание образа шолоховского русского крестьянина в тот момент, когда он переходил от единоличного к коллективному хозяйству, стал в болгарской прозе «национальной необходимостью». Болгарская литература 60–70-х годов (Николай Хаитов, Васил Попов, Йордан Радичк, Йордан Вилчев, Георгий Мишев) сближается с русской литературой в трактовке тем, родственности сюжетов и схожести художественных решений. Вместе с тем, такие писатели как Д. Димов и И. Петров выдвигают свои концепции, изображают героев иной, болгарской, национальной формации. Национальный колорит дополняется интернациональным звучанием, что показывает изображение «малой родины» – Болгарии – в пределах «большого» международного пространства других стран и регионов.

В этом отношении показательна проза Ивайло Петрова. Автор в своих романах показал двойное отношение к деревне: любовь / ненависть. В его романах выражено сомнение в том, что патриархальная Болгария может осчастливить, но и убить все мысли о счастливой жизни.

Творчество И. Петрова 1960-х годов (повесть «Нонкина любовь» и роман «Мертвая зыбь») основано на деревенских корнях. Мы рассматриваем ее в контексте болгарской прозы о селе, «поиска корней», которая всегда занимала одно из первых мест в болгарской литературе.

Биограф писателя С. Илиев отмечает «двойное отношение писателя к деревне; любовь и неприязнь по отношению к ней отражается и на его творчестве: в отличие от большинства других писателей (писателей-«деревенщиков» русской литературы, представителей «поиска корней» болгарской литературы), он позволяет себе «сомневаться в том, что патриархальная деревня – это утраченный идеал человеческого существования» (С. Илиев). Критик обратил внимание на ряд интересных наблюдений И.Петрова над «миром и человеком в мире». Двойственность человека, духовное и материальное, добро и зло в обществе и в отдельной личности С. Илиев считает одним из исходных, основных принципов творчества И. Петрова. Исследователь рассматривает близость произведений прозаика к народной мифологии, к традициям народного творчества и христианской культуры.

Несмотря на то, что на протяжении определённого времени творчество Ивайло Петрова в болгарской критике и литературоведении вызывало значи-

тельный интерес, (Пантелей Зарев, Крыстё Куюмджиев, Минко Николов, В. Колевский, Т. Жечев, П. Зарев, Ч. Добрев, публикации на страницах журналов «Пламак», «Септември» и «Литературна мисл», еженедельника «Литературен фронт»), ни в болгарском, ни в европейском литературоведении до начала XXI века оно не было исследовано как единое, целостное и эволюционирующее явление. В румынском и азербайджанском литературоведении тоже отсутствуют исследования по творчеству болгарского писателя. Лишь в 2004 году в российском литературоведении появилась диссертационная работа «Творчество Ивайло Петрова в контексте болгарской прозы 1960-1980-х годов» Гиляровой Е. Е., которая рассматривает произведения писателя в контексте феномена «деревенской» прозы в русском и болгарском литературоведении. Автор сравнивает особенности болгарской и русской прозы о селе, проводит подробный анализ повести И. Петрова «Нонкина любовь» и романа «Мертвая зыбь», делает упор на изменении человеческого сознания и поведения в переломные рубежные моменты, сопоставляет творческую и мировоззренческую эволюцию И. Петрова с этапами болгарской прозы периода 60-80-х годов XX века, определяя его вклад в обогащение ее художественных форм и содержания. Важным и новым компонентом анализа творчества писателя являются параллели с произведениями деревенской тематики ряда современных русских (В. Распутин, Ф. Абрамов) и болгарских писателей (Н. Хаитов, Й. Радичков, В. Попов, Г. Мишев).

Диалог национальных литератур даже в аспекте конкретного жанра «деревенской прозы», «темы малой родины» возможен только при учете национальной специфики литератур. «Деревенская проза» для азербайджанской литературы, как и для других литератур Кавказа, явление условное. Мифологическая, суфийская основа многих современных текстов имеет общепhilософское содержание, объединяя по сути понимание «большой родины» через призму «малой родины». В произведениях «деревенской прозы» / прозы о селе стран постсоветского пространства национальный колорит зачастую дополняется интернациональным звучанием, аналогичным русской литературе 60-80х годов XX века темами и образами. В румынской и болгарской литературах понятие «деревенская проза» не укоренилось, хотя по стереотипу взятому из советского литературоведения были созданы национальные модели термина, жанра, герои и образы.

Жанровая дефиниция «деревенская проза» русской литературы оказала влияние на становление этого жанра в других национальных литературах. В период «оттепели» 50-60-х годов XX века немало талантливых авторов «малых» культурных регионов писали на русском и родном языках, внося тем самым вклад, как в русскую, так и в инациональные литературы. До сих пор принадлежность написанных на русском языке произведений «деревенской прозы» инациональных авторов является вопросом дискуссионным, обсуждается проблема их принадлежности к национальному фонду русской литературы. Сравнительно-типологический анализ мотивов, тем, образов произведений «деревенской прозы» русской литературы и «деревенской прозы» / прозы о селе национальных литератур показывает, что несмотря на традиционные, этнические, религиозные расхождения, на жанровую дифференциацию, *объединяющим фактором* является стремление к сохранению самоидентичности, возвращению к корням, то есть, вырисовываются те общечеловеческие ценности, которые говорят о возможности и необходимости межкультурного диалога.

Список использованной литературы

1. Реваз Тваравдзе, *Судьба божественного рыцаря*, послесловие // Чабуа Амираджиби «Дата Тугашхиа», Тбилиси: Мерани, 1982., (720-735).
2. Гурама Одишария «Возвращение в Сухуми», Перевод с грузинского Тамары Гайдаровой.
3. Ион Друцэ, *Время нашей доброты*, стр.265-266.
4. Keith Hitchens, *History and identity in the novels of Ion Druță*. Revista de etnologie si culturologie, Chisinau, 2007, № 2, перевод на русский Татьяны Земба.

Н.М. Борсук (г. Брест, Республика Беларусь)
N. N. Borsuk (Brest, Republic of Belarus Belarus)

УДК 821.161

“ОН НЕ ОТДЕЛЯЛ СЕБЯ ОТ БЕЛОРУСОВ”: ЛИТАРАТУРНЫ ЛЁС ПРАВАСЛАЎНАГА СВЯШЧЭННІКА ПЛАКСІДА ЯНКОЎСКАГА

Анатацыя: У артыкуле асэнсоўваецца лёс праваслаўнага свяшчэнніка, нашага земляка Плаксіда Янкоўскага ў цеснай сувязі з яго творчасцю. Увага звяртаецца перш-наперш на нарысы, у якіх паказана жыццё продкаў у першай палове XIX стагоддзя, узнаўляецца каларыт эпохі, выказваюцца адносіны нарысіста да краязнаўчай працы, да ўз’яднання царквы.

Ключавыя словы: уніяцкі свяшчэннік, нарыс, праваслаўны падзвіжнік, селянін, забабоны, каларыт эпохі, краязнаўца.

"HE DID NOT SEPARATE HIMSELF FROM THE BELARUSIANS": LITERARY FATE OF ORTHODOX PRIEST PLAKID YANKOVSKY

Abstract: The article covers the fate of the Orthodox priest, Plakid Yankovsky in close connection with his work. This article focuses on essays that show the life of ancestors in the first half of the 19th century, recreate era features, express the attitude to local history and the reunification of the church.

Key words: Uniate priest, essay, Orthodox ascetic, peasant, superstition, era features, ethnographer.

Плаксід Янкоўскі. Наш зямляк. Нарадзіўся ў вёсцы Войская Гродзенскай губерніі (зараз гэта Камянецкі раён Брэсцкай вобласці) у 1810 годзе, а ў 1833 накіраваны ў родную вёску ў якасці ўніяцкага свяшчэнніка. Жыццё Плаксіда Гаўрылавіча было цесна звязана з Берасцем. Вучыўся ў Брэсцкай базыліянскай

ўніяцкай школе. На працягу дзесяці гадоў (1848–1858) быў сельскім свяшчэннікам, благачынным у мястэчку Бялавічы Гродзенскай губерніі, маёнтку памешчыка графа Вандаліна Пуслоўскага (зараз гэта Івацэвіцкі раён Брэсцкай вобласці), дзе жыў разам з жонкаю, дзецьмі, а было іх адзінаццаць: пяцёра сваіх, шасцёра – сіроты ад шлюбу І.Гамаліцкага і яго сястры Кацярыны.

Вяртанне імя Плаксіда Янкоўскага пачалося з 2000 года. На навуковай канферэнцыі, прысвечанай 2000-годдзю Раства Хрыстова, што адбылася ў Мінскай духоўнай акадэміі імя Кірылы Тураўскага, прагучаў даклад “Протоіерей Плакід Янковский и его время”. Удзельнікі канферэнцыі наведалі Свята-Георгіеўскую царкву, пакланіліся праху свяшчэнніка. У 2002 годзе былі надрукаваны артыкулы “Птенец гнезда Іосифова” на старонках студэнцкага часопіса Мінскай духоўнай акадэміі і семінарыі “Ступени” і “Дарога П. Янкоўскага да праваслаўя” Андрэя Кэмпфі (на польскай мове, на старонках часопіса прадстаўлена ў перакладзе на беларускую мову) у часопісе “Праваслаўе” [4, с. 49–55]. Імя сумленнага чалавека, таленавітага пісьменніка ўзгадвалася і раней: на старонках энцыклапедыі літаратуры і мастацтва [5, с. 687] як польскага пісьменніка; у 2006 годзе В. Зарэцкай на рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі “Камянецкія чытанні” як пісьменніка-земляка [1, с. 42]. Кніга П. Янкоўскага “Записки сельскаго священника” (2004; 2019), якая прадстаўляе сабой зборнік выбраных твораў пісьменніка, дала штуршок літаратуразнаўцам да вывучэння багатай спадчыны нашага земляка. Так Уладзімір Кісялёў, аўтар прадмовы да вышэйназванага выдання, з цікавасцю звяртаецца да вывучэння спадчыны пісьменніка. Круг пытанняў, якія закранае П. Янкоўскі ў сваёй творчасці, даследчык акрэсліў наступным чынам: форма і змест царкоўных пропаведзяў; спроба далучыцца да разумення загадкавай душы беларускага селяніна, стварэнне абагульненага партрэта праваслаўнага падзвіжніка, адносіны да ўз’яднання царквы, узнаўленне каларыту эпохі, адносіны да кразнаўчай працы...

Свае сілы Плакід Янкоўскі спрабаваў у прозе і вершах яшчэ падчас вучобы ў Віленскім універсітэце. Дастаткова назваць імёны вядомых літаратараў, з якімі Плакід Гаўрылавіч падтрымліваў творчыя сувязі: Ігнацій Шыдлоўскі, Антоній Адынец, Ігнацій Ходзька, Канстанцін і Ігнацій Тышкевічы... Прызнанне да Янкоўскага як да пісьменніка прыйшло пасля аднаўлення адзінства царквы.

Выступаў як пад уласным імем, так і псеўданімамі (напрыклад, Джон Дікальп, Віталіс Камаед). Чалавек працаздольны, адукаваны (ведаў французскую, нямецкую, англійскую, яўрэйскую, грэчаскую, чэшскую, рускую, польскую, лацінскую мовы). Пісаў прозу, вершы, нарысы, артыкулы для газет, анекдоты, эпіграмы, пераважна па-польску і па-руску, займаўся перакладамі (пераклаў на польскую мову Шэкспіра, Гётэ, Пушкіна). Яго пяру належыць каля трох дзесяткаў кніг. Тым не менш, заўважае Ю. Крашэўскі, Плакід Янкоўскі – адзін з тых, хто больш любіў чытаць, а не пісаць, асабліва ў апошнія гады жыцця (апошнія чатырнаццаць гадоў жыцця пражыў у Жыровічах каля манастыра, адасоблена ад людзей і свету), веў перапіску з літаратарамі, вучонымі.

Некаторыя сучаснікі П. Янкоўскага ставілі яму ў віну месца жыхарства (Літва-Беларусь), лічылі, што ў Маскве ў свяшчэнніка было б больш магчымасцяў для развіцця. Палякі былі перакананы, што пад знакам каталіцызму

Плаксід Янкоўскі мог бы жыць, тварыць больш годна. Не дзіўна, што доўгі час яго імя замоўчвалася.

Для нашага пакалення асоба свяшчэнніка, пісьменніка Плаксіда Янкоўскага выступае пуцяводнай зоркай пры асэнсаванні жыцця продкаў у першай палове XIX стагоддзя. Таму і абраны ў якасці назвы артыкула словы Уладзіміра Кісялёва “Он не отделял себя от белорусов”.

П. Янкоўскі прадстае перад намі як чалавек, які не абьякава ставіўся да лёсу земляроба, да сэрца прымаў турботы сялянскай сям’і. Нарысіст не ставіў сваёй мэтай апісаць цяжкае становішча жыхароў на той час Гродзенскай губерні. Яго задача больш тонкая: прымусіць чытача, у тым ліку, памешчыкаў, арандатароў, адчуць тых страшных умоваў, у якіх даводзілася жыць іх падданым. З гэтай мэтай П. Янкоўскі выкарыстоўвае шэраг прыказак: “От колоса до колоса нет места для волоса”, «От колоса до колоса не слышно бабьего голоса»; метафары: “грустное явление”. Няёмкасць адчувае аўтар нарыса “Пасхальные куличи”, калі падчас службы яго вочы сустракаюцца з вачыма прыхаджан. Свяшчэннік лічыць сябе адказным за лёс прыхаджан, ён не здольны адказаць вяскоўцам на пытанне: “Зачем вы сыты, когда мы голодны?” Па гэтай прычыне Плаксід Гаўрылавіч не звяртае ўвагі на некаторыя дробязныя, бяскрыўдныя свавольства вяскоўцаў, становіцца, як трапна заўважае, “нявольным удзельнікам распачатай змовы супраць бацюшкі”.

Безумоўна, не застаецца па-за ўвагаю свяшчэнніка ўмільны погляд матуль на просвіру і той факт, што жанчыны штодзённа прыходзілі да споведзі. “Бедные матери-страдалицы после Св. Причащения делали один только вид, что закусывают, так боязливо прятали их у своего изголовья и так невыразимо бывали обрадованы, когда им, будто по рассеянию, предлагались, вместо одной, две или три частицы антидора!.. Едва же мы успевали отвернуться, как сейчас же всё это передавалось малюткам, подбегавшим к одру матери” [6, с. 35–36].

З павагаю ставіцца свяшчэннік да доктара, лічыць яго практычным, мудрым чалавекам, бо той у якасці лекаў раздае просталюдзінам каларыйную ежу, каб падтрымаць знясіленых людзей. “В баночках и мешочках находились разные сорта хорошо приготовленной крупы, мелкая соль, неугадываемая крестьянами по поводу своей белизны, да и небольшие кружки бульона, постоянно заготавливаемые по указанию фельдшера на барской кухне и положительно уже непонятного для простолюдина ни по своему вкусу, ни по виду. Бульон этот был ... , с одной стороны, большим благодеянием по своей питательности, с другой же стороны, – по отсутствию в нём всех наружных признаков скоромного; так как в противном случае, например, в постное время, не только здоровые ни за что к нему не дотронулись бы, но даже и многие больные решились бы скорей умереть” [6, с. 37].

З пачуццём годнасці П. Янкоўскі канстатуе гістарычны факт: “В памятную, по совокупности всевозможных бедствий эпоху 1854–1855 годов, ничей, не только обличительный, но даже обвинительный голос не посмел коснуться сельских священников» [6, с. 35]. Сапраўды, свяшчэннікі, гэта бачна з нарысаў Плаксіда Янкоўскага, дзяліліся са сваімі прыхаджанамі апошнім кавалкам не толькі звычайнага хлеба, але і па першаму зову Хлебам жыцця вечнага: “Священники почти гостями случались дома. Они постоянно или навещали или

напутствовали больных, или служили заупокойные обедни и панихиды. Возвращаясь для кратковременного отдыха домой, они избегали сношений с домашними и отказывали себе в семейных утешениях, чтобы не передать как-нибудь задатка разных заразительных болезней, среди которых беспрерывно обращались... Их жёны и дочери, со свойственными полу неутомимостью и нежностью сострадания, всегда находили чем-нибудь поделиться с бедствующими” [6, с. 35].

Заслуга пісьменніка бачыцца ў тым, што ён робіць спробу асэнсаваць аб’ектыўныя факты цяжкага становішча сялян. Перш-наперш, кліматычныя ўмовы. Гэтая думка выразна прасочваецца ва ўжытым аўтарам словазлучэнні “неурожаи чрезполосные”. Больш таго, П. Янкоўскі звяртае ўвагу на маральны бок праблемы. Жоўты твар, тусклыя вочы, благія, бясільныя, не здольныя да працы рукі вяскоўцаў, што машынальна, маўкліва цягнуцца да міластыні, выклікаюць у свяшчэнніка не проста боль. У паводзінах сялян пісьменнік заўважае непрыязнь, зайздасць, недавер. Яны, як тонка прыкмячае нарысіст, не паспелі яшчэ пасяліцца ў душах людзей. На думку свяшчэнніка, менавіта гэтыя якасці здольны ператварыць чалавека ў драпежнага звера. Яркі доказ вышэйвыказанай думкі можна прасачыць у нарысе “Никто, як Бог”. Так у няшчасці шасцігадовага хлопчыка Вані Зубко, што заблукаў у лесе, вяскоўцы гатовы абвінаваціць роднага дзядзьку, быццам той, будучы бяздзетным, зайздросціў сям’і брата і вывез дзіця ў лес. “Все, давно забытые, неотдельные от сожителства двух семейств, домашние ссоры, перебранки, угрозы, даже полунамёки, подверглись теперь новому полному пересмотру и толкованию: они наконец-то были разгаданы, становились “ясны” [6, с. 26].

Недавер сялян бачыцца нават у добрым учынку сям’і бацюшкі, якая на Вялікае Свята – Пасху прыгатавала кулічы. Каб не пакрыўдзіць людзей напярэдадні асвячэння, стараста размеркаваў кулічыкі па кошыках. “Будет ли гарнец в этих перцем посыпанных калачиках, которые нам, небось, растыкали сей час же пред освящением, чтобы, мол, дурни не имели времени рассмотреть, не могли одуматься?” [6, с. 40] – разважалі вяскоўцы.

П. Янкоўскі асуджае сябе за тое, што часам ад штодзённага відовішча ўбогасці, ад пачутага прытуплялася пачуццё дабрачыннасці, “сострадательные глаза смежались от невольной боли” [6, с. 34]. Таму і ўдзяляе свяшчэннік значнае месца малітве, паказвае, якое важнае месца ў жыцці кожнага павінны займаць родныя людзі. Дарэчы, П. Янкоўскі, яшчэ будучы студэнтам, ідэалам вясковага свяшчэнніка лічыў дружнюю сям’ю.

На наш погляд, Плаксід Янкоўскі даволі таленавіта прыадкрывае таямніцы загадкавай сялянскай душы. Пісьменнік прыкмячае: матэрыяльныя нястачы селяніна, безумоўна, хвалююць, але іх ён здольны перацярапець, а вось што датычыцца духоўнай сілы. То яе “он подозревает завсегда в какой-то задней мысли и враждебной к нему преднамеренности” [6, с. 95].

Дазволім прывесці некаторыя прыклады з нарыса “Местные суеверия и предрассудки”. Работніца Кацярына, назіраючы за паводзінамі трусаў, убачыла, як яны пасярод пакоя ірвалі, грызлі сваю скуру, дзе толькі маглі дастаць і вырваць зубамі. Ва ўсім ёй мрояцца сурокі, таму і ў паводзінах трусаў абвінавачвае варажэяў. Даведаўшыся ад свяшчэнніка, якому давярае, што самкі

для высціланьня нары збіраюць з сваёй поўсці мяккія, пухкія жмуткі, была расчулена да слёз да гэтых Божых стварэнняў і ўпікала сябе за глупства. А ўвечары яе “добрадзей”, так шануюна яна звярталася да свяшчэнніка, даведаўся, што пабегла Кацярына ў суседнюю вёску і прывяла куму, якая быццам бы ўмела адрабляць насланне. “Эта женщина, приготовив какую-то чёрную, как смоль, воду, варила в ней принесённое с собою полотенце, а после вытирания им всех кроликов, нашёптывая притом таинственные, уже, конечно, ей только известные слова...” [6, с. 93]. Нарысіст невыпадкова параўноўвае селяніна то з дзіцём, то з “несчастливым, угнетённым, долго помыкаемым сиротой, ... с огромным, притом, запасом веками выработанной хитрости и лукавства” [6, с. 95]. І сапараўды, падобнага роду характарыстыка беларускага люду мае падставы. У разуменні мясцовага насельніцтва адазвацца пра каго-небудзь з пахвалою – гэта сказаць «хитрый человек”. Так яўрэі заўжды карысталіся высокім аўтарытэтам у нашага народа, бо колькі беларусы не спаборнічалі з імі ў махлярстве, нашы сяляне заўжды выходзілі пераможанымі.

Нарысіст прыкмячае ў характары палешукоў пачуццё далікатнасці, не жаданне ўдакладняць незразумелую альбо дрэнна пачутую інфармацыю. Тым не менш, пісьменнік папярэджвае, што такія паводзіны не маюць нічога агульнага з пачуццём далікатнасці. Па перакананні сялян, лепш жыць у шчаслівым няведанні, бо так менш адказнасці. Як бачна, зразумець загадкавую сялянскую душу было цяжка нават Плаксіду Янкоўскаму, які вырас сярод палешукоў, выхаваны на мясцовых традыцыях. Пісьменнік не забывае спыніць увагу чытача на асаблівым “таленце” сялян. Сутнасць яго заключаецца ў тым, што любую, на першы погляд, ясную, як дзень, з’яву яны перакруцяць на свой лад, хаця ў душы і будуць перакананы ў праваце выказанай думкі суб’яседнікам.

Як тут не ўзгадаць урывак з нарыса “Суеверия и предрассудки”. Наляцеў вецер і панёс з горкі падводы. Свяшчэннік схапіў дзве тычыны і кінуў іх пад колы. Адна падвода спынілася, а другую моцны парыв ветру падхапіў і панёс далей. Работнік знаходзіць гэтаму здарэнню тлумачэнне. “Баццюшка как ни хитёр, а промахнулся. Думал, что подставил им обе-то тычины осиновые, а вышло, что одна из них берёзовая» [6, с. 99]. Безумоўна, у згаданай гісторыі адбілася вера палешукоў у цудатворную сілу асіны, у аснову якой пакладзена апакрыфічнае паданне пра грэшнага апостала.

Плаксід Янкоўскі ў нарысе “Суеверия и предрассудки” сцвярджае: “Народные предрассудки, как неуловимые призраки, решительно недоступны не только рукопашной схватке, но даже самой наглядной действительности” [6, с. 97]. Назапашаны вопыт не дазваляў свяшчэнніку П. Янкоўскаму весці барацьбу супраць знахараў, хаця некаторыя служыцелі рэлігійнага культу не дапускалі варажэяў да споведзі, нават не дазвалялі заходзіць у царкву, удзельнічаць у хрысціянскіх абрадах. Бяспрэчна, такога роду паводзіны святых людзей выклікалі ў прыхаджан недавер, затоеную крыўду, злосць, а рамяство знахараў па-ранейшаму квітнела. Пісьменнік расказвае, як разгневаны свяшчэннік прыказаў прывязаць да валоў, што цягнулі на могілкі драбіну з труною, знахара, па віне якога памерла жанчына. Народ выканаў загад свяшчэнніка. Але як не дзіўна, ні прыхаджане, ні так званы “лекар” не адчувалі за сабой віны.

Пастыру не ўдалося абняславіць знахара, ён толькі выклікаў незадаволенасць сваімі паводзінамі з боку вяскоўцаў.

Плаксід Янкоўскі быў перакананы, што ў неадукаванасці мясцовага насельніцтва крыеца прычына іх веры ў рознага роду забабоны. Вось чаму вяскоўцы з нарыса “Ніхто, як Бог” не здолелі зразумець “всю цену оказанного Ване Зубко свыше благодеяния” [6, с. 30].

Былы ўніяцкі пратаірэй Плаксід Янкоўскі з сімпатыяй ставіцца да ўніяцкіх свяшчэннікаў, бо яны, згодна назіранняў Плаксіда Гаўрылавіча, сталі для мясцовага насельніцтва ўзорам вядзення гаспадаркі, выхавання дзяцей, гасціннасці.

Характарыстыка свяшчэнніка (нарыс “На рубеже. Очерки недавнего и современного быта воссоединения духовенства») пачынаецца з дробнай дэталі – апісання пагоста, “убогага, беднага”. Тым не менш, аўтар некалькі разоў падкрэслівае, што гэта “не та бедность, которая, поникнув головой и скрестя руки, пассивно покоряется неодолимому гневу обстоятельств” [6, с. 130]. Лата на царкоўнай страсе, пляцень вакол царкой сядзібы, падпоры, якім абнесена калакольня, царкоўная агароджа, сад – гэта наглядныя доказы непрымірымай барацьбы з беднасцю, якія прыводзіць пісьменнік на старонках нарыса. П. Янкоўскі звяртае ўвагу наведвальніка вёскі на той факт, што ўсё, што адкрываецца яго зроку, зроблена клапатлівымі рукамі свяшчэнніка, на яго сціплыя сродкі, бо на прыхаджан, якія на працягу шасці дзён адбывалі баршчыну, разлічваць не даводзілася. Свяшчэннік працуе сумленна, без абвінавачванняў у адрас прыхода, без аглядкі на прысутных, быццам нехта павінен яму дапамагчы. Прыметнікі, ужытыя нарысістам, “скромный, бедный, усердный, домостроительный седовласый пастырь”, думаецца, ёміста ўбіраюць ў сябе тую значную колькасць прыніжэнняў, выпрошванняў, праз якія давялося прайсці свяшчэнніку за кожны кол агароджы.

З папярэдняй тэмай цесна пераплятаецца тэма выхавання маладога пакалення. Дзеці свяшчэнніка не саромеюцца роднага дома, бацькоў, на канікулах працуюць разам з бацькам на зямлі, дапамагаюць. З раняга дзяцінства свяшчэннік прывучаў дзяцей да рознага роду заняткаў яшчэ і па той прычыне, што хваляваўся за іх будучыню, каб маглі яго нашчадкі, калі з бацькам здарыцца няшчасце, зарабіць на кавалак хлеба пасільнай працай, а не хадзіць і выпрошваць міласціню. Сорамна за некаторых суседскіх маладых людзей, які з’ехалі ў горад, не дапамагаюць бацькам і нават імя памянjalі, “хотя, может быть, именно этим скорее обнаруживали, чем скрывали своё происхождение. Это, конечно, более, нежели прискорбно” [6, с. 136]. Як бачна, перад намі прадстае вобраз мудрага чалавека, які быў прасякнуты глыбокім пачуццём доўга, “религии сердца” [6, с. 111].

Свяшчэннік не абыякава ставіцца і да праблемы п’янства, курэння, асабліва ў асяроддзі маладых людзей. Гэтыя, на першы погляд, нязначныя дробязі, апашляюць чалавека, нічога агульнага не маюць з пасадай настаўніка альбо пастыра. Пісьменнік звяртае ўвагу бацькоў, што да гэтага зеля ў чалавека павінна быць схільнасць, якая можа выявіцца ў поўную меру ў нейкіх крытычных умовах, быццам “старается наверстать упущенное время” [6, с. 129].

Нарыс набывае асаблівае значэнне, таму што ў ім апісваецца маральны воблік духавенства ў складаны гістарычны перыяд пераходнай эпохі. Нарысіст

не спыняецца на праблемах, якія давалося вырашаць на шляху пераходу ад уніяцтва да праваслаўя. На думку пісьменніка, «не место здесь, да и не цель наша, исчислять тот строго систематический ряд последовательных преобразований, которыми почти незаметно-капельными, так сказать, но верно рассчитанными ударами, разрушалось дряблое, хотя и более уже чем двухвековое здание злополучной унии» [6, с. 112]. Але бачна, што П. Янкоўскі пры вырашэнні любога пытання лічыць адзіна надзейнай толькі “перамогу мірнага пераканання” [6, с. 112].

На старонках кнігі “Записки сельского священника” прадстаўлены абагульнены партрэт праваслаўнага падзвіжніка таго часу. Пісьменнік звяртаецца да такіх імёнаў, як Сіткевіч, Баброўскі, Тупальскі, Гамаліцкі (раздзел “Воспоминания”). Пісаць пра Пракопія Сіткевіча было нескладана, таму што гэта сябар сям’і, чалавек, якога паважала палескае духавенства, мясцовыя жыхары. Ці не па гэтай прычыне па аднаму толькі слову свайго дабрачыннага палешукі адзінагалосна заявілі аб гатоўнасці да ўз’яднання. Аўтар успамінаў звяртае ўвагу чытача на цудоўную памяць, прафесіяналізм П. Сіткевіча і з упэўненасцю завярае чытача, што нават, калі б здарылася няшчасце і богаслужэбныя кнігі зніклі, то свяшчэннік змог бы іх узнавіць па памяці. П. Янкоўскі захапляўся Сіткевічам, бо той выступаў у абарону палешукоў, іх мовы, якая нічога агульнага не мае з паняццем “медвежий говор” (азначэнне выкарыстоўвалася наведвальнікамі краю): «Храмы наши, правда, крайне бедны, но и мы же все живём не в палатах. Убогий здешний народ не оскудел однако ж верою и усердно притекает к своим убогим же святыням. Да он, должно быть, и не так глуп, как может это казаться стороною, когда несмотря на вековые самые неблагоприятные климатические и бытовые условия всё еще чужд апатии к труду, а нравственно остаётся так чист, что о проступках уголовных знает разве только из молвы. В этом последнем отношении, конечно, и на долю духовенства приходится хоть скромная частичка доброго примера» [6, с. 236]. Пісьменніку імпануюць ў Сіткевічу такія якасці, як “невинный юмор, теплота сердечная, редкая наблюдательность, такт, голубиная простота души” [6, с. 227]. Услухаемся, як мудра апаніраваў герой нарыса свайму сябру на заўвагу, быццам той схавалася з гадамі за сваімі маршчынамі: “А то як была покойница-баба. То их чисто заговаривала: як же покинула хату, так и напустились на менэ стадом...” [6, с. 239]. Тут і чуллiвая адданасць памяці супругі, і характарыстыка ўдаўства свяшчэнніка.

Плаксід Янкоўскі – выдатны краязнаўца. Гэтая якасць асабліва выявілася ў “Заметке о Сынковичской церкви”. Яшчэ ў тыя часы навуковец сфармуляваў асноўныя палажэнні краязнаўства як навукі, якімі карыстаюцца сучасныя даследчыкі. Па-першае, нарысіст сцвярджае, што мінулае лепш усяго пацвярджаецца сапраўднымі граматамі, судовымі актавымі кнігамі, якія па прычыне нетрываласці матэрыялу, нядбайнасці захоўвання былі знішчаны. Па другое, П. Янкоўскі абпіраецца і на жывыя мясцовыя паданні, хаця і яны па аб’ектыўных прычынах (сталы ўзрост апавядальніка, выказваюцца розныя версіі) уносяць блытаніну ў аповед пра той ці іншы помнік культуры. Паэтычна сказана Плаксідам Гаўрылавічам і пра самі помнікі, якія валодаюць, на думку

свяшчэнніка-нарысіста, “мовай, красамоўствам і нават слязамі” [6, с.162]. П. Янкоўскі спрабаваў унікнуць у гісторыю Сынкавіцкай царквы.

Паколькі Сынкавіцкая царква пабудавана ў адным стылі з Маламажэйкаўскай, а апошняя не была мячэцю, нарысіст прыходзіць да высновы, што пабудавана Сынкавіцкая царква была як праваслаўная. Не адмаўляецца Плаксід Янкоўскі і ад версіі пабудовы культавага помніка татарамі. “Как молитвенный дом оно обращено на восток к Каабе, как хранилище сборного имущества, оно снабжено двойными стенами и потаённым в них ходом; наконец, как цитадель, оно защищено четырьмя стрельчатыми башнями и большою железною дверью, с которой одной нелегко уже совладеть, предполагая притом ещё возможность внутреннего отпора” [6, с. 166]. Падставы для такога меркавання, безумоўна, былі. З гісторыі вядомы тры перыяды пасялення татар на нашай зямлі: ХІV, ХV, ХVІ стст. Больш таго, мясцовыя ўлады імкнуліся абласкаць і прывязаць гэты народ да новай айчыны. Татарам была выдзелена зямля, дано права заключаць шлюб з хрысціянкамі, дазволена поўная свабода ў выкананні рэлігійных абрадаў і г. д. І толькі з прыходам да ўлады Сігізмунда III, які распачаў мерапрыемствы супраць “нечестивых басурманов”, прывілеі татар былі абмежаваны. Тым не менш, не ўсе прадстаўнікі гэтага народа ў гэтыя трагічныя часы пакінулі беларускія землі, некаторыя скіталіся і чакалі лепшых часоў. І сапраўды яны наступілі: “Несколько десятков татарских семейств, бежавших из Слонима, в котором и теперь сравнительно более ещё татар, нежели во всех остальных пунктах нашей губернии, временно поселились в этой, тогда ещё сплошь лесистой, местности, построили для себя на скорую руку кое-какие хижины, но затем все усилия обратили на постройку мечети» [6, с. 166]. Як бачна, П.Янкоўскі паводзіць сябе як сапраўдны вучоны: выказвае версіі, абавіраецца на факты, вывучае новы матэрыял і ўступае сам з сабой у дыскусію. Здаецца, версія з татарамі прыгожая, аргументаваная. Але з цягам часу і яна П. Янкоўскаму здаецца непрымальная. Па-першае, усе нашы святыні звернуты на ўсход. Па-другое, царква мела масіўныя сцены, па такому прынцыпу будаваліся ўсе нашы замкі. Па-трэцяе, нетрадыцыйная пабудова свода магла служыць для ўзмацнення рэзанансу падчас царкоўнага песнапення. Дарэчы, падобныя адтуліны знаходзяцца і ў скляпенні Навагрудскай саборнай царквы. Напрацоўкі П. Янкоўскага па разгледжанаму пытанню, безумоўна, нельга лічыць дарэмнымі. Мы перакананы, што матэрыял, сабраны крязаўцам, стаў асновай для далейшага вывучэння гісторыі царквы зацікаўленымі людзьмі.

Кнігу “Записки сельского священника” П. Янкоўскага, на наш погляд, можна па праву назваць “жывой кнігай», бо кожная яе старонка вяртае чытача ў мінулае. Каларыт вясковых ярмарак адчуваецца пасля прачытання нарыса “Крестьянская правда”. Уявіце сабе 1 кастрычніка, плошчу насупраць Жіровіцкага манастыра, якая з шумам Ніагарскага вадаспада напаўняецца людзьмі, экіпажамі, лаянкай, праклёнамі, выгукамі: лаві, трымай, несціханай гаворкай, смехам, слязамі, гулам. Не ва ўладзе паліцыі размеркаваць бясконцую чараду рознакаліберных вазоў: “Но едва только в следовании их произойдёт малейшая остановка, как опять всё покрывается волною пешеходов, и ярмарочная публика ровно уже не двигается, а что называется, колышется на месте... Так как телеги наших сельских обывателей по свойственному им распорядку никогда не устанавливаются стройным рядом, а

завсегда скучываються как ни попало, лишь бы в своей, т.е. однодеревенской компании” [6, с. 43]. Чытач становіцца сведкай таго, як кемлівыя наведвальнікі ярмаркі абіраюць нязграбны шлях перамяшчэння па вазах, а салдацік на падпітку альбо кволы, лёгкі, як пушынка, яўрэй не грэбуюць і плячом суседа альбо галавой бліжняга.

Збор на ярмарку для мясцовага насельніцтва быў цэлым рытуалам, людзі пралічвалі менавую вартасць тавару, што могуць прыдбаць за выручку, колькі адкладуць на чорны дзень, нават гатунак манеты, якой будуць разлічвацца. Таму прапанова з боку гандляра разлічыцца з пакупніком крэдытнымі білетамі выклікала абурэнне.

Уменне таргавацца, здаецца, было закладзена ў душу кожнага з наведвальнікаў ярмаркі ад прыроды: “Стоит только, например, увлечьса присуцей всем покупателям слабостью немного поторговаться, – и сейчас же возле вас найдётся какая-нибудь добродушнейшая фигура, которая с видом самого несомненного ротозея станет прислушиваться, как это вы и к чему прицениваетесь, затем, тихомолком отсчитав, преспокойно кладёт на ладони продавщицы запрошенные ею деньги и, даже вам не поклонившись, удаляется с достоинством и товаром” [6, с. 43].

Нельга не адзначыць, што ярмарку пісьменнік апісвае з педантычнай падрабязнасцю. Чытачу запамінаецца каларытная фігура Аляксея Хоміна. Па першаму погляду на пакупніка гандляр кажухамі, футрамі мог вызначыць яго памер і прапанаваць кажух, які быццам бы сшыты і прывезены спецыяльна для гэтага чалавека. Па-за позіркам гандляра не заставаўся ні адзін з гасцей. «Отец между тем продолжает выкидывать на прилавок все новые и новые тулупы, из коих каждый приходится как раз впору и меру покупателю и, заметьте, всю эту безошибочную и бесконечную операцию должен производить одною левою рукою, так как правая постоянно занята сниманием картуза, сопровождаемым самым вежливым поклоном да моим вам почтением, отпускаемыми преисправно и порознь каждому новому посетителю, подходящему к прилавку. С очень многими дружелюбнейший А.А. успевает даже перецеловаться, и то – на все три темпа” [6, с. 47].

Для жыхароў мястэчка, нягледзячы на тое, што ім належыла пасіўная роля назіральнікаў, і агароджы іх трашчалі ад націску натоўпу і коней, а агароды, кветнікі пакутывалі ад гультаяватых наведвальнікаў ярмаркі, першае кастрычніка было асаблівым днём. У хаце заставаліся, як правіла, толькі гаспадары, служанкі, прыкмячае аўтар, адпраўляліся на плошчу без усякай патрэбы, нават не зачыніў за сабой дзвярэй. За дзеяй, што разгортвалася насупраць манастыра, жыхары назіралі ў акно і часам станавіліся нявольнымі сведкамі амаральных учынкаў гасцей мястэчка.

Як вядома, спачуванне, дабрыня, міласэрнасць – вызначальныя якасці беларусаў. Ці не таму пісьменнік узгадвае тыповы эпізод з дня ярмаркі, каб шчырыя людзі вучыліся адрозніваць “сумленную і працавітую беднасць» ад крадзяжу. “Промеж этих самых столь шумных и сияющих довольством групп пробирались медленно, апатично, молчаливо, словно три какие-то блуждающие тени три бедные и жалкие еврейские фигуры, до того отмеченные горем, что при одном их виде болезненно уже сжималось сердце. Злополучные эти суще-

ства, двигавшыся как бы не по своей воле, с поникнутой головой и понуреными в землю глазами, тем достойнее казались сострадания и братской милостыни, что не вымаливали её нахально, наподобие наших крикливых нищих и не протягивали рук, а напротив, как бы в урок своим праздным христианским собратам тщательно собирали по земле то клочья шерсти, то разные обронённые лоскутки и лохмотья... И мы сочли – да, наверно, не мы одни – своим прямым долгом поспешить, по возможности, навстречу этой честной и трудолюбивой бедности» [6, с. 49].

Пісьменнік на працягу жыцця імкнуўся зразумець, але, на наш погляд, так і не здолеў, чаму мы, беларусы, вінаватымі за амаральны ўчынак суседа, выпадковага падарожнага, адчуваем сябе: “Кто знает, поспей я передать ему эти копейки, доселе ещё праздно у меня валяющиеся в руке, может быть, отвлѣк бы я и спас человека от преступления!” [6, с. 51]. У гэтых словах, пагадзіцеся, і гонар за свой народ, і захапленне ўменнем беларусаў спачуваць, і злосць, што кожны можа панукаць палешуком.

Пра недасканаласць законаў пісьменнік разважае ў нарысе “Крестыянская правда”. Але ж П. Янкоўскі не прызнае і народны суд. На думку пісьменніка, кругавая парака, брацтва, салідарнасць – гэта толькі гучныя модныя фразы, і не болей. Каб пераканаць у гэтым чытача, нарысіст наглядна паказвае, як быў вырашаны лёс злодзея. “Пропить проклятую шкуру” – такая прапанова паступіла з натоўпу. Безумоўна, нічога агульнага з такім паняццем, як чалавекалюбства, яна не мела: “Отштрафовали в пользу кабака да ради консоляции” (слова, якое захавалася ад мясцовых царкоўных брацтваў, што азначае наладжваць выпіўку пасля кожнага богаслужэння).

Творы П. Янкоўскага цікава чытаць, таму што пісаў Плаксід Гаўрылавіч пратое, што добра ведаў. З сімпатыяй ставіўся да простых беларусаў, тонка адчуваў патрыярхальную паэтычнасць сваёй зямлі, народа. Зямлю (Літву) называў “каханая”. П. Янкоўскі – чалавек мяккі, але з цвёрдымі перакананнямі. Блізкі сябар святшчэнніка Валіцкі пісаў, што ніколі не сустракаў чалавека, які так любіў свой край, землякоў, дом, Зносіны з радзімай былі для яго найвышэйшым багаццем. “Як расліна без сонечных промняў, як рыба без вады, ён не змог бы жыць удалечыні ад свайго краю, ад роднага дома” [6, с. 10]. Бясспрэчна, спадчына пісьменніка Плаксіда Гаўрылавіча Янкоўскага патрабуе грунтоўнага асэнсавання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Зарэцкая В. Літаратурная Камянецчына / В. Зарэцкая // Права і эканоміка. Камянецкія чытанні: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі (4 верасня 2005) ; адк. рэд. А.А. Лукашанец. – Мн. , 2006. – С. 40–48.

2. Кіселёў, У. Святар, прафесар, пісьменнік: адным з тых, хто падрыхтаваў акт уз’яднання праваслаўнай царквы быў і наш зямляк Плакід Янкоўскі / У. Кіселёў // Народная трыбуна. – 2012. – 13 ліпеня. – С. 9.

3. Кіселёў, У. Плакід Янкоўскі: Святар і пісьменнік / У. Кіселёў // ЛіМ. – 2004. – 6 жніўня. – С. 12.

4. Кэмпфі, А. Дарога П. Янкоўскага да праваслаўя / А. Кэмпфі // Праваслаўе. – 2002. – № 11. – С. 49–55.

5. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. – Мн. : Выд-ва “Беларуская савецкая энцыклапедыя” ім. П. Броўкі. – 1995. – Т. 5. – С. 687.

6. Янковский, Плакид Гаврилович. Записки сельского священника / П. Янковский ; предисл. В.Н. Киселёва. – 2-е изд., доп. – Мн. : Медиал, 2019. – 256 с.

В. А. Буднік (*Брэст, Рэспубліка Беларусь*)

V. A. Budnik (*Brest, Republic of Belarus*)

УДК 82.09: 821.161.3

АРХЕТЫП МАЦІ Ў БЕЛАРУСКАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ (НА ПРЫКЛАДЗЕ РАМАНА І. ПТАШНІКАВА “АЛІМПІЯДА”)

Анатацыя. Артыкул прысвечаны выяўленню архетыпу маці ў беларускай літаратуры другой паловы XX ст. (на прыкладзе рамана І. Пташнікава Алімпіяда”). Абапіраючыся на архетыпічную тэорыю К.-Г. Юнга, аўтар адзначае, што архетыпічнае напаўненне жаночых вобразаў большасці твораў І. Пташнікава прадстаўлена разнастайнай палітрай пераасэнсаваных універсальных і этнакультурных першавобразаў: маці (Радзімы-Жанчыны, Радзімы-Прыроды, Маці-Зямлі).

Мэтай даследавання з’яўляецца выяўленне архетыпага вобраза маці ў рамане І. Пташнікава “Алімпіяда”. Аналіз з’яўляецца актуальным, бо даследаванне дазволіць больш дакладна акрэсліць ідэйна-эстэтычную значнасць творчай спадчыны пісьменніка ў беларускай нацыякультурнай прасторы і выкарыстаць атрыманыя вынікі ў адукацыйным працэсе.

Ключавыя словы: архетыпы, К.-Г. Юнг, рэпрэзентацыя, архетыпы жаночых вобразаў, жаночыя персанажы, архетыпавыя вобразы, паэтыка.

THE ARCHETYPE OF THE MOTHER IN THE BELARUSIAN PICTURE OF THE WORLD (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "OLYMPIAD" BY I. PTASHNIKOV)

Annotation. The article is devoted to revealing the archetype of the mother in the Belarusian literature of the second half of the twentieth century. (for example I. Ptashnikov's novel *The Olympiada*). Based on the archetypal theory of K. Jung, the author notes that the archetypal content of female images in most of the writer's works is represented by a diverse palette of reinterpreted universal and ethnocultural prototypes: mother (Motherland-Woman, Motherland-Nature, Mother-Earth).

The aim of the research is to reveal the archetypal image of the mother in I. Ptashnikov's novel *"Olympiada"*. The analysis is relevant because the research will allow to study the creative writer's heritage in more detail and to use the obtained results in the educational process.

Key words: archetypes, Carl Jung, representation of archetypes in female images, female characters, archetypal images, Belarusian literary heritage of the XIX century.

Тэрмін *архетып* у энцыклапедычным значэнні выражае (ад грэч. *arche* – пачатак і *typos* – вобраз) агульначалавечы першавобраз, персанаж, што паслядоўна пераўтвараецца ў міфах, літаратуры і індывідуальным мысленні; спосаб сувязі вобразаў, што пераходзяць з пакалення ў пакаленне» [3, с. 9].

Першапачынальнамі ідэі архетыпу яшчэ ў старажытным мастацтве з'яўляюцца Платон і Аўгустін. Пазней гэты тэрмін сустракаецца ў працах і творах нямецкіх рамантыкаў у пачатку XIX ст. Але сапраўднае жыццё тэрмін “архетып” атрымаў у розных сферах ведаў (філасофіі, псіхалогіі, культуралогіі, літаратуразнаўстве) дзякуючы працам швейцарскага псіхолага Карла-Густава Юнга (1875–1961).

Згодна з тэорыяй К.-Г.Юнга, мадэлі чалавечага вопыту закадзіраваны па генетычнай лініі і пераходзяць з пакалення ў пакаленне. Гэта значыць, што тоесныя архетыпавыя матывы і вобразы сустракаюцца і ў няроднасных культурах і сферах мастацтва. К.-Г. Юнг разумеў архетып як агульначалавечы вобраз. Архетыпы ёсць у падсвядомасці чалавека незалежна ад яго нацыянальнасці, адукаванасці або густаў.

Пісьменнікі, паводле К.-Г. Юнга, не толькі носяць у сабе гэтыя вобразы, але і здольныя іх рэпрадуцыраваць, пры гэтым рэпрадукцыя не з'яўляецца простаай копіяй, а напаяняецца сучасным кантэкстам. У паняцце *архетып* К.-Г. Юнг уключаў не толькі вобразы міфалагічных герояў, але і агульначалавечыя сімвалы – агонь, неба, вада, дом, хлеб, маці і іншыя.

У 90-я гады XX ст. да паняцця *архетып* пачалі звяртацца і беларускія даследчыкі. Так, літаратуразнавец Уладзімір Мархель даў сваё азначэнне паняцця: “Архетып – гэта амаль нязменная непарушаная зададзенасць, якая ўступае ў рэалізацыю на мяжы інтуітыўнай падказкі і ва ўсякай дзейнасці чалавека, у тым ліку і ў мастацкай творчасці, выконвае ахоўную ролю, прытым на ўзроўні родавага інстынкту самазахавання” [2, с. 12].

Да найбольш старажытных архетыпаў належаць: душа, мудрэц, Маці-Зямля, герой-асілак, дэман і іншыя. Правобраз Маці-Радзімы таксама лічыцца старажытным. Беларускія паэты і празаікі XX – пачатку XXI стст. вельмі часта звяртаюцца да фальклору, гісторыі беларускага народа з мэтай знайсці тлумачэнне сённяшняму дню і прадбачыць будучую карціну жыцця праз аднаўленне архетыпаў беларускага нацыянальнага свету. Ствараючы адпаведныя правобразы, пісьменнікі адлюстроўваюць у сваёй творчасці гісторыю беларускага селяніна, успамінаючы ўсё забытае, назапашанае папярэднімі пакаленнямі. У беларускай літаратуры вельмі распаўсюджаным, частаўжывальным сімвалам увасаблення нацыянальнай гісторыі, спадчыны, нацыянальнага менталітэту з'яўляецца архетыпавы вобраз Маці-Радзімы.

Канцэптuallyна-сэнсавае напаяненне жаночых вобразаў у мастацкай літаратуры нярэдка з'яўляецца індикатарам, адметнасцю светапогляду пісьменніка. Тыпалогія мастацка-літаратурных жаночых вобразаў, як правіла, характарызуе структуру грамадства і ўказвае, якое месца ў сучасным аўтару свеце займае жанчына. *Архетып маці* застаецца адным з асноўных у літаратуры і мастацтве. Ён мае шырокае, традыцыйна гуманістычнае ўніверсальна-сэнсавае напаяненне. У славянскіх літаратурах гэты архетып з'яўляецца ўвасабленнем жыцця, яго нараджэння і захавання. Жанчына ў славянскім фальклору і літаратуры – гэта захавальніца сям'і, роду, увасабленне жыццядайнасці, трывушчасці.

У беларускай духоўна-мастацкай прасторы другой паловы XX стагоддзя архетып *маці* – адзін з самых ёмістых. Ён паядноўвае тыпалагічныя рысы пяшчотнай і нястомнай матулі-працаўніцы, жанчыны-патрыёткі, на долю якой выпала змаганне супраць фашыстаў за волю роднай зямлі, за захаванне дзяцей і сям'і ў суровы час акупацыі.

У беларускай літаратуры ў драматычнай велічы прадстаўлены высокамастацкія вобразы трывушчых жанчын-удоў, салдатак, чые мужы, гаспадары, каханья загінулі на вайне, ці былі рэпрэсаваны яшчэ ў даваенны час. Працай, каханнем, любоўю, самаахвярнасцю беларускіх жанчын неаднойчы ў гісторыі адраджалася жыццё на нашай зямлі. І як гэта часта бывае, у сітуацыі жыццёвай хісткасці, небяспекі жанчына-працаўніца бярэ на сябе адказнасць выратавання іншых. Вобраз і лёс беларускай жанчыны знаходзіць шматаспектнае ўвасабленне ў нашай літаратуры.

Да архетыпу *маці* часта звяртаюцца многія беларускія празаікі.

Так, вобраз велічнай жанчыны-маці вельмі адметна намалюваны ў апавяданні “*Маці*” (1957) Янкі Брыля, у якім празаік раскрывае сціплую і ў той жа час мужнюю беларускую жанчыну-маці, якая шмат гора і пакут перанесла на сваім вяку.

У творчасці Васіля Быкава вобраз жанчыны-маці, патрыёткі і проста чулага, справядлівага чалавека адлюстраваны ў асобе галоўнай гераіні аповесці “*Знак бяды*” (1982) Сцепаніды, прататыпам якой стала маці самога пісьменніка. У гэтым вобразе В. Быкаў увасобіў лепшыя рысы беларускай жанчыны: працавітасць, сумленнасць, душэўнасць, сілу і нязломнасць чалавечага духу, высокую чалавечую годнасць, а яшчэ гатоўнасць да самаахвярнасці.

Адметнае месца ў шэрагу выдатных творцаў нацыянальнай беларускай прозы, стваральнікаў высокамастацкіх жаночых вобразаў, у тым ліку маці-працаўніцы і ахавальніцы жыцця, займае І. Пташнікаў.

Цікавым і прынцыпова важным у творчасці пісьменніка з’яўляецца вобраз Грасільды ў аповесці “*Лонва*” (1965). Сам пісьменнік у гэтым тыповым і адначасова велічным жаночым вобразе зафіксаваў мастацкае спасціжэнне духоўных вытокаў жыццястойкасці беларускага народа. Гераіня твора засталася адна, многа гора вынесла за вайну, страціўшы сям’ю і дзяцей, гэтая добрая беларуская жанчына. Але асабістае гора, цяжкасці і пакуты, што выпалі на яе долю, не прыглушылі шчырасці і павагі да людзей, дабрыні яе сэрца, спагадлівасці.

Вобраз Насты, яшчэ адной пташнікаўскай гераіні з аповесці “*Тартак*” (1967), таксама бачыцца сімвалічным увасабленнем жанчыны-маці, якая, ахвяруючы сабой, ратуе дзяцей – самае дарагое, што ў яе ёсць. У сваім мацярынскім клопаце, хваляванні пра лёс, пра жыццё дзяцей Наста да апошняй хвініны застаецца па-жаночаму высакароднай. І апошнія думкі Насты – таксама пра дзяцей. Яна прадстае сапраўднай Маці: параненая, гераіня з апошніх сіл трымаецца і намагаецца ісці. Яе шлях – да дзяцей. Для яе дзеці – гэта яе мары, будучыня, сэнс і працяг жыцця. Гэты жаночы вобраз – адзін са шматлікіх у беларускай літаратуры прыкладаў самаахвярнасці, мацярынскага подзвігу.

Вобраз жанчыны-маці, самаадданай працаўніцы пісьменнік удала паказаў у апавяданні “*Тры пуды жыта*” (1998). Гэта вобраз Александрыны – жанчыны-маці, у якой важнай рысай характару з’яўляецца ўнутраная стойкасць. Гераіня надзелена пачуццём высокай духоўнасці, якая спалучаецца з бескарысліваасцю. Праз гэты вобраз пісьменнік стварае ўнікальную канцэпцыю жаночкасці, маральнасці, сумленнай адказнасці перад мінулым і будучым. У гэтым вобразе, на наш погляд, адлюстравана ўяўленне пісьменніка аб ролі жанчыны ў беларускім свеце, аб жаночым ідэале.

Раман І. Пташнікава “*Алімпіяда*” (1984) з’яўляецца цэнтральным у творчай спадчыне аўтара. На высокім ідэйна-мастацкім узроўні ствараецца вобраз

галоўнай гераіні – *Алімпіяды Падаляк*. Гэтая пташнікаўская гераіня стала яшчэ адным важным вобразам-архетыпам жанчыны і маці ў беларускай літаратуры 2-ой паловы ХХ ст. Яна – ратавальніца, ахоўніца жыцця і нястомная працаўніца. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на духоўным свеце гераіні, на яе прыроджанай душэўнай мудрасці, на ўменні прымірыцца з абставінамі і застацца годнай.

Пісьменнік рэалістычна, псіхалагічна-дакладна ўзнаўляе напружанае, бязмерна цяжкае жыццё беларускай калгаснай вёскі 60-х гадоў ХХ стагоддзя і стварае шэраг пераканаўчых жаночых вобразаў-тыпаў.

Асноўныя сюжэтныя падзеі ў рамане разгортваюцца ў шасцідзiesiąтыя гады ХХ ст., на што ўказвае падзагалавак гэтага твора – “воблакі шасцідзiesiąтых”.

У кожны час па-розаму і розны ціск церпіць чалавек з боку абставін, а ў ваенныя часы ён найбольш жорсткі на духоўныя асновы чалавека, на яго душу. У першыя пасляваенныя гады голад, страшэнная праца фізічна губілі чалавека. А ўжо ў шасцідзiesiąтыя, хоць напор абставін менш прыкметны, але ўсё роўна глабальны. Устойлівасць чалавека – фізічная і духоўная – значна знізілася. Выпрабаванне гадоў акупацыі, першыя пасляваенныя галодныя гады не прайшлі бяследна. Гэты час вызначаецца складанасцю: характэрна тэндэнцыя да негатыўна-застойных з’яў, а для вёскі гэты час увогуле быў асабліва разбуральны. Атмасфера духоўнай няпэўнасці, няўстойлівасці, разорваных чалавечыя лёсы, драматызм жыцця наогул узніклі не самі сабою. Іх выток – у больш далёкіх часах, пазначаных глыбокім узрушэннем ваеннага ліхалецця і выпрабаваннямі мала чым лягчэйшых першых пасляваенных гадоў. У рамане няма разгорнутых карцін жыцця першых пасляваенных гадоў. Ёсць асобныя фрагменты-ўспаміны тых, хто перажыў той час. Такі наратыўны прыём рэтраспектыўных успамінаў бачыцца сёння актуальным, бо многія творы пісьменніка пабудаваны менавіта такім чынам і адлюстраваныя падзеі псіхалагічна тонка перадаюць стан асобы героя. І. Пташнікаў спецыяльна падкрэслівае, што паздее адбываюцца ў 60-я гады. Узяты практычна адзін беларускі калгас, з яго штодзённымі праблемамі і цяжкай працай людзей. Але ў рамане бачыцца адчуванне вялікага жыцця раёна, рэспублікі, народа і краіны пасляваенных гадоў.

Вобраз галоўнай гераіні рамана – *Алімпіяды Падаляк* арганізуе ўсю вобразную сістэму ў творы, у ім у вялікай ступені выяўлены адносіны аўтара да жыцця, да навакольнага свету.

Пры стварэнні вобраза галоўнай гераіні, жанчыны-маці, І. Пташнікаў абапіраўся на аўтабіяграфічны вопыт. Вядома, што ў рамане “*Алімпіяда*” пісьменнік увасобіў лёс роднай маці, якой у той час ужо не было. На сустрэчах з чытачамі І. Пташнікаў успамінаў, як у красавіку 43-га года маці на тры дні знікла з дому, бо даведлася, што ў далёкай вёсцы, больш за трыццаць кіламетраў ад роднага Задроздзя, гінуць каровы. Яна, юная жанчына, прайшла семдзiesiąт кіламетраў, каб здабыць сваім дзецям карову. Два дні крок за крокам, упрошваючы, падштурхоўваючы, плачучы, праклінаючы і спадзеючыся, вяла яна карміцельку да дому. Дасягнуўшы мэты, дайшоўшы да пагорка роднай вёскі, маці і карова знясілена ўпалі пад красавіцкім сонцам. Гэтыя ўспаміны пісьменніка аб трывушчасці роднай матулі выяўляюць яго творчую пазіцыю. Аўтар прызнаваўся, што прататыпам галоўнай гераіні стала яго маці. У асаблівай увазе І. Пташнікава да жанчыны-працаўніцы, сціплай, спакойнай, цяроўнай, чулай, бачыцца сцвярджэнне жыццятворнага пачатку ў лёсе беларускі.

Рэцыпіент разам з аўтарам захапляюцца лёсам галоўнай гераіні рамана “Алімпіяда”. Асноўныя сюжэтныя падзеі твора адбываюцца ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі. Аднак вайна ўсё яшчэ жыве ў памяці і свядомасці герояў, жыхароў старэйшага пакалення, беларускіх вяскоўцаў. Пасталенне галоўнай гераіні Алімпіяды адбывалася ў драматычны ваенны і пасляваенны час. Яна згадвае кароткае шчасце сямейнага жыцця, нараджэнне сына Міфодзі і дачкі Тані, заўчасную смерць мужа Мікалая. Усё жыццё Улімы – цяжкая, непасільная праца ў калгасе, на ферме.

У асноўнай сюжэтнай лініі І. Пташнікаў адлюстроўвае якраз той перыяд жыцця гераіні, калі яна, ужо не маладая, спрацаваная за жыццё, адчула, што “дажывае”. Алімпіяда вельмі часта ў думках звяртаецца да мінулага. Праз увесь раман рэтраспектыўным планам праходзіць жыццё гераіні. Ствараючы вобраз Алімпіяды, аўтар засяроджваецца на самым важным, галоўным, тым, што вызначае мэту і сэнс існавання чалавека на свеце. Даваеннае жыццё паказана сцісла, ваеннае ліхалецце – праз нешматлікія, але памятныя драматычныя эпізоды, праз спробы ўратаваць параненых чырвонаармейцаў.

Для разумення характару гераіні эпізоды ваенных падзей маюць важнае значэнне. Алімпіяда і яе муж Мікалай ратуюць двух параненых лётчыкаў. Яны нават думкі не дапускаюць, што можна пакінуць байцоў без дапамогі. Ратуючы чырвонаармейцаў, яны не думалі пра небяспеку, што гэта магло б скончыцца трагічна для ўсёй сям’і. Для Алімпіяды бездапаможныя байцы – нібы яе дзеці. Схаваўшы іх у лесе, і потым, робячы ім перавязкі, гераіня зусім не думала аб сабе. Без ваганняў, яна спакойна і прывычна ўзялася выходжваць чырвонаармейцаў. Калі смяртэльная небяспека навісла над гераіняй, яна адкідвае ўсялякую дыпламатыю, спакойна і смела глядзіць у вочы здрадніку Кукаеву. Нягледзячы на пагрозу сваёй сям’і, Алімпіяда рызыкуе і застаецца чалавекам – чулым, спагадлівым і сумленным.

Нельга не пагадзіцца з меркаваннем С.А. Андраюка, што вобраз Алімпіяды Падаляк у найбольшай меры раскрывае аўтарскае стаўленне да жыцця, “выпраменьвае тое маральнае цяпло, якім сагрэта ўся эмацыянальная атмасфера ў рамане” [1, с. 434]. Думаецца, ідэйнай устаноўкай твора прадвызначана тое, што гераіня выступае скразным вобразам, які звязвае мінулае і сучаснасць, яе адносіны да іншых герояў абумоўліваюць аўтарскую маральна-этычную ацэнку апошніх. Так, “калі іншыя вобразы пададзены ва ўсёй іх складанасці і супярэчнасці, з падкрэсліваннем, магчыма, дзесьці і свядомым, негатыўных момантаў у іх паводзінах, узаемадчыннях, учынках, а найбольш у выказваннях, то Алімпіяда пазбаўлена гэтага поўнасцю. У ёй засяроджаны ў асабліва сканцэнтраваным выглядзе і ў форме надзвычай чыстай і непасрэднай духоўныя якасці, уласцівыя характару народнаму ў яго ідэальным увасабленні” [1, с. 468]. Крытыка своечасова звярнула ўвагу на аўтабіяграфічную аснову і зазначыла, што пісьменнік ідэалізуе вобраз маці, а гэта заканамерная псіхалагічная з’ява. Думаецца, пісьменнік мэтанакіравана звяртаецца да эстэтычнай стратэгіі, якая дазваляе засяродзіць увагу на маральным змесце падзей у акаляючай рэчаіснасці.

На прыкладзе Алімпіяды аўтар стварыў вобраз самаахвярнай жанчыны, маці, працаўніцы, абмалёўваючы яе ў паўсядзённай нястомнасці, у сямейных адносінах, сапраўднай духоўнай годнасці і маральнай прывабнасці. У вобразе Алімпіяды ўвасоблены архетыпавы для беларускай сацыякультурнай прасторы тып маці-сялянкі.

Як бачым, Іван Пташнікаў дынамічна спалучае розныя апавядальныя стратэгіі: стварае шматгеройны раман, але пры гэтым вылучае вобраз галоўнай гераіні, праз суб'ектыўна афарбаваную інтэрпрэтацыю рэчаіснасці, дзе дамінуе не столькі паказ падзей, колькі ўвага да духоўнага свету асобы, рэпрэзентуе шырокаахопны малюнак часу. Мастак слова звяртаецца да паглыбленага псіхалагізму, ужывае тыпізацыю, выкарыстоўвае прыёмы лірычнага пісьма для шматграннага паказу грамадскай атмасферы.

Такім чынам, архетыпу *маці* ў беларускай кніжнай культуры ўласцівы наступныя рысы вясковай жанчыны-маці: у мірны час – разважлівай дарадчыцы і клапатлівай гаспадыні, захавальніцы хатняга цяпла і ўтульнасці, роднай мовы і культуры; у ваенны час – справядлівай і міласэрнай, самаахвярнай, цяроўнай і спакутаванай ад гора і перажыванняў гераіні.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Андраюк, С. Чалавек на зямлі. Нарыс творчасці Івана Пташнікава / С. Андраюк // А жыццё – вышэй за ўсё : выбранае : літ.-крыт. арт. ; нарыс творчасці / С. Андраюк ; прадм. А. Рагулі. – Мінск, 1992. – С. 267–490.
2. Мархель, У. Прысутнасць былога : нарысы, артыкулы, эсэ / У. Мархель. – Мінск : Беларус. навука, 1997. 192 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. – 719 с.
4. 1. Пташнікаў, І. Збор твораў. У 4 т. Т.4 Раман. – Мн.: Маст. літ., 1992.– 575 с.

Ю. Н. Чагайда (г. Брест, Республика Беларусь)
YU. N. Chahida (Brest, Republic of Belarus)

УДК 811.161.3-26:821.161.3.09

«СВОИ» и «ЧУЖИЕ» В ВОЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. БЫКОВА и Б. ВАСИЛЬЕВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию системных содержательных характеристик персонажа, которые мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного текста определенных поведенческих качеств. В своей работе мы рассматриваем когнитивный план «свой – чужой» на материале произведений В. Быкова и Б. Васильева. Выделение данного когнитивного плана позволяет нам выявить в художественном произведении языковые феномены, которые задают содержание языкового портрета персонажа.

Ключевые слова: язык художественного произведения, когнитивный план, номинация, оценочность, персонаж.

"YOUR OWN" AND "OTHERS'" IN THE MILITARY WORKS OF V. BYKOV AND B. VASILIEV

Annotation. The article is devoted to the study of systemic content characteristics of a character that motivate the presence or absence of certain behavioral qualities in the hero of a literary text. In our work, we consider the cognitive plan «*svoy – chuzhoj*» based on a material of the Bykov's and B. Vasiliev's stories. Isolation of this cognitive plan allows us to identify linguistic phenomena in a work of art that determine the content of the linguistic portrait of a character.

Key words: language of a work of art, cognitive plan, nomination, evaluativeness, character.

В данном исследовании на примере персонажей произведений В. Быкова («Сотнікаў», «Жураўліны крык») и Б. Васильева («В списках не значился», «А зори здесь тихие») рассмотрим когнитивный план *свой – чужой*⁸. Данный когнитивный план является дихотомичным, т.е. таким, который работает в парадигме «положительная / отрицательная оценка». Под оценкой понимается мнение автора или действующих лиц о персонаже, которое выражает характеристику последнего.

Дуалистический характер когнитивного плана *свой – чужой* предопределяет выделение двух основных структурных компонентов – сферы *свое* и сферы *чужое*, которые базируются вокруг фигуры говорящего. Ядром данного плана является субъект речи – герой художественного произведения, оценивающий мир относительно себя. Разнообразные явления, входящие в личную сферу субъекта речи, то есть все то, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально формируют сферу *свое* [1, с. 28]. То же, что выходит за пределы личной сферы говорящего, образует пространство сферы *чужое*.

Объем репрезентантов когнитивного плана *свой / чужой* неодинаков в языке и художественном произведении: если в языке маркеры этой категории вполне обозримы (лексические единицы со значением 'свой' / 'чужой'), то в художественном произведении они представлены гораздо шире. Сюда относятся лексические единицы, сигнификативный компонент которых формирует понятие *свой* (*свой, родной, близкий*) и *чужой* (*чужой, неродной, далекий*). Состав таких номинативных единиц расширяется за счет лексических элементов, осложненных оценочностью.

Так, лейтенант Плужников (Б. Васильев «В списках не значился») и старшина Васков (Б. Васильев «А зори здесь тихие») являются *своими* для окружающих их сослуживцев, когда, выражаясь словами Ю.С. Степанова, «действуют и применяют свои воззрения к пределам государственной границы» [2, с. 151]. При этом номинативные формы, относящиеся к когнитивному признаку *свой*, выражены чаще всего именами собственными и нарицательными, называющими героев по роду деятельности. Например: ... *обычно Коля ни с кем не встречался, по горло занятый бесконечными подсчетами, ведомостями и актами* ... [3, с. 148]; *Плужников хватал пулемет, волок его к стене, а когда налет кончался, тащил обратно и стрелял* [3, с. 240]; ... *поговорить нам с тобой надо, когда лейтенант [Плужников] уснет [подготавливал старшина Мирру к тому, что скоро она останется одна с Плужниковым]* [3, с. 319] // *Трижды в день обходил старшина объект, замки пробовал и в книге, которую сам же завел, делал одну и ту же запись: «Объект осмотрен. Нарушений нет»* [4, с. 14]; *Как исполнителя, его ценило начальство, а большего от него и не требовалось* [4, с. 61]; ... *одно знал Васков в этом бою: не отступить* [4, с. 131].

⁸ Под когнитивным планом мы понимаем системные содержательные характеристики персонажа, которые мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного текста определенных поведенческих качеств.

Следует отметить, что применительно к признаку *свой* частым в рассматриваемых произведениях Б. Васильева также является употребление номинаций персонажей, выраженных обращением:

Николай Плужников – *Продержись до своих, браток <...> обязательно продержись, уцелей, – ... подыскивал Денищик то самое, то единственное слово, которые мертвые оставляют живым* [3, с. 266]; *Отдохни, сыночек* [по-матерински нежно и заботливо говорила пожилая женщина, укрывая Плужникова шинелью] [3, с. 278]; *Не губите, товарищ командир* [просил Плужникова о пощаде сдавшийся в плен Прижнюк] [3, с. 304]; ... *товарищ лейтенант <...> девочку сбереги и сам уцелей, выживи <...> назло им – выживи, за всех нас, – говорил умирающий старшина* [3, с. 319]; *Как же ты уцелел, братишка ты мой родной?* – спрашивает у Плужникова раненый старшина, три недели не видевший людей [3, с. 376]; *Умри, но немцам не отдавай. Не твоя это честь и не моя – Родины нашей это честь, не запятай, лейтенант* [просит старшина Семишный сберечь знамя полка] [3, с. 383];

старшина Васков – *Нету мамы <...> война есть, я есть, старшина Васков <...> мамы у тех будут, кто войну переживет* [4, с. 56]; *Ты не очень-то утруждайся, Федот Евграфыч <...> ты теперь один у нас остался ...* [заботливо просила квартиранта хозяйка] [4, с. 12]; *Ничего, Федот, отобьемся, – пытались поддержать старшину и не показывать своего страха бойцы* [4, с. 129].

Для сравнения, частым является употребление номинаций, выраженных обращением, и в образе Сотникова (В. Быков «Сотнікаў»). Например: ... *сыночак, ну як жа так? Ён [Рыбак] жа яго [старосту] застрэліць!..* [переживала старостиха] [5, с. 274]; *Дзетачка, гэта ж няпраўда, што ён на сваёй ахвоце* [жена старосты пыталась оправдать мужа в глазах Сотникова] [5, с. 275]; *Сынок, <...> Ды ты ж хворы <...> Табе легчы трэба <...> Пачакай, я табе лекаў звару* [суетилась жена старосты] [5, с. 276].

В повести В. Быкова «Жураўліны крык» ключевыми номинациями в группе *свой* являются следующие: *свой, таварыш, баец, камандзір, старшына*. Ср.:

Старшина Карпенко – *Карпенка з Аўсеевым падышлі да староўкі, старшына па-гаспадарску пакратаў расчыненыя рыпучыя дзверы і пераступіў парог пакінутай будыніны* [6, с. 11]; *спрытным рыўком ён ускінуў на плячо цяжкі кулямёт і, з хрустам ломачы ссохлы быльнэг, пайшоў над канавай <...> байцы адзін за другім неахвотна падаліся за сваім камандзірам* [6, с. 11]; ... *байцы трошкі крыўдавалі на яго за лішнюю строгасць, але ў баях цанілі крыклівага старшыну* [6, с. 53].

Фишер – ... *баец парадкам змарыўся, расшліў напружку, зняў процівагазную сумку, паслухаў трохі, адначыў і ўжо далей пачаў працаваць спакойней* [6, с. 14]; *Ужо можна было сяк-так схаватца ў гэтым акупчыку-ямцы, але старшына загадаў акапацца як мае быць, і баец, адначыўшы, згінаўся ў чорную цемнату сховішча* [6, с. 55].

Свист – *Недзе ўнутры яго маркотна заняла нядобрае прадчуванне: ведаў баец – пачнецца нялёгкае* [6, с. 78]; *Па сцягне ўсё ж сцебанула, баец адчуў, як пацёк да калена гарачы ліпкі струмень крыві, але боль быў невялікі, і баец не зваяў на яго* [6, с. 81]; *Глечык не зразумеў і вялікімі змярцзелымі вачыма няўцямна пазіраў услед таварышу* [Свисту] [6, с. 82].

Глечик – *Карпенка памаўчаў, задаволены стараннем маладога байца, хацеў пахваліць яго, але стрымаўся* [6, с. 28]; ... *поруч транспарцёраў усё было спакойна, і баец, пераадольваючы страх, крочыў побач з таварышам* [6, с. 73].

Самым употребительным в группе *свой* является слово *таварыш*. Это слово-символ *своего* человека на войне. Оно употребляется в тексте с определениями *баявы, свой, спрактыкаваны*. Сочетаемость с данными определениями подчеркивает положительный характер восприятия данного слова: ... *старшына здзівіўся, зусім не ведаючы, як разумець тое, і скамянеў, збянтэжаны незвычайнай, але смяротнай для баявога таварыша сутычкай* [6, с. 68]; *Карпенка азірнуўся на свайго таварыша – Віцька Свіст таропка біў запальнымі кулямі, стараючыся падпаліць другі транспарцёр* [6, с. 69]; *Глечык уважліва глядзеў, слухаючы болей за сябе спрактыкаванага таварыша* [Свиста], *і думаў, што той пакажа, як абыходзіцца з кулямётам* [6, с. 75].

В основе когнитивного признака *чужой* лежит «тактика дистанцирования, отдаления» [7, с. 86] главного героя от окружающих его людей. Данный признак можно обозначить маркерами ‘я не рядом’, ‘я не такой’. Номинации здесь преимущественно выражены местоимениями, а также прилагательными со значениями “чужой, лишний”.

Так, Николай Плужников становится *чужим* для окружающих его людей, когда не связывает себя с ними близкими отношениями и общими взглядами, то есть стоит в стороне от происходящих событий. Обратимся к тексту: ... *он почувствовал, что люди здесь были своими, но пока еще стеснялся и отмалчивался...* [3, с. 194]; *Но этот лейтенант – худой, страшный и непонятный, – этот чужой лейтенант не хотел ни в чем разбираться <...> с самого начала, как он появился у них [в крепости], он начал угрожать, пугать расстрелом, размахивать оружием* [3, с. 300].

Категория *чуждости* характерна и для образа Рыбака (В. Быков «Сотнікаў»): ... *ён пакутваў ад бяссіля, ад немагчымасці зварнуцца да выпрабаванага сродку – сілы, каб уратаваць сябе* [5, с. 344]; *Ён [Рыбак] ведаў, што за гэта палагаецца па законах ваеннага часу, і падумаў, што, мабыць, трэба адмовіцца ад намеру абараніць Дзёмчыху* [5, с. 349]; ... *ён сам разумеў нялюдскасць свайго жадання [хотел выжить ценой жизни напарника]* [5, с. 352]; ... *ён меў болей магчымасцяў [по сравнению с большим Сотниковым] і схітрыў, каб выжыць ...* [5, с. 385]; ... *ён не хацеў верыць у сваю прычаснасць да гэтай расправы – пры чым тут ён? ...* [5, с. 393].

Чужим является также и Пшеничный (В. Быков «Жураўліны крык»): ... *па няўлоўных прыкметах і дробязях юнак згадаў, што ён усё ж тут лішні, што ён чужы, і ад таго Івану не было радасці* [6, с. 24].

Следует отметить, что употребление местоимений в качестве выразителей семантической категории чуждости позволяет говорить о том, что они являются «языковыми средствами выражения отчуждающего обезличивания» [8, с. 24]. Это значит, что говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и / или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чуждого – мира [8, с. 6]. В этом смысле местоимения *тот, этот / той, гэты* служат выражению *чужого* в свете данного когнитивного плана, тогда как все *свое* выражается в языке при помощи местоимений *мой, наш*. Например: *Карпенка спыніўся і чакаў, пакуль той [Фишер] яго даганяў* [6, с. 14]; *За колькі дзён службы з ім Карпенка так і не ведаў, які на самой справе гэты Аўсееў* [6, с. 28]; *Мільгаючы падэшвамі і шалёна адмахваючы левай рукой, той на шпарка бег па канаве да лесу* [Овсеев при-

нял решение бросить своих и спрятаться в лесу] [6, с. 83] // *Глядзі ты, а вучоны наш стрываў!* [обрадовался старшина после того, как Фишер выдержал свое первое боевое крещение] [6, с. 70]; *Загінеш ты, прападзеш, любы, харошы мой* [говорила жена старшины Карпенко, когда провожала его на фронт] [6, с. 51].

Также в функции различения *своего* и *чужого* могут употребляться слова-определители *каждый* (получающее в случаях субстантивированного употребления неместоименное экспрессивно-оценочное значение «не стоящий внимания, плохой» [8, с. 25] и *какой-то* (превращающее определенные признаки в неопределенные, снимающее все отличительные признаки). Эти местоимения генерализуют объект, лишая его индивидуально-отличительных признаков и представляя элементом множества. Например: *Нейкі ён незразумелы чалавек, гэты Свіст. Так накшталт і нічога – кемлівы, спрытны і шмат чаго пабачыў, а ніякага крытычнага падыходу да акалічнасцяў* [6, с. 40]; ... *вядома, яны трошкі выхваляваліся, шчасліва радуючыся першай перамозе, кожны быў поўны ўласных уражанняў, і ніхто не азірнуўся назад, дзе ля рога староўжкі стаяў са сваёй драгункай сарамяжлівы Глечык* [6, с. 70].

Необходимо упомянуть также и о конфликтности между *своими* и *чужими*. В этой связи в рассматриваемых произведениях В. Быкова и Б. Васильева отражаются некоторые стратегии действий по отношению к противоположной стороне, предопределяющие разные способы разрешения конфликтности:

1) **активная позиция**, связанная с непримиримостью и неприятием чужого мира, находящего выражение во враждебности, агрессивности и насилии. Данная позиция характерна для образов старшины Карпенко, Свиста, Глечика, старшины Васкова и Николая Плужникова:

Карпенко – *Пра сябе Карпенка дбаў не надта, ён сам для сябе быў зразумелы і просты і без ніякіх сумненняў ці ваганняў ведаў, што калі панадзаяліся на яго камбат і камандзір палка, дык ён спраўдзіць тыя надзеі* [6, с. 32]; *Можга, заб'юць яго, можа, параняць, але калі застанецца цэлы, дык ён зробіць усё, што ад яго патрабуецца* [6, с. 32];

Свист – *Свіст быў чалавек дзеежня, не ў яго характары было разважца і думаць нават у спакойны, здатны для гэтага час* [6, с. 80];

Глечик – *Ён адчуваў, што мог бы цяпер перамагчы найцяжэйшае, перасіліў бы ўсялякі страх і гатовы быў на самае вялікае* [6, с. 82];

старшина Васков – ... *схватки с немцем один на один не боялся* [4, с. 34]; ... *ни на мгновение диверсантов с глаз не спускал* [4, с. 115]; ... *одно знал Васков в этом бою: не отступать* [4, с. 131];

Николай Плужников – ... *в эту короткую минуту затишья, он думал не о себе <...> он думал, где достать патронов, без которых нельзя было прорваться из окруженной крепости* [3, с. 270]; *А еще у него осталось яростное желание выжить, мертвая крепость и ненависть* [3, с. 375].

2) **пассивная позиция**, представляющая смирение с действительностью, безразличное и равнодушное отношение к представителям чужого мира. Данная позиция характерна для образа Фишера и для Сотникова: *Баец зноў набыў свой звычайны, абыякавы да ўсяго выгляд ...* [6, с. 14]; ... *з сярэдзіны касагора Карпенка азірнуўся, каб аглядзець зводдаль пазіцыю свайго ўзвода, і ўбачыў, што яго падначалены [Фишер] адстаў далёка і ледзьве плёўся, зноў чытаючы на хаду сваю кніжку* [6, с. 14] // ... *камандзір клікнуў Сотнікава, і той моўчкі*

пачаў збірацца, нібы ў яго не знайшлося ніякай прычыны астацца разам з усімі [получил приказ идти на задание] [5, с. 248];

3) **приспособленческая позиция**, выражающая нарушение пространства сообществ с целью публичной демонстрации своей отнесенности к другому классу. Данная позиция характерна для образов Овсева и Пшеничного:

Овсеев – *Аўсееў у палку жыў сам на сабе, гэта было не дужа весела, але хлопец проста не бачыў наблізу нікога вартага, усё задалася яму, што ён куды разумнейшы, вышэйшы густам, пачуццём* [6, с. 40]; *Аўсееў жа заўсёды прывык разважаць, рэвізаваць, думаць і знаходзіць лепшае для сябе з усёй сумы магчымага* [6, с. 41];

Пшеничный – *Ён разумеў, што рабіўся нягодны, нялюдскі, злы і нядобры, як бацька, але перайначыць сябе ўжо не мог і каціўся ўсё болей туды, куды гнала чалавека ягоная крыўда і злосць* [6, с. 26]; *Калі пачалася вайна і нямецкія войскі хлынулі на нашыя землі, сярод вялізнага мора бяды і слёз быў адзін чалавек, які таемна радаваўся. Гэтым чалавекам быў баец запаснога батальёна Іван Пшанічны, які затым стаў франтавіком і сення вось займеў канчатковы намер здацца ў палон* [6, с. 26];

Рыбак – *Рыбак разумеў, што пачынала ўсур'ёз не шэнціць* [5, с. 252]; *ён сам разумеў нялюдскасць свайго жадання* [хотел выжить ценой жизни напарника] [5, с. 352];

В отдельную группу следует выделить номинации, характеризующие лейтенанта Плужникова, которые находятся на границе когнитивных признаков *свой / чужой*: *Тронулся лейтенантик* [3, с. 287]; *Все, теперь уж точно все, кончился паренек* [говорил старший сержант Федорчук, мало заботясь о том, слышит его Плужников или нет] [3, с. 288]. Данные номинации образованы с помощью суффиксов субъективной оценки, содержащих в себе указание на юный возраст персонажа, психологическую незрелость и неопытность. Именно в этот момент лейтенант Плужников перестает быть *своим* для боевых товарищей, потому что потерял веру в свои силы, оказался слабым духом.

Как видим, исследованные системные содержательные характеристики мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного произведения определенных поведенческих качеств. Это значит, что выделение когнитивного плана *свой – чужой* позволяет нам обнаружить в художественном тексте языковые феномены, которые задают содержание языкового портрета персонажа.

Список использованной литературы

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, ВИНТИ. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–34.
2. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1975. – 311 с.
3. Васильев, Б. В списках не значился / Б. Васильев. – М. : Дет. лит., 2007. – 393 с.
4. Васильев, Б. А зори здесь тихие / Б. Васильев. – М. : Сов. писатель, 1977. – 143 с.
5. Быкаў, В. Сотнікаў / В. Быкаў // Выбранае: для ст. шк. узросту. – Мінск : Ураджай, 2001. – С. 245–398.
6. Быкаў, В. Жураўліны крык / В. Быкаў // Аповесці і апавяданні. – Мінск : Нар. асвета, 1978. – С. 7–98.
7. Паршина, О. Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) / О. Н. Паршина // Филол. науки. – 2004. – № 3. – С. 85–94.
8. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. В. П. Григорьев. – М., 1989. – С. 54–83.

Гл. 2. ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Т.Л. Тоболевич (г. Брест, Республика Беларусь)
Tatsiana Tabalevich (Brest, Republik of Belarus)

УДК 821.161.1 (476) - 93

РАСКРАШЕННЫЙ МИР НАТАЛЬИ КУХЛИЧ

Аннотация. В статье автор знакомит с тематикой, проблематикой, изобразительно-выразительными средствами книги сказок молодой писательницы Натальи Кухлич, обращает внимание на необходимость и важность традиции семейного чтения, анализирует проблему нежелания современных детей читать.

Ключевые слова: сказка, авторская сказка, коннотация, семейное чтение, эпитет, метафора, прием олицетворения, антропоним, авторский неологизм.

PAINTED WORLD NATALIA KUHlich

Annotation. The author of the article presents subjects, topics, and figures of speech used by the young writer Nataliya Kuhlich in her book of fairy tales. The author pays special attention to a necessity to follow the tradition of family readings, and analyzes unwillingness of today's children to read.

Key words: fairi tale, author's tale, connotation, family readings, epithet, metaphor, personification, anthroponim, author's neologism.

Жанр сказки был востребован и популярен во все времена и у всех народов. Это один из жанров фольклора либо литературы. Эпическое, преимущественно прозаическое, произведение волшебного, героического или бытового характера [1]. Все сказки делятся на два типа – народные и авторские. Из названия понятно, что народные сказки не имеют конкретного автора, передаются из уст в уста из поколения в поколение и являются мощным источником исторических фактов, информации о быте, общественном строе, философии и верованиях народа.

Часто в жизни мы слышим, как слова «сказка» и «сказочник» используются с негативной коннотацией. Например, «ну, ты и сказочник!», «хватит сказки рассказывать!», «ты думал, в сказку попал?» и подобное. Но для большинства людей сказка – неотъемлемая часть детства: вряд ли найдется человек, кото-

рый, будучи ребенком, не слышал сказок или не читал их. Некоторые люди не хотят расставаться с этим явлением и сами привносят его в свою жизнь. Это творческие люди – писатели, художники, композиторы, режиссеры. Для каждого творчество является частью собственного пути и попыткой сказать людям о разных переживаниях. Для сказочников, писателей, работающих в жанре детской сказки, это возможность поговорить с собственным ребенком или поделиться своим грустным или радостным прошлым, а иногда – поговорить с обществом о современных проблемах. Именно желание поделиться своими мыслями, умение видеть красоту в самых обычных предметах, желание сохранить извечные ценности мы видим в сказках молодого автора, нашей землячки, Натальи Кухлич.

Наталья Ивановна Кухлич родилась в г. Каменце Брестского района в 1980 году в семье Ивана Адамовича, инженера-электрика, и Тамары Артёмовны, телеграфистки. Закончила среднюю школу г. Каменца в 1997 году и в этом же году поступила в Минский государственный лингвистический университет на факультет немецкого языка. После окончания университета, в 2020 году, – магистратуру по специальности «Психология». Почти год работала психологом в г. Высокое Брестской области в сельскохозяйственном колледже. До 2009 года работала преподавателем немецкого языка в Брестском государственном техническом университете. А затем перешла в международный отдел университета, где и работает в должности переводчика.

Сказки начала придумывать еще в детском саду. Когда во время тихого часа не спалось, маленькая Наташа в складках одеяла видела принца, принцессу и дракона. Сюжет сказки менялся, но рыцарь всегда спасал принцессу. В школьные годы, когда у мамы были ночные смены, Наташа читала или рассказывала сказки младшей сестричке Тане.

Как человек, интересующийся литературой, Наталья общалась с единомышленниками на сайтах proza.ru и fabulae.ru. Это общение подтолкнуло ее к написанию первой сказки «Про иголочку». Вскоре появились и миниатюры для маленького племянника Тёмы. Прочитала родителям, коллегам по международному отделу – все одобрили и очень заинтересовались. Некоторые сказки разместила на литературных сайтах и получила доброжелательные отзывы. К написанию книги подтолкнули дети сотрудников университета, которые и были первыми читателями разрозненных сказок, распечатанных на простой бумаге. Однажды, десятилетний сын коллеги, спросил у мамы, когда же он сможет прочитать целую книгу тёти Наташи. Вот как подписала Наталья свою первую книгу: «Арсению, моему первому и самому преданному юному читателю. Я очень рада, что ты умеешь думать и сопереживать. Это очень ценные качества. Мне очень приятно, что эта книга попадет в такие надежные руки».

Конечно, с изданием книги возникали сложности. Как говорит Наталья, детская книга без иллюстраций выглядит, как дом без окон. Иллюстрировать книгу согласилась молодая художница, студентка Белорусской государственной академии искусств, Полина Годуйко, уроженка Бреста. И вот в 2019 году родилась Книга! Она называется «Раскрашенный мир: сказки и рассказы для детей и их родителей». В книге 26 добрых, наивных и мудрых сказок и рассказов для семейного чтения.

Как отмечает Анастасия Нарейко, член Союза писателей: «сказки Натальи Кухлич учат нас видеть красоту в обыденном, философию – в самых простых моментах жизни (ведь она и в самом деле – повсюду!)» [2, с.5].

В детстве Наталья, как и все мы, зачитывалась сказками Ганса Христиана Андерсена, Шарля Перро, Эдуарда Успенского, Николая Носова, Астрид Линдгрен. Она хотела продолжения сказок, не хотела расставаться с их героями. Ей очень хотелось самой попробовать написать продолжение.

И сейчас в ее произведениях мы можем увидеть связь с классической сказкой. Наталья употребляет такие устойчивые, пришедшие из классических сказок, выражения: «Тридешатое царство», «Мышка-Норушка», «белый свет», «пуще прежнего», «половина государства», «королевские глашатаи».

Благодаря близкому общению с племянниками, детьми подруг, Наталье доподлинно известен мир ребенка. Для мальчиков – это беготня по лужам и измерение их глубины, штаб своих (квартира родителей), ощущение себя разведчиком, пробирающимся по вражеской территории (рассказ «Резиновые сапожки»); для девочек – сережки, как лучший подарок, игра в дочки-матери, раскраска с принцессами в нарядных платьях, рукоделия. Автор обращается к образам мамы и папы, самым дорогим людям. В рассказе «Заячиков хлеб» вполне понятно, почему лирическая героиня Наташа так тепло относится к отцу, который принес ей незамысловатый гостинец, показавшийся девочке очень-очень вкусным. Этот рассказ переносит нас в детство самой писательницы. Нужно отметить, что все дети, герои сказок и рассказов, обращаются к маме не иначе, как «мамочка, мамулечка».

Каждая сказка Натальи Кухлич вызывает не только к разуму, но в первую очередь к сердцу читателя, учит сопереживать, не осуждать и не критиковать других. В ее сказках нет агрессии и негатива. Герои ее сказок обычные предметы из реальной жизни: зонтик, иголочка, сапожки, облако, роза, бельевая корзина и т.д. Тем самым Наталья учит юных читателей видеть волшебство и красоту в окружающем мире и самим создавать сказку в своей жизни. Оптимизм и надежду на лучшее транслирует автор через свои произведения: «И даже если в эту минуту, а то и всю предыдущую неделю небо затянуто бледной пеленой облаков, помни, что над ними и над тобой сияет солнце» [2, с.25].

В своих сказках писательница поднимает актуальные проблемы, волнующие современного человека: тему экологии («Река жизни», «Снег», «Елочка к новому году»), взаимоотношения между людьми («Средство от болезни короля», «Сказка о зеленом жирафике», «Сказка о мечтательнице»), выбор профессии и жизненного пути («Цветок счастья»), поиски смысла жизни («Облачко», «Жизнь»).

Философские обобщения, которыми делится автор с юными читателями, мудры и поучительны:

«Даже если ты усердно трудишься, никогда не осуждай других! Помни, что ни к чему хорошему это не приведет. Помни, что у каждого в этом мире свое предназначение» [2, с.18];

«Так что помни, дорогой юный читатель, что наши необдуманные желания могут быть опасны. А если ты уж решил стать другим, начни с внутренних изменений и не прибегай при этом к помощи «добрых волшебников» [2, с.43];

«... обида и отчаяние очень плохие советчики. Запомни это и ты, мой юный друг, и ничего не делай сгоряча. Это поможет избежать неприятностей и огорчений тебе и твоим близким» [2, с.48].

Они побуждают мысль и пробуждают чувства читателей.

Богата и разнообразна не только тематика и проблематика сказок Натальи, но и разнообразны индивидуальные языковые средства ее произведений. Сказочные образы выражены сложными эпитетами, состоящими из неоднородных прилагательных: «солнечно-снежные блики», «белоснежно-нежная лилия», «укоризненно-ласковый взгляд», «лужи мокро-серые», «сапоги легкомысленно-девчачьего цвета», «облака ватно-серые», «лужи мокро-серые», «безнадежно-серое небо», «глаза одухотворенно-ласковые».

Метафоры и прием олицетворения в сказках выступают как звенья сказочного повествования: «солнце пылко обнимает», «облако надулось и вылило свое разочарование», «река колышет лилию», «записная книжка часто сбивалась с мысли и проглатывала слова», «блюде обиделось».

Есть в тексте и авторский неологизм – «доброскоп». Это прибор, глядя через который люди не видят в окружающих недостатков, а лишь хорошее.

Интересно, что в сказках Натальи не встречаются слова, которые обозначают какие-либо гаджеты, как будто не существует таких вещей как телевизор, телефон, компьютер, планшет, смартфон. Создается впечатление, что автор намеренно ограждает детей от этих предметов.

Следует обратить внимание на употребление в текстах антропонимов – детских имен. Детские имена употребляются исключительно в уменьшительно-ласкательной форме, что говорит о нежном, трепетном отношении сказочницы к детям и детству. Ведь только в детстве человек может быть безоблачно счастливым.

Своими сказками Наталья Ивановна хочет продлить это ощущение легкости, безмятежности, искренности и мечтательности, как в детстве. Для нее важна чистота души: «Недостатки есть у каждого, но черную душу не всегда распознаешь сразу, а вот внешние недочеты все замечают, а часто еще и высмеивают».

Писательница ведет постоянный диалог с детьми, обращаясь очень ласково, тактично и вежливо «дорогой мой юный читатель».

Своей книгой «Раскрашенный мир» Кухлич Наталья хочет преобразить мир ребенка, раскрасить его в разные яркие цвета, наполнить смыслом и любовью. Об этом говорит и самое название.

Книга адресована не только детям, но и их родителям. Таким образом, Наталья Ивановна пропагандирует общечеловеческие ценности, семейные традиции совместного чтения, что очень актуально в наше время – время «информационной эпохи», «эпохи постиндустриального общества», «эпохи глобализации», основными характеристиками которого являются хаотичность, чрезмерность и бездуховность.

Мироощущение детской писательницы основано на христианских традициях, и это перекликается с основными идеями ее сказок и рассказов.

В XXI веке существенным образом меняется роль книги, которая, к сожалению, активно заменяется виртуальным пространством. Как вернуть детей к чтению книг? Сказки Натальи Кухлич с этой задачей справляются.

Нам кажется, что сказочники в любом возрасте тесно связаны с детством, сохраняя детскую трогательность и ранимость. Сказочников нужно беречь, без них мир станет жестоким, слишком реальным и беспощадным.

Список использованной литературы

1. ru.m.wikipedia.org
2. Кухлич, Н.И. Раскрашенный мир: сказки и рассказы для детей и их родителей / Наталья Кухлич ; художник Полина Годуйко. – Брест : Полиграфика, 2019. – 86 с. : ил.

О.В. Щерба (г. Брест, Республика Беларусь)
Aksana Shcherba (Brest, Republik of Belarus)

УДК 37.013.78

ПОИСК СЕБЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (об адаптации китайских студентов к белорусскому социуму)

Аннотация. В статье автор рассматривает проблемы социально-культурной адаптации китайских студентов в Беларуси, анализирует роль преподавателя-русиста в этом процессе, приводит пример успешной интеграции, распространения и пропаганды культуры, продвижения ментальных ценностей на примере книги выпускника БрГТУ Шань Цзюньда.

Ключевые слова: адаптация, интеграция, социокультурная компетенция, информационная культура, ментальность, этническая идентичность, толерантность.

FINDING YOURSELF IN A MULTICULTURAL SPACE **(on the adaptation of Chinese students to the Belarusian society)**

Annotation. The following article deals with the problems of sociocultural adaptation of the Chinese students in Belarus. The author analyzes the role of Russian language teacher in this process, gives the examples of successful integration, promotion and dissemination of culture, mentality values described in a book written by Shan Qunda, graduate student of BrSTU.

Key words: adaptation, integration, sociocultural competence, information literacy, mentality, ethnic identity, tolerance.

В XXI веке образовательная миграция стала не только фактором экономического развития государства, но и мощным ресурсом распространения и пропаганды культуры, продвижения ментальных ценностей, инновационных достижений стран, в которых обучаются иностранцы.

Университеты Беларуси давно работают со студентами из Китая и придают большое значение сотрудничеству с вузами-партнерами. Именно поэтому в настоящее время уделяется большое внимание факторам беспроблемной успешной адаптации китайских студентов, а также пристально изучаются барьеры интеграции, замедляющие и усложняющие этот процесс.

С 2007 года в Брестском государственном техническом университете успешно обучаются китайские студенты на всех факультетах по различным специальностям. Обучение проводится по программе «3+3» совместно с Хухотоским профессиональным университетом, а также в группах с белорусскими студентами. Многие выпускники БрГТУ, граждане Китая, работают в Беларуси, Китае, России, Казахстане, Узбекистане, Сингапуре и в других странах, где применяют профессиональные умения и знание русского языка, полученные в университете.

В нашем университете созданы все условия для успешной и скорейшей адаптации иностранных обучающихся: за студентами закреплены кураторы, предоставлены комфортные условия проживания в общежитии, есть возможность бесплатно заниматься в различных кружках и секциях, участвовать во внутривузовских и межвузовских мероприятиях («Давайте познакомимся», «Звезды БрГТУ», олимпиады по русскому языку, квесты по университету и городу, спортивные эстафеты).

Важная роль в формировании социокультурной компетенции учащихся отводится экскурсии. Это и уроки-экскурсии в магазине, театре, краеведческом музее, в центре города, на предприятиях, в Брестской крепости. А также выездные экскурсии по Беларуси и Западной Европе. Все это формирует у иностранного студента открытость, толерантность и уважение к культуре другого народа.

Для успешного общения в ситуациях социокультурной коммуникации студенту необходимо овладеть следующим: информационной культурой – знаниями по географии, истории, экономике, политике страны пребывания; поведенческой культурой, которая предполагает знакомство с ментальностью народа и знание особенностей взаимоотношений в обществе, норм поведения, разговорных формул и этикета; традиционной культуры.

Основная роль в реализации успешной межкультурной адаптации студентов-иностранцев отводится преподавателям-русистам. И приходится констати-

ровать, что реализовать столь масштабную работу исключительно в рамках учебного процесса не представляется возможным.

Преподаватель-русист должен стремиться заинтересовать студентов настолько, чтобы они захотели самостоятельно регулярно использовать самые разные источники социокультурной информации, такие, как: литература, СМИ, социальные сети, фильмы, Интернет и т.п. Так, например, преподаватели-русисты используют социальные сети, такие, как: «В Контакте», «Вайбер», «WeChat» и др. Автор подтверждает тот факт, что социальные сети становятся динамичным сегментом современного информационного общества и популярным коммуникативным инструментом в цифровой образовательной среде, особенно во время пандемии.

Таким образом, преподаватель русского языка является ключевой фигурой в успешной адаптации и социализации иностранных студентов. «Иностранный учащийся, представитель Китая, как правило, еще до встречи с преподавателем русского языка уже имеет определенный предшествующий опыт собственного участия в педагогическом процессе» [1, с.204]. В азиатской педагогической системе преподаватель и учащийся находятся в отношениях жесткой субординации. В китайских школах и вузах в группах, как правило, от сорока до шестидесяти учащихся, поэтому креативный тип заданий, диалог с преподавателем практически невозможен в отличие от белорусских вузов. Учащиеся пассивно, без интерпретации и анализа усваивают учебный материал. Таким образом, личность преподавателя в Китае не играет большой роли в обучении студентов. В то время как в вузах Беларуси роль преподавателя-русиста является определяющей.

В 2016 году на подготовительное отделение Брестского государственного технического университета был зачислен гражданин Китая ШаньЦзюньда.

ШаньЦзюньда, выпускник БрГТУ.

В Посольстве Китая

Он прошел весь путь обучения: от подготовительного отделения до окончания магистратуры экономического факультета БрГТУ. Состоит в Студенческом союзе китайских студентов в Беларуси, принимает участие в работе отдела образования Посольства Китая.

За годы пребывания Брест и Беларусь стали для него не просто местом учебы, а без преувеличения – второй родиной. В 2020 году он завершил свою книгу, в которой отразились его мысли, чувства, впечатления о Беларуси и о Бресте, был обобщен опыт жизни в чужой стране, которая со временем стала для него родной.

Книга написана в публицистическом стиле. Вот как ШаньЦзюньда описывает свои чувства и впечатления от встречи с белорусской землей в своей еще не опубликованной книге «Далекая и близкая Родина» [2, с. 2]: «Я летел в Минск и думал о своём будущем. С тех пор образовалась неразрывная связь между мной и моей второй родиной. Когда самолет приземлился в минском аэропорту, преподаватель и старшекурсники уже ждали нас там. Их теплый приём заставил меня почувствовать себя так, будто я недалеко от моего родного города. Автобус покидает аэропорт и едет на юго-запад по трассе М1 через густые леса и достигает Бреста, областного промышленного города, расположенного более чем в 300 километрах от столицы Минска. Усталость от долгой дороги была развеяна новизной с ароматом березовой рощи. Эта живописная красота для только что приехавшего студента медленно открывает путь к потайной двери, как в сказке об Али-Бабе» [2, с. 2].

БРЕСТ
БАЯН-НУР

布列斯特
巴彦淖尔

Я посвящаю эту книгу
1000-летию образования Бреста
Пусть дружба между Беларусью и Китаем длится вечно

谨以此书
献给布列斯特成立1000周年
愿中白友谊源远流长

Обложка книги Шань Цзюньда «Далекая и близкая Родина»

Особые, невероятно теплые чувства возникли у ШаньЦзюньда к Бресту, к городу, в котором он прожил четыре года, и к людям, с которыми он здесь встретился: «В Беларуси я много раз бывал в гостях у местных жителей, в том числе в гостях у моих преподавателей и одногруппников, пробовал драники со сметаной. Был случай, когда я оставил свой телефон в автобусе и ждал его возвращения, а потом увидел мой телефон, который все еще лежал на прежнем месте. Лично видел, как плохо говорящие на русском языке одногруппники, которые потерялись среди ночи в городе, были доставлены к университету водителем частного автомобиля, который не взял ни копейки» [2, с. 3].

Невероятно тепло и почтительно ШаньЦзюньда отзывается о своих преподавателях-русистах, которые формировали его мировоззрение последние годы и прививали интерес и любовь к Беларуси, к культуре, литературе: «Я очень благодарен своей Альма-матер – Брестскому государственному техническому университету за порядок и доброжелательную атмосферу. Хочу сказать слова благодарности ректору и преподавателям, всем сотрудникам за их усердный труд, самоотдачу, знания и за уважение к студентам. Опыт, приобретенный за эти несколько лет, заложил прочную основу для моего роста, сформировал мой характер и богатые знания. Демократизм и доброжелательность административного управления дали мне возможность сидеть напротив ректора в его кабинете и задавать вопросы на не всегда идеальном русском языке, слушать наставления и поучения всех преподавателей, внимая их превосходной этике и строгой терпимости. Мои знания всегда глубоко влияли на меня. Благодаря Бресту в моей памяти осталось действительно много воспоминаний, которые нужно бережно хранить, и это приносит мне не только обретение знаний, независимость в жизни, закаливание личности, но и спокойный и самодисциплинированный образ жизни»[2, с. 3].

Шань Цзюньда с преподавателями О.Щербой, О.Будник, Т.Тоболевич

Он никогда не забывает о своей этнической принадлежности, что является составной частью социальной идентичности личности. Только позитивная этническая идентичность представляет собой баланс толерантности по отношению к чужой культуре. Вот как рассуждает Шань Цзюньда о своем предназначении: «Будучи иностранным студентом в Беларуси, я всегда забочусь о родине и своем родном городе. Я хотел бы совместить свои личные мечты с великим возрождением китайской нации и китайской мечты. И никогда не забуду свои первоначальные намерения, буду помнить о миссии, направленной на процветание родины и родного города, внесу свой вклад, достойный времени, в эконо-

мический взлет родины. Скоро мне исполнится 30 лет, в китайской традиций – это возраст самостоятельности. На пути от Баян-Нура до Бреста разные обстоятельства заставляли меня расти. Баян-Нур воспитал меня, а Брест обогатил меня. Мой опыт учёбы в Беларуси позволил мне понять и почувствовать многие вещи, с которыми я никогда не сталкивался раньше. Конечно, мой личный опыт – это всего лишь капля в понимании страны и нации, но этот крошечный кусочек уже стоит того, чтобы его пересмотреть, разобраться и проанализировать. После окончания Брестского государственного технического университета я решил остаться и продолжить учебу. Я решил поступить в магистратуру на факультет международных отношений Белорусского государственного университета. Из-за того, что я так не хочу прощаться с этой страной и испытываю глубокое любопытство к ее культуре, я надеюсь узнать, как можно больше о стране, пока я молод, и надеюсь, что через много лет я возьму в руки эту книгу и вспомню это время в Беларуси. Ведь здесь моя вторая семья и моя юность» [2, с. 3]. В книге он сравнивает и природу, климат, быт людей, сельскохозяйственный уклад, транспортную инфраструктуру, национальную кухню.

Весь материал сопровождается красочными фотографиями, которые автор делал сам на протяжении четырех лет. «Фотография как мое хобби и самый экономичный и удобный инструмент сохранения информации и впечатлений на сегодняшний день, может сопровождать меня, я сберегу каждый момент, который считаю прекрасным. Всякий раз, когда я беру камеру, дрон с камерой или настраиваю фокус телефона на то, что мне интересно, нажимаю на кнопку затвора и делаю одну фотографию за другой – это самый лучший момент для меня. Я тогда думаю, как же показать миру эту бесконечную красоту, можно только нарисовать ее, надеюсь, что люди увидят все в моих двух родных городах» [2, с. 4].

Книга была задумана как средство знакомства белорусов с Китаем, с родным городом автора – Баян-Нуром, а китайцев с Беларусью, с любимым городом – Брестом. Поэтому книга состоит из двух равноценных частей: одна на китайском языке, вторая – на русском языке. «У этих двух мест – Баян-Нура и Бреста – есть неразрывная связь, я постоянно думаю о них. Мне так хочется сохранить величие северной части родины и спокойствие центра Европы в одном месте в качестве подарка и сокровища времени для моего родного города, но я также хочу показать свой родной город и поделиться своим опытом и чувствами с другими. После путешествия по многим странам мне трудно расстаться со своими чувствами к Беларуси: доброта, простота и дружба – моя ласковая интерпретация «второй родины». Я надеюсь, что моя книга будет способствовать развитию культурных обменов между Китаем и Беларусью. Я желаю народу Китая и Беларуси продолжать дружбу вечно, чтобы Китай и моя вторая Родина процветали, а люди были счастливы!»

Список использованной литературы

1. Белый, В. В. Культурологический подход к обучению и роль преподавателя русского языка как иностранного // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития /В.В.Белый. – Минск : БГУ, 2009. – 298 с.
2. Шань Цзюньда. Далекая и близкая Родина. Рукопись книги, подготовленная к изданию. – 150с.

Гл. 3. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИСТОРИИ И ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Л.А. Захарчук (г. Брест, Республика Беларусь)
L. A. Zakharchuk (Brest, Republic of Belarus)

УДК 373.315

ЭТНОКУЛЬТУРА ПОЛЕСЬЯ : АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ, ТРАДИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы такой проблемы, как значение изучения этнокультуры в современном развитии общества, в формировании нравственных качеств человека, его эстетической культуры. Подчеркивается аксиологический аспект, отражаются традиционные музыкально-исполнительские особенности, представлены виды и жанры музыкального песенного фольклора.

Ключевые слова: этнокультура, календарно-обрядовый, семейно-обрядовый, детский фольклор.

ETHNIC CULTURE OF POLISSIA : THE AXIOLOGICAL ASPECT, TRADITIONAL FEATURES AND A MODERN INTERPRETATION

Summary

This article discusses some of the issues such issues as the importance of studying the music of ethnic culture in the modern development of society in the formation of moral qualities of the man, his aesthetic culture. Emphasizes the axiological aspect, reflecting the traditional musical performance features of types and genres of music folk songs.

Key words: ethnoculture, calendar-ritual folklore, family-ritual folklore, children's folklore.

Традиционная народная культура Полесского края, включающая в себя образовательно-воспитательный и культурно-воспитательный компоненты, наряду с другими факторами развития современного общества, активно участвует в формировании нравственной, эстетической культуры личности, ее национального самоопределения.

Возможности этнокультуры в целом актуализируются в современной концепции образования, целью которой является развитие культурной личности, ориентированной на общечеловеческие ценности, мировую и национальную художественную культуру, способной к самоопределению и культурной идентификации.

В работе с детьми, подростками, молодежью должны решаться задачи формирования этнокультурной идентичности, сохранения этнокультурного наследия на основе принципов культуры мира. В процессе формирования этнического самосознания личности необходимо обратить внимание на ценностное отношение к истории, национальным традициям, обычаям, фольклору, языковой культуре, государственности, а также уважении национальных культур других народов.

Решение этой проблемы требует ответственного подхода, практических действий, направленных на формирование ценностных ориентаций, этнокультурного развития личности. Этническая культура в этом плане служит ценностным регулятором человеческих отношений, являясь основой правовой, нравственной, интеллектуальной, эстетической культуры.

В современной научной практике этнокультурное пространство рассматривается как среда, формирующая ценностные ориентации личности на всех этапах её становления. Владение системой этнокультурных ценностей является для личности составляющей её методологической культуры, что в свою очередь, позволит осмыслить культурно-образовательное пространство, практически реализовать творческий потенциал в соответствии с современными приоритетами развития духовного мира человека.

Народные традиции и обычаи, обряды и праздники, музыкальный фольклор – значительная часть этнокультурного наследия любых народов. Сохранять, изучать и передавать их своим потомкам – важное условие жизни своеобразной самобытной культуры.

Исторические процессы возрождения народной культуры требуют обращения к истокам обычаев, традиций, обрядов, в частности к календарно-обрядовому, семейно-обрядовому, детскому музыкальному фольклору важных составляющих этнокультурного наследия. Среди современных тенденций культурного развития следует отметить внимание ученых, интерес исследователей, которые уделяют этнокультуре приграничных территорий, традициям и обрядам белорусского, русского, украинского народов. Особенностью приграничной этнокультуры является наличие богатейшего в свете фольклора потенциала. Это подтверждают высказывания известных этнографов, культурологов, музыковедов.

В фольклорных, исторических, этнографических работах отмечено, что народные обряды и праздники, музыкально-песенный фольклор, инструментальное искусство – это духовная система жизни людей, их мировоззрение, опыт социальный и творческий. Однако, календарно-обрядовый, семейно-бытовой, детский фольклор и другие виды традиционной народной культуры Полесского региона недостаточно изучены в историко-культурологическом, аксиологическом аспектах.

Полесский регион – это территория компактного проживания белорусов, россиян, украинскоязычного населения, поэтому значительная часть традици-

онной народно-песенной культуры включает фольклор этих народов. Вместе с тем, край владеет самобытной музыкальной традиционной культурой, оригинальным национальным колоритом и этническими особенностями, проявляющимися в языке, поэтике, песнях, юморе.

Полесские календарно-обрядовые праздники, семейно-обрядовый, детский фольклор, имеют некоторые традиционные особенности. Во время празднования в зрелищной, вербальной, символической и других формах происходит ценностная ориентация личности, становится доступным комплекс нравственных чувств, эстетических эмоций, настроений, передающих колорит праздника, его динамизм и красочность. Важный момент фольклорного праздника, обряда, игры состоит в том, что нередко они своими элементами обогащают культуру повседневную. Многие праздничные, обрядовые действия традиционно вошли в быт народа, а праздничные атрибуты используются в повседневной жизни, придавая особый национальный колорит развитию народной культуры.

В этнокультурном развитии детей, подростков, молодежи и других социальных групп особое место отводится календарно-обрядовому фольклору, народной праздничной культуре, в которой репрезентированы различные жанры: игры, народные песни, произведения народной хореографии, инструментальная музыка, образцы устного народного творчества.

Важной составляющей календарно-обрядового фольклора является народная игровая культура, в процессе функционирования которой человек приобретал социальный опыт.

В современной научной литературе в играх выделяются функционально-тематические и календарно-обрядовые признаки. Согласно последним, игры разделяются на: зимние, весенние, летние, осенние, семейно-обрядовые.

Народной игре нужны особые условия: включенность в структуру традиционной культуры, повторяемость в современной реальности, определение времени, приуроченности, пространства, возраста участников, использование атрибутов и символов, соблюдение законов и правил игры.

Настоящая народная игра сопровождается шутками, забавами, радостным настроением всех участников. В ней находят выражение многие эстетические и нравственные ценности – красота, гибкость тела и находчивость, сообразительность в поведении, ритмичность действий и смысл жестов и слов. Народная игра не имеет ярко выраженных границ социальных, возрастных или государственных. В содержательно-образном наполнении она может включать танцевальность, соревновательность, карнавальность и другие виды игровой культуры.

В современных условиях, в процессе освоения традиционных этнокультурных ценностей, мы имеем возможность использовать игры, которые отражают традиции семейно-обрядовой и календарно-обрядовой жизни белорусского народа, проживающего на приграничных территориях. В них переносят пословицы и поговорки, сказки, обычаи, обряды, которые раньше широко употреблялись в повседневной жизни. Эти игры повторяют и закрепляют нравственно-эстетический кодекс белорусского, украинского, русского народов. Однако, их особенностью является то, что многие из традиционных элементов этих игр сегодня не находят применение в реальной жизни. По-

этому для того, чтобы возродить народную традицию, необходимо игры такого типа проводить в образе театрализованных сюжетно-ролевых мероприятий. В этом случае у каждого участника игр есть возможность основательно выучить свою роль, овладеть теми элементами народной традиции, которые соответствуют той или иной роли и сюжету (песни, пословицы, загадки, обычаи и обряды).

Аксиологический аспект календарно-обрядового фольклора и других видов народного творчества имеет специфические особенности проявления. Ценность этнокультуры осуществляется образно-содержательной системой, в которой широко развита символика, богатство ассоциаций, сравнений, приемов психологического параллелизма (когда явления природы рассматриваются отдельно от человека, становясь зеркалом человеческих чувств и эмоций).

Яркие примеры психологического параллелизма мы находим в таких календарно-обрядовых праздниках, как "Гуканне Вясны", "Купалле", "Дажынкi", „Каляды" и другие, которые в последнее время возрождаются. Эти праздники сохранили в себе старинные обрядовые элементы и действия, которые изначально выполняли важную магическую функцию: в хороводах, закличках, приговорах, песнях люди стремились передать окружающей природе радостную энергию, направленную на пробуждение земли от зимнего сна, встречу весны, надежду на богатый урожай, приход чудодейственных сил, способствующих благополучию человека. С течением времени магические, обрядовые, исторические и другие мотивы в календарно-обрядовом фольклоре становятся для его исполнителей чисто традиционным элементом.

Отмечая традиционные особенности, следует выделить эстетическую окраску поэтического и музыкальных текстов большинства произведений народного творчества. Это такие образцы музыкально-песенного фольклора как: «Подольночка», «Журавель», «Женчичок–бренчичок», «Ты зязюля не кукуй», «Го-го-го каза», «Щедрик», «Жавароначкі, прыляціце», «Ой на Купала-купалочка», и др.

Следует отметить, что эстетическая направленность присуща месту и атрибутам праздника. Некоторые из них проходили в светлице – самой большой светлой комнате, убранной белорусскими ручниками, скатертью и другими праздничными атрибутами. На протяжении столетий в обрядовом фольклоре отработывалось национальное своеобразие музыкально-поэтических, хореографических, драматических форм, оттачивался стиль. В нем сохранилась поэтическая, эмоционально-насыщенная атмосфера праздника, пронизанная радостью коллективного труда, прекрасными чувствами единения человека с природой.

Следовательно, этнокультуру (фольклорный праздник, игровую культуру, народное устно-поэтическое, песенное творчество) можно представить как сумму детерминант исторического, экономического, национального характера, направленных на удовлетворение духовных и эстетических потребностей личности, которые обусловлены уровнем образованности и культуры.

Традиционная вариативность использованных средств и методов календарно-обрядовой, семейно-обрядовой культуры Полесья, других ее видов и жанров позволяет быть уверенным в том, что в процессе организации и проведении международных конференций, фестивалей, праздников, семинаров, творческих встреч будет происходить разностороннее освоение культурных традиций, народных игр, обрядов, песенно-хореографического фольклора. Такое сотрудничество, бесспорно, будет оказывать влияние не только на моральное и эстетическое развитие человека, но и формировать его мировоззренческую позицию, национальную самоопределённость, межкультурную компетентность.

Ценностное отношение человека к народной культуре – это также непосредственно переживаемое чувство единения с ней, ощущение ценности материального и духовного мира, отраженного в фольклоре, неразрывной связи с ним, а значит причастности и ответственности за сохранение и развитие культурных традиций.

Список использованной литературы

1. Беларускі музычны фальклор / склад. А.М. Аляхновіч, М.В. Рахчэеў, У.Д. Каструлёў. – Мінск: "Універсітэцкае", 1996. – 335 с.
2. Беларускі фальклор: хрэстаматыя / склад.: К.П. Кабашнікаў [і інш.]. – 4-е выд., перапрац. – Мінск: Вышэйшая школа, 1996. – 856 с.
3. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск : Ураджай, 2001. – 350 с.
4. Лозка, А.Ю. Беларуская батлейка. Каляндарныя і абрадавыя гульні: дапам. для настаўнікаў, выхавальнікаў, кіраўнікоў гурткоў / А.Ю. Лозка. – Мінск : Тэхналогія, 1997. – 183 с.
5. Иваницкий, А.И. Українська музична творчість / А.И.Иваницкий. – К.: Муз. Україна, 1990. – 336с.

Л. И. Кобылянская (г. Кишинэу, Республика Молдова)
Larisa I. Kobilyanskaya (mun. Chisinau, Republic of Moldova)

УДК 371; 39; 37.015.3; 37.013

РУССКИЙ ЯЗЫК В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА В ЭТНИЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Проблема развития языкового законодательства – одна из самых актуальных в Республике Молдова, являющейся многонациональным и многоязычным государством. Роль языка в этническом самоопределении чрезвычайно важна. Язык играет огромную роль в формировании этнического самосознания, так как оказывает воздействие на мировоззрение и поведение людей. Он выступает носителем национальной культуры. Необходимо создать надлежащие условия для того, чтобы характерное для Молдовы русско-молдавское двуязычие стало реальностью, важной составной частью духовной жизни народа.

Ключевые слова: русский язык, русские Молдовы, этническое самосознание, полилингвистическое образование.

RUSSIAN LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN ETHNIC SELF-DETERMINATION IN THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. The problem of developing language legislation is one of the most urgent in the Republic of Moldova, which is a multi-ethnic and multilingual state. The role of language in ethnic self-determination is extremely important. Language plays a huge role in the formation of ethnic identity, Language has an impact on people's worldview and behavior. The language acts as a carrier of national culture. It is necessary to create the appropriate conditions for the Russian-Moldovan bilingualism characteristic of Moldova to become a reality, an important part of the spiritual life of the people.

Key words: Russian language, Moldovan Russians, ethnic identity, polylinguistic education.

Давно установлено, что между языком народа и его этногенезом не всегда есть прямая связь, если она вообще есть. Но точно так же бесспорен и тот факт, что роль языка в этническом самоопределении чрезвычайно важна.

В последние десятилетия в языкознании наблюдается интенсивное формирование лингвистических направлений, рассматривающих язык как важную составную часть духовной жизни народа: этнолингвистика, социолингвистика, психолингвистика и др. Исследования ученых разных стран свидетельствуют,

что язык оказывает чрезвычайное воздействие на мировоззрение и поведение людей. Интересны и показательны в этом плане высказывания известных писателей, исследователей народной жизни. Русский писатель С. Сергеев-Ценский подчеркивал, что *«язык является душой народа»*. К. Паустовский утверждал, что *«по отношению каждого человека к родному языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности»*. А классик болгарской литературы Петко Славейков категорично заявляет: *«народ без языка – не народ»* [4].

Тот факт, что язык играет огромную роль в формировании этнического самосознания, давно осознан и используется политиками во многих случаях с денационализаторской целью. Интересен вопрос о молдавском и румынском языках, литературные нормы которых в настоящее время считаются идентичными. Однако спор в данном случае у нас, в Республике Молдова, ведется не в связи с лингвистической сущностью этой литературной нормы, а в связи с этническим самосознанием, которое навязают эти лингвонимы...

Вне всякого сомнения, в данном случае определенный интерес представляет и гагаузский феномен на территории Республики Молдова. Так как, на наш взгляд, здесь для формирования определенного этнического самосознания решающую роль играет именно язык данного населения, который по своему происхождению, вероятно, есть не что иное, как турецкий диалект, сформированный на балканской почве. По свидетельству историков, гагаузы в течение многих веков жили среди тюркского и славянского населения в Дели-Ормане (Лудогорие) и Добрудже. Вследствие тяжелого экономического и политического гнета большая часть гагаузов вместе с болгарями в конце XVIII – начале XIX в. вынуждена была бежать из Болгарии на незаселенные земли южной части Бессарабии. Однако, как известно, в мире нет «чистых» этносов и языков. Но взаимодействие между языками приводит не к появлению новых языков, а к их обогащению, если есть равные или относительно равные условия для развития всех участвующих в этом процессе языков, или к уничтожению более слабых, незащищенных языков, для которых нет никаких условий для их сохранения и развития [1].

Теория сближения наций и слияние языков не только не оправдала себя в практике жизни, но даже утвердила стремление, во что бы то ни стало сохранить национальную специфику со всеми прогрессивными и реакционными элементами. Пресыщение монолитной культурой привело каждую нацию к тому, что стало извлекаться содержимое исторической памяти народа.

Язык выступает носителем национальной культуры. Сохранение своего языка – это потребность сохранения общественного опыта своего народа, который не всегда адекватен личному опыту. Только познавая национальную культуру в целом, осваивая ее вербальный код, допустимо говорить об общем понимании специфических черт народа. Единство языка и национальной культуры является диалектичным: с одной стороны, язык – хранитель общественной информации, с другой – и сам язык может воздействовать на развитие культуры. Представляет интерес линия развития и формирования исторической памяти народа через изустные формы речи. Это объясняется тем, что оскудение ду-

ховной культуры народа понимается не упрощенно, как адекват вероучения, а гораздо шире – как способность формировать для себя нравственные представления и жить по ним. Духовная жизнь народа не детерминирована социальной средой – она имеет другие источники. Она изнутри черпает свои духовные силы. Такой силой является речь народа, с помощью которой формируется национальное самосознание, в которой выражена совокупность национальных черт, особенностей психического склада, специфических видов деятельности, то есть всего того, что мы называем менталитетом нации [4].

Язык – это не только свод правил и форм. Это бытийный контекст, в котором существует адекватная ему речь. Это целостный синтаксис цивилизационной модели, религиозных мифов, восприятия мира из того силового поля вселенной, которое определяет наше русскоязычное внимание.

Проблема развития языкового законодательства является одной из самых актуальных в Республике Молдова, являющейся многонациональным и многоязычным государством.

В настоящее время основным нормативным актом, регулирующим правовые отношения в этой области и принятом еще в советское время, является Закон о функционировании языков на территории Молдавской ССР, утвержденный Верховным Советом МССР 1 сентября 1989 года. Практика его применения наглядно продемонстрировала всю сложность поиска оптимального варианта решения столь важного для жизни государства и общества вопроса [2].

В Молдавии, как и в большинстве бывших союзных республик, в конце 80-х годов на волне демократических преобразований разгорелась оживленная дискуссия о наделении молдавского языка статусом государственного и переводе его с кириллицы на латинскую графику. На стадии обсуждения законопроектов стало очевидным, что наибольшую проблематичность представляет определение роли и места русского языка. Со стороны русскоязычного населения республики предлагалось наделить его вместе с молдавским статусом государственного, однако, несмотря на многочисленные акции в поддержку этого предложения, вплоть до забастовок, охвативших практически все города, оно было отвергнуто.

В соответствии с вышеназванным законом, молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики, является единственным государственным языком на территории страны и применяется во всех сферах политической, экономической, социальной и культурной жизни и выполняет в связи с этим функцию языка межнационального общения.

В статье 3 записано, что русский язык как язык межнационального общения в СССР используется на территории республики наряду с молдавским как язык межнационального общения, что обеспечивает осуществление реального национально-русского и русско-молдавского двуязычия. Однако использование русского языка в качестве средства межнационального общения можно охарактеризовать лишь как одну из его функций, поскольку в соответствии с законом он широко используется в официальной сфере, в образовании, информации и других областях.

Перечисленные выше области использования и порядок применения русского языка свидетельствуют о том, что ему в действующем законодательстве

предоставлен особый статус, который определяет за ним второе место (после молдавского) в иерархии функционирующих на территории Молдовы языков. Особое положение русского языка закреплено в Конституции Республики Молдова, принятой в 1994 году. В статье 13 записано, что государство признает и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны. Статья 35 гласит, что государство обеспечивает в соответствии с законом право лица на выбор языка воспитания и обучения.

После вступления в силу действующей Конституции был одобрен ряд законов, регламентирующих использование русского языка в различных областях государственной и общественной жизни.

Основные положения Закона о функционировании языков в части использования русского языка в различных сферах деятельности общества нашли широкое отражение в принятом Парламентом в 2001 году Законе “О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций”. В статье 6 закона закреплено, что государство гарантирует реализацию прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, получать дошкольное воспитание и образование всех ступеней, в том числе и постуниверситетское, на молдавском и русском языках.

В 2003 году Парламент утвердил Концепцию национальной политики Республики Молдова, являющейся важным политическим и правовым документом, актуальность разработки которого была обусловлена созданием благоприятных условий для свободного развития всех этнических и языковых сообществ, их интеграции в единый народ Молдовы. В Концепции отмечается, что русский язык, который в соответствии с действующим законодательством имеет статус языка межнационального общения, применяется также в различных областях жизнедеятельности государства и общества; необходимо создать надлежащие условия для того, чтобы характерное для Молдовы русско-молдавское двуязычие стало реальностью. Концепция говорит о недопустимости сужения сферы использования русского языка в обществе, а одной из приоритетных задач в области образования, культуры и воспитания является обеспечение условий для сохранения и дальнейшего развития его функций.

Таким образом, анализ действующего законодательства, регулирующего порядок использования языков на территории республики, позволяет сделать вывод о том, что в Молдове в период с 1994 года по 2003 год была разработана нормативная база для функционирования русского языка практически во всех сферах жизни государства и общества. Однако сегодняшняя ситуация его применения демонстрирует наличие серьезных расхождений между нормами законодательства и реальным положением дел в этой области. Следует отметить, что сразу же после принятия закона о функционировании языков в Молдове наблюдалось стремление официальных властей к неправомерному ускорению процесса создания новой языковой ситуации, ограничению применения русского языка и вытеснению его, прежде всего из сферы официального употребления, образования, информации и т.д. Именно в этот период начинается массовое увольнение специалистов из различных ведомств по причине незнания ими

государственного языка. При этом игнорировалось, что вместе с принятием Закона о функционировании языков было утверждено постановление о порядке введения в действие этого нормативного акта, в соответствии с которым нормы законодательства, регулирующие порядок использования языков, должны были вводиться в действие поэтапно в течение 4-6 лет [6].

В 1994 году Парламент рассмотрел вопрос о мерах по обеспечению изучения государственного языка некоторыми категориями граждан в целях выполнения ими служебных обязанностей и приостановил предстоящую аттестацию госслужащих на знание ими молдавского языка, отметив, что сроки, определенные для изучения языка, нереальны, численность и профессиональный уровень педагогических кадров, призванных преподавать на курсах и в центрах по изучению языка, не соответствуют предъявляемым требованиям.

В это же время органами власти последовательно проводилась политика по сокращению образования на русском языке. Количество общеобразовательных школ с русским языком обучения с начала 90-х годов сократилось почти в два раза, а число учащихся уменьшилось в них более чем вдвое. Целенаправленно ограничивался доступ к различного рода информации на русском языке. На основании ведомственных директив из библиотечных фондов были изъяты миллионы томов литературы на русском языке. Обострилась до предела ситуация с обеспечением русских школ учебно-методическими материалами. Прием студентов в группы с русским языком обучения в университеты, подведомственные Министерству просвещения, сократился более чем вдвое.

Последовательно проводилась работа по искоренению русского языка из области науки. В нарушение законодательства о функционировании языков, пленумом Высшей аттестационной комиссии было утверждено положение, предусматривающее, что докторские диссертации и авторефераты граждан Республики Молдова представляются для защиты на румынском языке. С каждым годом все более вытесняется русский язык из электронных средств массовой информации. Телевизионные передачи на русском языке составляют не более 10 процентов объема всех телепередач. Эфирное время для радиопередач на русском языке сокращается из года в год.

Сложившееся положение во многом объясняется тем обстоятельством, что с самого начала реализации положений Закона о функционировании языков он оказался в области политического противостояния, характерного для молдавского общества конца 80-х – начала 90-х годов. Несоблюдение многих положений Закона характерно даже для деятельности как центральных, так и местных органов публичного управления, правоохранительных органов и судов.

В последние годы ситуация еще более усугубилась в связи с очевидной тенденцией радикального пересмотра отдельных правовых норм, регулирующих функционирование языков на территории страны. Цель предлагаемых изменений в законодательстве очевидна – полное вытеснение русского языка из различных областей жизнедеятельности государства и общества. Об этом свидетельствует создание Правительством национальной комиссии по функционированию языков, полномочия и персональный состав которой свидетельствует о направленности ее на сужение сферы использования русского языка. Не содер-

жит упоминания о русском языке и разработанный в 2010 году по поручению президента РМ проект новой конституции республики. Большую обеспокоенность вызывает проводимая кампания по оптимизации образовательного процесса, что на деле приводит к недостаточно мотивированному и предвзятому закрытию учебных заведений с русским языком обучения. Крайне негативно в обществе воспринята, прозвучавшая в Парламенте депутатская инициатива о прекращении финансирования из государственного бюджета школ с русским языком обучения, а также заявления об отсутствии у получающих образование на русском языке перспектив трудоустройства в Молдове.

Одной из серьезных проблем следует признать преподавание русского языка в молдавских школах, в которых он изучается как второй иностранный с пятого по девятый класс. Когда в 2002 году было принято правительственное решение о преподавании русского языка, начиная со второго класса, это вызвало многочисленные акции протеста в Кишиневе, в которые были вовлечены студенты и учащиеся. События вызвали отклик в Совете Европы, рекомендовавшей ввести мораторий на изменение порядка преподавания русского языка в молдавских школах. С учетом сказанного можно говорить о грядущих сложностях на пути сохранения и развития молдавско-русского и русско-молдавского билингвизма. Уже сейчас молдавская молодежь, особенно в сельской местности, практически не владеет русским языком [3].

Почти десять лет шла речь о том, что правительством разрабатывается новый нормативный акт, который существенно изменит действующую систему образования. В 2008 году первый проект Кодекса был опубликован для обсуждения и сразу же вызвал серьезное напряжение в обществе. Прежде всего, в статье 7 законопроекта «Общая организация образования» предусматривалось, что государство гарантирует конституционное право личности на выбор языка воспитания и обучения на всех уровнях, формах и типах образования, за исключением медицинского, военного, юридического образования, а также в области государственного правопорядка и безопасности, где предлагалось осуществлять преподавание на молдавском языке. Таким образом, для русскоязычной молодежи устанавливалось явное ограничение на возможность получения образования в этих областях на русском языке. При обсуждении проекта в парламентских комиссиях группа депутатов внесла предложение об исключении этих ограничений на использование русского языка, поскольку подобное решение входило в противоречие с рядом норм действующего законодательства. Учитывая это и другие замечания, проект кодекса об образовании был отозван из Парламента.

Вопрос об изменении законодательства в сфере образования вновь стал предметом общественного обсуждения после опубликования Министерством просвещения для ознакомления граждан первого варианта (всего их было три) проекта Кодекса об образовании. Сразу же стало очевидным, что этот документ радикальным образом изменяет сложившуюся в последние десятилетия систему полилингвистического образования в стране, фактически игнорируя многонациональный состав населения Молдовы. Уже из содержания пояснительной записки к проекту кодекса следовало, что основной задачей этого документа является установление монополии румынского языка в системе образования

Республики Молдова. В новом кодексе записано, что учебный процесс в системе образования осуществляется на румынском языке и – в пределах возможностей системы образования – на одном из языков международного общения или на языках национальных меньшинств.

Русский язык в тексте закона даже не упоминается. В Кодексе также разъясняется, что обязательное образование начинается с подготовительной группы дошкольного образования и завершается лицейским или средним и послесредним профессионально-техническим образованием (статья 13). Следовательно, русский язык в дальнейшем может использоваться только в средних учебных заведениях, а в системе университетского и постуниверситетского образования его функционирование не предусмотрено. По инициативе русской общины при обсуждении проекта Кодекса на заседании правления координационного совета этнокультурных организаций при Бюро межэтнических отношений было разработано совместное предложение о необходимости дополнить статью 10 проекта, указав в ней русский язык как язык учебного процесса в системе образования. Это предложение было оформлено письменно, подписано руководителями русской, украинской, гагаузской, болгарской и белорусской общин и направлено Председателю Парламента и в парламентскую комиссию по культуре, науке, образованию, молодежи, спорту и СМИ. Предложение общин не было принято во внимание, несмотря на то, что при обсуждении в Парламенте было поддержано некоторыми депутатами.

Следует отметить, что вышеизложенные положения статьи 10 Кодекса вступают в противоречие с упоминаемыми ранее действующими нормативными актами, прежде всего с законами о функционировании языков на территории страны и о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Закрепленная в Кодексе новая норма, регулирующая язык преподавания в системе образования, входит также в противоречие с указанными ранее положениями Концепции.

Не вызывает сомнения, что преподавание русского языка в молдавских школах, где он в настоящее время изучается в обязательном порядке, будет сокращаться, поскольку переводится в категорию изучаемых по выбору иностранных языков. Это будет способствовать снижению уровня знания русского языка молдавским населением. Следует напомнить, что в российское законодательство, регулирующее вопросы трудовой миграции, недавно внесены изменения, в соответствии с которыми с 1 января 2015 года иностранные граждане, желающие работать в Российской Федерации, будут обязаны при трудоустройстве предоставлять документы, подтверждающие знание русского языка, основ законодательства и истории России. В связи с принятием нового Кодекса серьезную озабоченность вызывает дальнейшая судьба учебных заведений с русским языком обучения, функционирующих в Молдове [5].

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, свидетельствующие о массовом нарушении конституционных прав граждан на выбор языка обучения, этнокультурные организации РМ обратились к парламентскому адвокату с предложением направить в Конституционный суд запрос о контроле конституционности пункта (1) статьи 10 Кодекса об образовании.

Многолетний опыт реализации языкового законодательства в Молдавии наглядно продемонстрировал, что заложенный в нем принцип использования билингвизма в официальной сфере и социально-экономической жизни страны во многом отвечает общественным запросам, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании, а также применении международного опыта в этой области. Давно назрела необходимость законодательного закрепления более высокого статуса русского языка. Принимая во внимание его востребованность во всех областях политической, экономической, социальной и культурной жизни, необходимо принять политическое решение о придании русскому языку статуса официального в Республике Молдова. При этом следует учитывать, что в двух регионах Молдавии уже закреплено в соответствии с местным законодательством официальное многоязычие: в Гагаузии официальными языками являются молдавский, гагаузский и русский, в Приднестровье – молдавский, украинский и русский.

Реализация подобного предложения возможна только в случае внесения изменений в Конституцию Республики Молдова. В соответствии с существующим порядком пересмотра этого нормативного акта в декабре 2001 года 37 депутатов Парламента обратились в Конституционный суд с инициативой дополнения статьи 13 Основного закона страны.

Предлагалось, чтобы в новой редакции этой правовой нормы было закреплено, что русский язык в Республике Молдова является официальным языком и наравне с молдавским используется в деятельности органов центральной и местной публичной власти, в судебных инстанциях, правоохранительных органах и других областях государственной и общественной жизни.

В марте 2002 года Конституционный суд отказал в принятии к рассмотрению по существу этой инициативы, сославшись на то, что авторы не предложили изменения в ряд других положений Конституции, затрагивающих языковые проблемы. Эти замечания были учтены и подготовлено новое обращение в Конституционный суд, которое не было реализовано.

С марта 2013 года в Парламенте находится на рассмотрении предложенный группой депутатов либеральной партии, входящей в состав правящей коалиции, проект закона «О лингвистической политике в Республике Молдова», с принятием которого закон о функционировании языков 1989 года прекратит свое действие.

Основная задача законопроекта очевидна – ликвидация сложившегося молдавско-русского билингвизма и установление на территории республики полного господства румынского языка в официальной, экономической, судебной, образовательной, информационной и других сферах деятельности государства и общества.

В законе неоднократно повторяется перечень языков международного общения: английский, французский, немецкий, испанский, итальянский и др. Русский, один из официальных языков ООН, авторами в этом ряду даже не упоминается. Особую тревогу вызывают положения законопроекта, регулирующие использование языков в сфере образования, в соответствии с которыми пред-

ставителям национальных меньшинств обеспечивается обучение на родном языке только на дошкольном и начальном уровне. Во всех доуниверситетских учебных заведениях (гимназиях и лицеях), а также в высших учебных заведениях обучение ведется на румынском языке.

В Молдове и за ее пределами при содействии Совета Европы проводятся семинары-консультации по вопросу присоединения Республики Молдова к Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств – одному из важнейших международных документов, определяющих четкие параметры действий государства в области соблюдения прав национальных меньшинств на использование своих родных языков. Молдова подписала Хартию в 2002 году, но до сих пор ее не ратифицировала, хотя в 1995 году при вступлении в Совет Европы приняла на себя обязательство подписать и ратифицировать Хартию.

В соответствии с этим международным соглашением присоединившееся к Хартии государство обязуется не вытеснять, не искоренять используемые на ее территории языки, а сохранять и развивать их в таких областях, как образование, судебная власть, административные органы и государственные службы, средства массовой информации, в сфере экономической и общественной жизни, в культуре и т.д. Главная причина, по которой Молдова до сих пор не присоединилась к Хартии, – это статус русского языка. По своей востребованности и распространенности в Молдавии он не может быть отнесен к категории регионального или языка меньшинства, а полностью подпадает под понятие официального языка, который менее широко используется на территории государства (статья 3 Хартии).

Список использованной литературы

1. Губогло, М. Н. Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы) / М. Н. Губогло // СЭ. № 3. - 1967. - С. 159-167.
2. Закон Молдавской Советской Социалистической Республики от 1 сентября 1989 № 3465-XI О функционировании языков на территории Республики Молдова (В редакции Законов Республики Молдова от 29.05.2003 г. №206-XV, 07.04.2011 г. № 65, 17.07.2014 г. № 153, 24.05.2018 г. № 86).
3. Кодекс Республики Молдова об образовании от 17 июля 2014 г., № 152.
4. Кондов, В. Язык как фактор этнического самоопределения / В. Кондов // Славянские чтения : научно-теоретический журнал // Славян. ун-т. - К. : Славян. ун-т, 2014 (Tipogr. "Valinex" SRL). - 20 см. (Вып. 4/10). - 2014. - С. 85-88.
5. Млечко, Т. П. Русская языковая личность ближнего зарубежья / Т. П. Млечко. - Кишинёв: Славянский университет Республики Молдова, 2013 (tipogr. «Valinex»). - 437 р.
6. Сидоров, М. И. Русский язык в Республике Молдова : правовое регулирование, перспективы сохранения, развития и функционирования (Обзор национального законодательства в связи с 25-летием принятия Закона о функционировании языков на территории Молдавской ССР) / М. И. Сидоров // Славянские чтения: научно-теоретический журнал // Славян. ун-т. - К. : Славян. ун-т, 2014 (Tipogr. "Valinex" SRL). - 20 см. (Вып. 4/10). - 2014. - С. 287-308.

Ю. В. Койнова-Цёльнер, (г. Дрезден, Германия)
Julia Koinova-Zoellner, (Dresden, Germany)

УДК 316.613.4

ЭМОЦИЯ СТЫДА В КОНТЕКСТЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Аннотация: Актуальность рассмотрения стыда как эмоции связана с анализом деструктивных или конструктивных поступков личности вследствие взаимодействия в социуме. Чувство стыда, являющееся результатом саморефлексии, может привести к депрессии, зависимости и наоборот, конструктивно повлиять на раскрытие творческого потенциала личности в обществе. В этой связи стыд понимается как регулятор социального поведения личности в контексте нормативов и ценностей культуры. В статье раскрывается различное обхождение с чувством стыда в разных культурах на примерах известных личностей и произведениях Достоевского на русском и немецком языках.

Ключевые слова: писатель Достоевский, исключение, включение, стыд, вина, совесть, регуляция поведения, нравственность, сознание.

SHAME AS EMOTION IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL DIFFERENCES

Abstract: Personal dealing with emotion of shame can be destructive as well constructive. The sense of shame as self-evaluation has an effect on appearance of depression, addiction or suicide as well of the process of becoming a human civilization and development of a person's creative potential. In terms of functionality and normalization, shame is seen as a regulation of human behavior in society between the norms and values. The analysis of shame is essential for purpose to establish integrity of a society. The article reflects the impact of shame as an emotion on human behavior at the example of literature of Dostoevsky in Russian and Germany languages.

Key words: behavioral regulation, Dostoevsky, embarrassment, fault, inclusion, exclusion, shame.

Пролог

«Пропала совесть. По-старому толпились люди на улицах и в театрах; по-старому они то догоняли, то перегоняли друг друга; по-старому суетились и ловили на лету куски, и никто не догадывался, что чего-то вдруг стало не хватать и что в общем жизненном оркестре перестала играть какая-то дудка. Многие начали даже чувствовать себя бодрее и свободнее. Легче сделался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее льстить, пресмыкаться, обманывать, наущничать и клеветать. Всякую болезнь вдруг как рукой сняло; люди не шли, а как будто неслись; ничто не огорчало их, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее — все, казалось, так и отдавалось им в руки, — им, счастливым, не заметившим о пропаже совести. Совесть пропала вдруг... почти мгновенно! Еще вчера эта

надоедливая приживалка так и мелькала перед глазами, так и чудилась возбужденному воображению, и вдруг... ничего! Исчезли досадные призраки, а вместе с ними улеглась и та нравственная смута, которую приводила за собой обличительница - совесть. ... Люди остервенелись; пошли грабежи и разбои, началось вообще разорение ... », (Салтыков - Щедрин, 1869).

Прошло более 150 лет с тех пор, как Салтыков-Щедрин написал свою работу "Потерянная совесть" (1869) [7]. С того времени сформулированы ряд теорий о значении совести и стыда для описания и понимания психологии и поведения личности в социуме. В последние годы феномены «стыда» и «вины» широко освещались в немецкой научной литературе с позиции теологической, философской, психологической, социальной и гуманистической дисциплин, а также в исторических, культурных и литературных исследованиях [16,22,24].

Феномен «стыда» как междисциплинарная тема имеет долгую историю и изучается не только междисциплинарно, но и на межкультурном уровне [20]. Общим результатом тематических исследований является вывод, что в период стремительного развития глобальной культуры и все более благоприятной физической жизни в социуме личностные этические императивы размываются и постепенно утрачивают свою значимость. Духовные ценности жизни вытесняются материальными ценностями: "Сегодня, похоже, стыд как чувство теряет своё значение, в сравнении с прошлым временем, что связано с текущим изменением ценностей на фоне быстро меняющихся социально-экономических структур" [25, с. 29].

Мета-анализ тематических кросскультурных исследований показал различия на уровне понимания и значимости стыда в разных культурах. Общими характеристиками стыда являются его присутствие на всех этапах развития личности, которые определяются эффектами и взаимодействиями наследственности личности и его окружающей среды.

Эмоция стыда, в зависимости от культуры и социально-общественного развития, может иметь множество форм выражения и качеств.

Социальная характеристика эмоции стыда имеет двойную природу: стыд является как социальным, так и личностным феноменом. При этом эмоциональное, душевное переживание связано с образовательным социальным процессом, и оно нуждается в личностной саморефлексии.

Переход между смущением, мукой совести, стыдом, виной, социальным беспокойством не имеет чётких границ, и зависит не в последнюю очередь от интенсивности психических, эмоционально-познавательных состояний личности, а также от социальных норм и традиций культуры, и связанных с ними ожиданий от индивидуума.

Отклонение в поведении личности от социальных ожиданий вызывает протест на уровне общественного признания, так как поведение личности противостоит социально ожидаемому образу, признанному в культуре. Как следствие, это приводит как конструктивным, так и деструктивным способам общественного наказания, с одной стороны, и конструктивным или деструктивным поступкам личности, с другой.

С антропологической точки зрения, в научной литературе часто разделяются два феномена: стыд и вина [23]. Это разделение во многом основано на исследованиях Рут Бенедикт, которые она провела после второй мировой войны по заказу американского министерства обороны. Учёная провела культурологиче-

ское сравнение, анализируя восточную японскую и западноамериканскую культуры [10]. В своей книге "Хризантема и меч: формы японской культуры" (1946) она следовала теории Фрейда о том, что причиной вины является социальный страх и мука совести. В зависимости от степени развития социальной культуры этнолог Бенедикт разделяла:

- стыд как интернализированная эмоция и
- вину, как результат внешнего контроля со стороны общества.

В своём исследовании Бенедикт определила вину как психическое состояние, возникающее главным образом в результате (а)моральных поступков. Значимость психического состояния зависит от уровня признания моральных императивов в культуре. Эмоция стыда выступает внутренним наблюдателем личности, регулирует поведение индивидуума и помогает познать «пограничность» человеческих поступков [9]. Анализируя западные культуры, этнолог отмечает признание вины в обществе как регулятора поведения [10]. Автор отмечает, что в западных культурах отработаны и признаны моральные инстанции, которые открывают возможности реституции личности для рефлексии вины. Это признание, покаяние и исповедь. В восточных культурах таким регулятором выступает чувство «стыда». Развивая теорию Рут Бенедикт, в своём исследовании Алоис Хаан, анализирует страны Япония, Китай и страны Восточного Средиземноморья. Учёный подтверждает, что эти страны, используют функцию стыда. Протестантские страны, такие как Германия, относятся к странам, в которых общество регулируется с помощью чувства вины [17]. Алоис Хаан объясняет кросс-культурное различие между культурами вины и стыда прежде всего в последствиях санкций, которые можно ожидать, когда нарушаются социальные нормы и правила. Это означает, что в западных культурах вина может быть признана и человек «исправляется», в то время как в культурах стыда потерю социального престижа невозможно исправить.

Вольфганг Кальбе считает, что обе формы управления поведением: стыд и вина могут существовать бок о бок в зависимости от социального развития культуры, группы [21]. Так, в большом городе, где степень анонимности выше, определяются санкции на основе юридического признания вины. В маленьком посёлке, нравственное осуждение общины выступает санкцией, вызывая стыд и муки совести на личностном уровне [21]. Эта теория нашла подтверждение у этнолога Ханса-Петера Дюра в его двухтомнике «Нагота и стыд» [12, 13] и этнолога-исследователя Норберта Элиаса в работе «О процессе цивилизации» [14]. Однако оба ученых представляют различные тезисы, касающиеся исторического и социального развития форм стыда и вины, и их содержания. Ханс Петер Дюрр отрицает эволюцию стыда [12]. По его мнению, в традиционных обществах, где общество использует межличностную коммуникацию, сохранение родственных связей интенсивнее благодаря социальному контролю. Однако передача норм, их воспитание усваиваются ещё лучше в небольших сообществах, где связь между людьми интенсивнее, чем у людей в современных городских обществах, поскольку коммуникация в данном случае более поверхностная, социальный контроль более синтетический, при отсутствии семейно-социального контроля [13]. Межкультурное исследование, проведенное Джонсоном в 1987 г., показало эволюцию чувства стыда [20]. Результаты исследования, которые проводились с целью перепроверки раннего исследования Рут Бенедикт, не позво-

лили определить разницу между чувством стыда и вины в анализе поступков. Авторы объяснили полученные данные изменением культуры в странах Азии [20, с.357-364].

Снижение значимости таких моральных регуляторов, как стыд и вина можно объяснить процессом глобализации культур, при котором смешение культур интенсивируется. Стыд как эмоция теряет функцию общественного регулятора. Различия и проживания эмоции стыда проявляются на личностном уровне. Стыд и вина, не выступая общественными санкциями, могут регулировать поведение на индивидуальном уровне, так как для осознания вины и/или стыда не всегда нужны внешние наблюдатели [18, 21].

Дальнейшее изучение стыда/ вины стало темой межкультурного и языкового феномена [19]. Как эти чувства переводятся и понимаются в культурах английского, немецкого, японского, американского, французского, шведского, швейцарского и греческого языков? В своём социологическом исследовании эмоций в различных культурах, Изард задал вопрос: "Какую эмоцию/ чувство Вы понимаете лучше всего?" [19]. Общий рейтинг всех ответов показал, что самым редким было названо чувство "стыд", а чаще всего – "радость". Анализ отдельных групп показал другой рейтинг чувств. Так, для японских студентов, "общественная изоляция / осуждение" оказалась самой сильной негативной эмоцией. Интересно, что греческие студенты отметили чувство "стыд" чаще, чем все другие культурные группы [19]. К сожалению, вопрос, а почему именно греческие студенты понимают "стыд" лучше, чем другие этнические группы, остался в этой работе без ответа. Интересно в этой связи объяснение Филиппа Штайгер. Он пишет: "Отправной точкой греческого стыда является более или менее устойчивая система ценностей, которая извне вызывает "застенчивость" у индивида и регулирует моральную легитимацию". Позднее эта отправная точка "застенчивость" постепенно расширяется и включает в себя "айдос", который человек производит изнутри, а именно для становления себя как личности" [26, с. 62]. Следовательно, можно утверждать, что нет социальных обществ или культур, которые используют или только стыд или только вину, как санкции. Но, живя в двух культурах, можно утверждать о качественной разнице эмоций проживания в разных культурах на личностном уровне.

На русском языке пока нет такого изобилия современных научных работ на тему "стыд", как в немецко-англоязычных странах.

Лингвистический анализ употребления слова "стыд" в художественной литературе Германии позволяет говорить о вытеснении этого слова из немецкоязычной лексики. Объяснений тому много: стыд понимается чисто личностной эмоцией, а личная сфера охраняется государством. Лингвистически «стыд»/ «Scham» имеет родственный корень для обозначения части женского тела «Schamlippen», поэтому редко используется и в разговорной речи.

Напротив, стыд, ощущение стыда используется часто в русскоязычной лексике, с идеологическим привкусом прошлого: как «воспитательное средство». По сравнению с немецким языком, «стыд» в русскоязычном пространстве традиционно использовался для моральной оценки поступка, пытаясь вызвать самоощущение «стыдливости» у другого.

Анализируя биографии известных личностей русскоязычного пространства, можно найти много примеров, когда стыд выступал ведущей силой в поиске

идентичности, нередко мотором деструктивных поступков, например: к бегству в роль, которая либо не была признана обществом, либо, в конечном счете, не была признана на личностном уровне. Так, граф Лев Толстой (1828-1910) стыдился своего благородного происхождения и стремился к близости с крестьянами. Он сознательно обходился без обуви, ходил босиком, основал сельскохозяйственную общину "Ясная Поляна", вступил в конфликт с Русской Православной Церковью. Разочарованный в конце жизни, он бежал из Ясной Поляны ночью и умер по дороге в здании станции Астапово [1]. Напротив, поэту Есенину (1895-1925) не нравились его простые крестьянские корни, во время Октябрьской революции в России он женился на американской танцовщице Айседоре Дункан, провел с ней несколько лет за границей, затем вернулся один в Россию и закончил свою жизнь в одиночку, в гостиничном номере 28 декабря 1925 года [6]. Лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак (1890-1960), автор "Доктора Живаго", стыдился своих еврейских корней и рассказывал о своей няне, которая крестила его в детстве. За это он был «изгнан» из еврейского общества. Он написал свой знаменитый автобиографический роман "Доктор Живаго" и провел последние годы почти в изоляции на своей даче в Переделкино в Подмосковье [2].

Стыд, стыдно, вина в творчестве Достоевского определяют нравственность поступков и способов коммуникации [5]. Уже в эпилоге произведения «Преступление и наказание» главному герою Раскольникову стыдно: «И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться» [3].

Описывая Раскольникова, который переводится как "раскол", Достоевский проводит саморефлексию. Ведь это он ощущал себя после ссылки расколотым человеком в двух отношениях: изгнанный обществом и разорванный внутри себя. После возвращения из сибирской тюрьмы Достоевский сосредоточился на отношениях человека с законом общества и юрисдикцией, пытаясь определить значимость стыда и вины для личности и общества. В это же время, в 1803 году, по настоянию царя на русском языке был опубликован трактат миланского юриста Чезаре Беккариа (1738-1794) о преступлении и наказании "Die delitti e delle pene" (1764) [15]. Достоевский прочёл трактат и выразил своё мнение в романе «Преступление и наказание» [3]. Его герой Раскольников, студент-юрист, обвинил домовладелицу в своей бедности, и решил стать судьей. Он стал преступником, двойным убийцей. Раскольников оправдывает необходимость устранения этого «зла», оправдывает убийство ради любви к своим близким, матери и сестре. Незапланированно ему пришлось убить совершенно невинного человека, сестру хозяйки, к которой у него были самые положительные чувства. Он заболел. Страдая и размышляя, он приходит к мысли, что люди неизбежно разделены на "низшие" и "высшие" классы. И вновь ему стыдно, стыдно за бессмысленность убийства, но герой не испытывает чувства вины, поскольку определение вины и наказания, как сфера юриспруденции, не являются для Достоевского значимым. Достоевский, на примере Раскольникова, заставляет нас задуматься о внутреннем праве человека на наказание, которое сильнее юридической санкции. Чувство вины и необходимость искупления становятся для него понятиями морали, формирующимися под влиянием христианского самосознания человека [15, с. 151-152]. В своём произведении Досто-

евский показал нам динамику стыда, сила которого управляет поведением: деструктивно и конструктивно. Но прежде всего, стыд унаследован. У каждого есть чувство стыда, так же как Адаму и Еве пришлось жить с чувством стыда на земле, вынужденно покинув рай. Тогда вопрос в том, что, если с рождения человек стыдится, как человек должен жить с чувством стыда и вины?

Стыд, как социальная эмоция, согласно Достоевскому, позволяет действовать как мотор и выступать катализатором, который регулирует отношения человека с обществом и с самим собой. В его понимании эмоция стыда – это инструмент, который может помочь стать «лучшим» человеком. Таким образом, стыд выступает нравственным регулятором поведения, является нормативным и связан с "тактом". Через стыд, в связи с тактом, можно распознать зло и добро, социальные нормы и цели, личностные конфликты. Достоевский в романе описывает негативную разрушительную силу стыда (побуждение к негативному поступку) и его конструктивную силу катарсиса для человека, но не суд. Тем самым, он предостерегает нас от того, что вина, как юридическая санкция, не может заменить чувство стыда. Его произведение посылает нам сообщение, что ни нормы общества, ни нормы отдельного человека сами по себе не являются мерилom стыдливости и санкцией, потому что границы стыда можно постичь лишь относительно. В конце другого романа "Братья Карамазовы" Достоевский смешивает, всего на нескольких страницах в сцене похорон мальчика по имени Илья, множество граней стыда и вины, в его различных проявлениях и выражениях, независимо от их динамического развития, которое он выстроил по ходу сюжета:

«Твой брат виновен или невиновен?»

«Так что он погибнет как невинная жертва за правду...»

«Мальчик покраснел...»

«Отец, отец, как он унизил тебя! ...»

«... ...в душе он почувствовал что-то вроде толчка» [4].

Достоевский шокирует нас, читателей, разрушая границы между персонажами романа, между понимаем стыда и признанием вины, а может, признавая необходимость присутствия как вины (санкция общества), так и стыда (личностный регулятор). При этом он стирает расстояние между текстом и читателями, усиливая интенсивность проживания чувств стыда и вины, изображая диалектику эмоций. Чувства формируются в культуре общества, им учатся, они присваиваются на индивидуальном уровне и оформляются лингвистически.

При сравнении русских оригиналов с немецкой версией романов Достоевского в переводе Светланы Гейер поражает разнообразие языковых возможностей описания эмоции стыда. В русском языке стыд допускает множество аффективных граней переживания, но мало возможностей для вербального выражения. Немецкие слова «Scham», «Schande», «reinlich» переводятся на русский язык только одним словом «стыд», «стыдно».

«Преступление и наказание», второй по величине криминальный роман Достоевского, был переведен на немецкий язык более 20 раз. Уже в переводе названия романа проявляются культурологическое разнообразие понимания феноменов чувств и сути романа. Впервые этот роман был переведен в 1882 году под названием "Раскольников". Далее роман был опубликован на немецком языке под названиями:

- 1887 – "Вина и грехи. Раскольников";
- 1891 – "Раскольников или вина и грехи",
- 1921 – "Преступление и искупление";
- 1929 – "Раскольников, преступление и искупление".

С 30-х годов название "Вина и грехи" было признанным в Германии названием романа "Преступление и наказание", пока Светлана Гейер не сделала свой второй перевод в 1996 году. Она вернула роману оригинальное название "Преступление и наказание" в немецком переводе. В настоящее время её второй перевод считается самым лучшим переводом романа Достоевского «Преступление и наказание». Светлана Гайер (1923 –2010) рассказала в интервью о том, как ей трудно было отказаться от привычного и признанного в немецкой литературе названия «Вина и грехи» романа Достоевского, что она "...нарушила действующую норму в обществе. Она нарушила эту норму, но она была вынуждена это сделать, потому что ей было стыдно перед автором за её первый перевод" [15, с.151]. Чувство нравственного стыда, её муки совести, пересилили общественное мнение.

Таким образом, стыд выполняет функцию внутреннего поведенческого регулятора интегративного развития общества. В контексте общественного разнообразия и глобализации фундаментальные идеи Достоевского о совершенствовании общества путём нравственного совершенства личности на основе гуманистической системы ценностей актуальны для каждого государства и каждого из нас.

Список использованной литературы

Литература на русском языке:

1. Басинский П.: Лев Толстой. Бегство из рая. Москва, АСТ: Астрель, 2010.
2. Быков Д.: Борис Пастернак. Москва, Молодая гвардия. Серия ЖЗЛ, 2007.
3. Достоевский Ф.М.: Преступление и наказание: <https://ilibrary.ru/text/69/p.1/index.html> (от 10.11.2020)
4. Достоевский, Ф.М.: Братья Карамазовы. Том I и II, Можайск, Терра, ТОО, 1995.
5. Достоевский Ф.М., : Полн. собр. соч.: В 30 т. Ленинград, Наука, 1972-1990, Т.26, 1984.
6. Лекманов О., Свердлов М. Есенин: Биография. Москва, Астрель, 2011.
7. Салтыков-Щедрин М. Е.: Пропала совесть. / Собрание сочинений в 20-и томах. Т. 16. / <https://ilibrary.ru/text/1259/p.1/index.html> (от 6.11.2020)
8. Селезнёв Ю.: Достоевский. Жизнь замечательных людей. Москва, Молодая Гвардия, 1985.

Литература на немецком языке:

9. Baer U. & Frick-Baer G.: Vom Schämen und beschämt werden, Beltz Verlag, 2008.
10. Benedict, R./Übersetz. von Spannagel J.-M.: Chrysantheme und Schwert: Formen der japanischen Kultur, edition Suhrkamp, Ausgabe 2008.
11. Dostojewskij, F.M./ Übers. von Geier, S.: Verbrechen und Strafe. Frankfurt a. Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 15. Auflage, 2012
12. Dürr, H.-P.: Nacktheit und Scham. Bd. I, Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1988.
13. Dürr, H.-P.: Nacktheit und Scham. Bd. II, Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1990.
14. Elias, N.: Über den Prozess der Zivilisation. Bd.2, Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1982.
15. Geier, S.: Ein Leben zwischen den Sprachen. Dornbach, Pforte Verlag, 2008, 5. Auflage 2011.
16. Gvosdeva, K. & Velten, H.R. (Hrsg.): Scham und Schamlosigkeit: Grenzverletzungen in Literatur und Kunst der Vormoderne. Reihe: Trends in Medieval Philology. Göttingen, Verlag De Gruyter, Band 21, 2012.
17. Hahn A.: Was das Schamgefühl über Kulturen verrät. / www.uni-oldenburg.de/fileadmin/user_upload/gk.../Scham.pdf vom 08.11.2020
18. Hilgers, M.: Scham: Gesichter eines Affektes, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2012.

19. Izard, C. E.: Die Emotionen des Menschen. Weinheim, Psychologie Verlag, 1981/1994.
20. Johnson, R. C. & Danko, G. P. & Huang, Y.-H. & Park, J. Y., Johnson, S. B. & Nagoshi, C. T.: Guilt, shame and adjustment in three cultures. Journal of individual Differences, N. 8 (3), 1987.
21. Kalbe, W.: Scham-Komponenten, Determinanten, Dimensionen. Dissertation. Hamburg, Uni-Verlag, 2002.
22. Kühn, R. & Raub, M. & Titze, M. (Hrg.): Scham - ein menschliches Gefühl. Kulturelle, psychologische und philosophische Perspektive. Göttingen, Opladen, 1997.
23. Lietzmann, A.: Theorie der Scham. Eine anthropologische Perspektive auf ein menschliches Charakteristikum. Dissertation, Tübingen, Uni-Verlag, 2003.
24. Neckel, S.: Scham und Schamsituationen aus soziologischer Sicht. In: Forum Supervision, Vo.14, Nr. 28, 2006, S. 37-50.
25. Raub, M.: Scham – ein obsoletes Gefühl? Einleitende Bemerkungen zur Aktivität eines Begriffs. In: Kühn, R. & Raub, M. & Titze, M. (Hrg.): Scham - ein menschliches Gefühl. Kulturelle, psychologische und philosophische Perspektive. Göttingen, Opladen, 1997, S. 27-44.
26. Steiger, Ph.: Die Scham in der griechisch-römischen Antike. Eine philosophie-historische Bestandaufnahme von Homer bis zum Neuen Testament, In: In: Kühn, R. & Raub, M. & Titze, M. (Hrg.): Scham - ein menschliches Gefühl. Kulturelle, psychologische und philosophische Perspektive. Göttingen, Opladen, 1997, S.54-76.

К.Е. Кузьмина,

Смоленский государственный университет (СмолГУ) Смоленск, Россия

K.E. Kuzmina,

Smolensk State University

kсениavorzanova@mail.ru

И.В. Морозикова

Смоленский государственный университет (СмолГУ) Смоленск, Россия

I.V. Morozikova

irina_morozikova@mail.ru

УДК 316.6; 159.9

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ УЧИТЕЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие профессионального менталитета учителя, показано, что оно отражает сознание современного общества, аккумулированное в способах восприятия и оценки действительности, поступках и деятельности, содержании педагогической деятельности учителя.

Ключевые слова: ментальность; менталитет; профессиональный менталитет; личность учителя; социальный тип личности

PROFESSIONAL MENTALITY OF THE TEACHER AS A REFLECTION OF THE ERA

Annotation. The article considers the concept of professional mentality of a teacher, shows that it reflects the consciousness of modern society, accumulated in the ways of perception and evaluation of reality, actions and activities, and the content of teacher's pedagogical activity.

Key words: mentality; professional mentality; teacher's personality; social personality type

В педагогической психологии одной из центральных проблем была и остается проблема изучения личности учителя (Н.А. Аминов, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.А. Слостенин, М.И. Станкин, Н.Ф. Талызина и др.). Большое количество исследований посвящено изучению особенностей профессиональной деятельности учителя, его профессионально значимых качеств (А.К. Маркова, Л.М. Митина, В.А. Слостенин и др.), способностей к педагогической деятельности (Ф.Н. Гоноболин, Э.А. Гришин, Н.Д. Левитов, В.Б. Ольшанский, И.В. Страхов, В.Д. Шадриков, И.А. Щербаков и др.), профессиональной компетентности и самосовершенствования педагога (Н.А. Аминов, А.К. Маркова, А.Б. Орлов, Н.Ф. Талызина и др.). Концепция профессионального менталитета учителя позволяет рассматривать профессиональную деятельность учителя, прежде всего учителя современности как явление, отражающее сознание современного общества.

По мнению А.И. Кравченко [2], понятие ментальности символизирует глубокий уровень массового сознания, коллективные представления людей, их образ мира, ценности и образцы, которые определяют мысли, чувства и действия культурных индивидов и отражаются в материальных и духовных продуктах культуры, в том числе и в представлениях о семье, в её укладе, традициях, формах семейных отношений, в распределении семейных ролей. При этом менталитет и ментальности сами формируются в рамках определенных культур. «Различные элементы культуры, будь то форма жилища или сказочные герои, несут в себе определенный опыт предшествующих поколений, опыт осмысления бытия, опыт чувств и мыслей, опыт познания и объяснения существующей реальности. Знакомясь с культурой своей страны, индивид не только приобретает знания о том, какой одеждой, посудой пользовались его предки, как создавали семьи, и как вели хозяйство, но и познает все то, что они пережили и испытали, как рассуждали и оценивали происходящее, к чему стремились, и что хотели передать следующим поколениям» [3, с. 4]. При этом происходит формирование собственных способов познания, оценки и переживания действительности, поведенческие образцы транслируются в собственное поведение, а в целом формируется менталитет личности.

Проблема ментальности / менталитета получила особую актуальность в условиях быстрых, все усложняющихся изменений социума. Научное понимание и объяснение изменений и функционирования современного общества, понимание социальных, политических, культурных и других событий, становится возможным только при обращении к научным категориям, отражающим наличие в психическом (в сознании) у представителей и малых, и больших социальных групп неких общих, исторически сложившихся, формирующихся в процессе жизни личности в конкретных социально-исторических и культурных усло-

виях психических образований, структур, проявляющихся в рассуждениях, миропонимании, мироощущении, социальном поведении не только конкретной личности, но и целых обществ. Понятие ментальности / менталитета обозначает эти психические структуры как глубинный уровень массового сознания, коллективные представления людей, их образ мира, ценности и образцы, которые определяют мысли, чувства и действия культурных индивидов и отражаются в материальных и духовных продуктах культуры.

Изучение процессов и механизмов трансформаций ментальности и менталитета в быстро изменяющемся (транзитивном) обществе позволит не только выявить особенности взаимодействия и взаимовлияния социальных условий и индивида, но и раскрыть сущность механизмов функционирования ментальных образований как индивидуальном, так и групповом сознании.

В.И. Пищук [5], анализируя феномен трансформации ментальности на рубеже XX- XXI столетий, отмечает, что главной чертой современного общества является неопределенность. Особую функцию в этом мультикультурном обществе, функцию «экспертов» (по Э. Гидденс), обладающих социальным знанием и сохранившим вполне определенные ценности и смыслы жизни, выполняют учителя. Сущностной характеристикой «экспертов» является то, что они «могут переструктурировать неопределенные параметры в определенные», тем самым избавив личность от мучительной неопределенности, задав жизненные ориентиры. Он указывает на то, что в западном мире к «экспертам» относят психотерапевтов, личных врачей, банкиров, юристов и т.д. Для россиянина не характерно иметь таких посредников между собой и все усложняющимся социумом.

В России выбор «экспертов» исторически определен. Если обратиться к опыту массовой образовательной школы и той роли, которую ей отводили в формировании идеологии в период Советского Союза, а также опыту учительства в царской России, то можно заметить, что в российской культуре в качестве «эксперта» в выборе ценностей, образа жизни, стиля очень часто выступал и выступает Учитель. Эту мысль неоднократно подчеркивал в своих рассуждениях и научных трудах об учителе В.А. Сонин: «Историческая, культурная, социальная, духовная, нравственная функция учителя состоит в том, чтобы найти нужную книгу бытия для своего ученика, воспитанника, который, отчасти и благодаря ей, станет культурным, грамотным, образованным и не сможет выстрелить в себя подобного или убить его» [8. с. 9].

Концепция профессиональной ментальности учителя [1, 4, 6, 8] позволяет раздвинуть рамки традиционной парадигмы педагогической психологии. Ментальность интегрирует весь социально-культурный опыт субъекта и определяется субъективной или объективной принадлежностью человека к тем или иным социальным группам (возрастным, национальным, профессиональным). Эту идею разрабатывали и исследовали А.Я. Гуревич, Д. Оборина, В.А. Сонин и др.

Общество всегда персонифицирует свои представления об учителе с конкретными личностями (К.Д. Ушинским, А.С. Макаренко, Ш.А. Амонашвили, В.А. Сухомлиным или с «моей первой учительницей», Марьей Ивановной, Иваном Степановичем и т. д.).

С одной стороны любой учитель, как представитель науки, является носителем научной «ментальной репрезентации» (по А.В. Брушлинскому) мира, его

когнитивной модели. С другой стороны, как отмечает В.А. Сонин [8, с. 66] «Уникальное сословие в российском сообществе – русская интеллигенция. Её многочисленный профессиональный корпус – учительство, особенно впитало в себя всю животворную силу менталитета не только российской истории, культуры правосознания, экономического мышления, но и профессионализма...». Поэтому, учительство как социальный тип отличается от других категорий населения носительством уникальной системы ментальных конструкций, которые оно транслирует новым поколениям.

В том, что учитель всегда был государственным, духовным и обучающим субъектом, личностью обязанной учить, назидать, воспитывать, вести за собой ребёнка, подростка, юношу, быть наставником взрослому человеку есть объективная автономная сущность учительства как социального типа [8].

Учительство как социальная группа в структуре общества, обладает ментальными особенностями, которые настолько специфичны, что можно утверждать наличие профессионального менталитета учителя как сложного личностного образования.

В.А. Сонин (1999, 2000) отмечает, что ментальность как интегральное образование достаточно полно объясняет когнитивный, эмоционально-чувственный и поведенческий смысл профессиональной деятельности, в том числе и педагогической. Становление профессиональной педагогической ментальности обеспечивает, с одной стороны, реализацию индивидуальных качеств будущего специалиста как субъекта педагогической деятельности и общения. С другой стороны, усвоение профессиональной ментальности составляет процесс психологического присоединения специалиста к профессиональной среде. Таким образом, складывается социально-психологический тип личности педагога. Этот тип личности представляет собой сплав положительных профессионально значимых качеств и негативных образований, которые транслируются в социум через устойчивые паттерны поведения учителя.

В профессиональном менталитете учителя В.А. Сонин выделяет два типа взаимосвязанных качеств – положительных: эмпатийность, толерантность, интеллектуальные и эмоциональные особенности межличностного взаимодействия, ориентация на общечеловеческие ценности, профессиональная рефлексия, панорамное видение ситуации и детских проблем, профессиональная антиципация; и негативных: назидательность, завышенная самооценка, самоуверенность, снижение критичности мышления, догматизм взглядов, отсутствие коммуникативной гибкости, прямолинейность, педагогическое упрямство, выраженная речевая центрация, ориентация на социальное одобрение, низкая мотивация, приводящая к эмоциональному выгоранию и профессиональной стагнации.

В работах В.А. Сониной разработана концептуальная модель менталитета учителя, которая включает: профессионально-предметные способности, педагогическую мотивацию, понимание общественной значимости педагогической деятельности, тенденцию идентифицировать свою деятельность с делегированным представителем власти и государства.

В данной концепции учителя синтезированы культурно-исторический, психодинамический, когнитивный, феноменологический подходы к личности. Многочисленные исследования, проведенные Валерием Абрамовичем и под его руководством (К.Е. Кузьмина, И.В. Морозикова и др.) доказали, что педагогическая деятельность формирует особый способ восприятия и понимания мира (профессионально-педагогическую ментальность), это оказывает значительное влияние не только на педагогический процесс, но и опосредованно на общественные явления. Педагогическая профессия впервые описана как массовая, и дано реалистическое описание личности и ментальности учителя современной школы. В отличие от традиционной педагогики и психологии в качестве базового профессионально значимого качества учителя Валерий Абрамович называет веру в детей и их способности.

Анализируя менталитет учителя, его социальный выраженный тип необходимо выделить специфические способности к педагогической деятельности, образующиеся и проявляющиеся именно в условиях исторически сложившейся социальной системы той государственной власти, которая эту систему охраняет, питает и поддерживает, формируя социальный облик педагога.

Проблема ментальности / менталитета получила особую актуальность в условиях быстрых, все усложняющихся изменений социума. Изучение процессов и механизмов трансформаций ментальности и менталитета в таком обществе позволит не только выявить особенности взаимодействия и взаимовлияния социальных условий и индивида, но и раскрыть сущность механизмов функционирования ментальных образований как индивидуальном, так и групповом сознании.

Проведение с 1994 года Международных научно-практических конференций «Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета» и публикация с размещением в РИНЦ сборников научных статей по указанной проблематике даёт возможность ученым разных регионов России (Москва, Смоленск, Ростов-на Дону, Киров, Калуга и др.) и ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссии, Германии, Казахстана и др.) познакомиться с результатами, обсудить и обобщить опыт научных исследований по проблеме.

В современном социально-информационном пространстве центральным ментальностным образованием личности учителя является надситуативная активность [5, 8]. Она проявляется в педагогической деятельности специфично, аккумулируя все природные способности учителя, его знания, приобретенные в вузе, имеющийся опыт и постоянное желание позитивно решать ситуации, приемлемые для субъекта деятельности для целей и задач обучения и воспитания.

Психологическое понимание силы личности учителя как мощного педагогического инструмента, которая вдохновила двоечника выучить предмет и гордиться достигнутым, наглядно представлено ученым в следующем этюде. Будучи еще совсем юным, начинающим педагогом, только что закончившим институт, Валерий Абрамович обратил внимание на радостно несущегося по школе ученика, заядлого двоечника, с гордостью кричавшего: «Мне сам Синявский (Синявский Владимир Витальевич – известный в Смоленске математик, заслу-

женный учитель РСФСР) поставил «три». Это стало отправной точкой в изучении личности педагога.

Е.А. Климов называет это специфическое комплексное образование, придающее педагогической профессии особый социальный статус, – социономическим типом личности, У. Липпман – психологически «работающий» имидж, В.А. Сонин – профессиональным менталитетом [7]. Он обосновывает теоретически и экспериментально идею об особом социально психологическом типе человека – учителе, который не мешает учащемуся найти себя, а активно и искренне помогает.

Социальный тип личности – это комплексное специфическое образование, включающее три составляющих: персонификацию, ментальные конструкции, наличие объективной автономной сущности.

«Историческая, культурная, социальная, духовная, нравственная функция учителя состоит в том, чтобы найти нужную книгу бытия для своего ученика, воспитанника, который, отчасти и благодаря ей, станет культурным, грамотным, образованным и не сможет выстрелить в себя подобного или убить его» [8, с. 57] .

Представленный теоретический и исследовательский материал даёт возможность поставить новую практическую задачу перед современной системой профессиональной подготовки педагогов, заключающуюся в разработке практических рекомендаций и программ, позволяющих проектировать ментальные конструкции личности педагога в соответствии с этапами становления профессионала.

Список использованной литературы

1. Акопов Г.В., Иванова Т.В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. – 2010, № 2. С. 20 -27.
2. Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособ. для вузов. 4-е изд. М.: Академический Проект, Трикта, 2003. 343 с.
3. Кузьмина К.Е., Морозикова И.В. Актуальные направления в изучении проблем ментальности / менталитета в условиях цифровизации и глобализации общества (памяти В.А. Сониной) // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета: сборник научных статей / под ред. К.Е.Кузьминой, И.В. Морозиковой; Н.П. Сенченкова; Смоленский государственный университет. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. Вып. 15. 160 с. С. 5-9.
4. Морозикова И.В., Кузьмина К.Е. Социально-психологические особенности ментальности / менталитета в контексте изучения проблем современной семьи // Детство и семья 21 века: проблемы и стратегии психологической помощи и поддержки: сб. материалов II Международной научно-практической конференции. – Минск: БГПУ имени Максима Танка», 2016. – С. 33-37.
5. Оборина Д. В. Об особенностях ментальности будущих педагогов и психологов // Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология – 1994, № 14. С.41 - 48.
6. Пищук В.И. «Потеря» традиционной субъектности поколений как феномен трансформации ментальности // Психологический журнал. –2010, № 2. С. 20-27.
7. Сонин В.А. Психодиагностическое познания профессиональной деятельности. – СПб.: Речь, 2004.
8. Сонин В.А. Учитель как социальный тип. – СПб.: Речь, 2007.

З.С. Левчук (г. Брест, Республика Беларусь)
Zinaida Liauchuk (Brest, Republic of Belarus)

УДК [17.021.2+930.85](476)

НРАВСТВЕННЫЙ ПОДВИГ БЕЛОРУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КАК ПРИМЕР ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Аннотация. В статье рассматривается вклад белорусских просветителей в историю развития Отечества. На переломных этапах развития общества просветители совершали нравственный подвиг во имя улучшения жизни простого человека. Священники, писатели, ученые помогали создавать духовную программу развития человека, учили жить по законам добра и любви, чем показывали примеры гражданского служения Отечеству и народу.

Ключевые слова: просветители, нравственный подвиг, долг, духовность, духовная программа, нравственные ценности.

THE MORAL FEAT OF BELARUSIAN EDUCATORS AS A MODEL FOR CIVILIAN SERVICE TO ONE'S HOMELAND

Summary: The article describes the contribution made by Belarusian educators to the Homeland development history. At the critical stages of social progress, educators performed a moral feat for the sake of improving a commoner's life. Priests, writers and researchers helped create a spiritual programme of personal growth, taught people to follow the laws of kindness and love thus providing role models for civilian service to one's Homeland and the people.

Key words: educators, moral feat, duty, spirituality, spiritual programme, moral values.

Идея о решающей роли нравственного воспитания в развитии и формировании личности осознавалась мыслителями давно. Уже в Римской империи появился трактат «О падении нравов у молодежи». Изречение древнегреческого философа Аристотеля относительно нравственности: «Если мы идем вперед в области знания, а не нравственности, то мы идем не вперед, а назад» стало актуальным для всех цивилизаций. Значимый вклад в становление нравственного человека внесли представители эпохи Просвещения, которая характеризуется распространением и влиянием просвещения, развитием наук. На территории Беларуси идеи Просвещения стали активизироваться в 18 веке, несколько позже, чем в Европе.

Осмысление и оценка просветительства в Беларуси позволяет показать примеры гражданского служения его представителей для современной молодежи. Понятие «Просвещение» в узком смысле слова понимается как идеологическое, философское, общественное движение в Европе в 16–18 веках. Движение было направлено против абсолютных монархий, феодальных порядков и засилия католической церкви, которые господствовали на европейском континенте. Активные участники Просвещения стремились усовершенствовать тогдашнее общество с помощью разума, через распространение знаний и наук, что позволило им изменить мировоззрение людей, подготовить политические и социальные революции.

Просвещение в широком смысле означает деятельность просветителей по распространению знаний, культуры, а также неустанную заботу о духовной жизни людей. Просветительство можно рассматривать как познание его представителями духовной действительности, приобщение к духовной жизни, к достижениям мировой истории. Как отмечал Н. А. Бердяев, просветители «постигали свет, который присущ каждой из эпох» и несли этот свет людям.

Показывая примеры гражданского служения отечеству своим современникам, просветители понимали такое служение как активное участие в жизни общества, как заботу за судьбу страны, принятие сердцем ее ценностей. Жизнь и деятельность просветителей представляет нравственный подвиг потому, что они приняли на себя ответственность преодоления лишений, жертвенности своими личными интересами ради общественного блага, а также побудили своих современников к нравственному и гражданскому совершенствованию.

Сущность гражданского служения отечеству раскрыл известный педагог В.А. Сухомлинский, который обращаясь к пониманию гражданского служения молодого поколения отмечал, что сыном отечества является тот, кто живет в мире нравственных ценностей, святынь своего народа, кто чувствует себя частицей родины, кто трудится для ее укрепления и делает все, чтобы торжествовали добро и справедливость [1].

Примером гражданского служения является самоотверженная деятельность белорусских просветителей, которые совершали нравственный подвиг в особо сложных общественно-политических условиях. Совокупность таких условий философ Н. А. Бердяев называл «катастрофическими моментами истории», для преодоления которых требуется «особое состояние духа, которое дает особую остроту сознания, особенную способность к рефлексии» [2].

Представителями белорусского просветительства стали люди разных сфер деятельности: философы, священнослужители, ученые, юристы, революционеры, деятели культуры, педагоги. Все они были едины в одном: в стремлении к укреплению отечества, в стремлении возвысить достоинство народа, просветить его ум. Духовная программа просветителей складывалась в соответствии с конкретными условиями исторического развития Беларуси.

Так, просветители – ученые, философы направляли жизнь общества на достижение высших нравственных ценностей, отстаивали духовность как уровень бытия, создавали (моделировали) образ мира и человека в нем, предлагали общечеловеческие нравственные ориентиры. Они изучали природные и общественные законы, помогали народу познать свое национальное, экономическое,

культурное своеобразие и на основе конкретного осознать себя частью общего исторического и духовного процесса. Уроженцы белорусской земли взбогатили европейскую науку, философскую мысль важными изобретениями, яркими идеями. Среди них: *Казимир Семенович*, сумевший найти способ создания многоступенчатых ракет, придумал для них дополнительные двигатели. *Мартин Почобут-Одлянецкий*, получив хорошее образование у езуитов Гродно, затем в европейских университетах, изучал планету Меркурий, определил координаты многих пунктов в Белоруссии и Литве.

Наш земляк из деревни Лыщицы *Казимир Лыщинский* (1634-1689 гг.) первое образование получил в езуитском коллегиуме в Бресте и был образованным, талантливым человеком для своего времени. Главным смыслом и делом его жизни были раздумья о человеке, его происхождении. Мыслитель пришел к выводу о несуществовании Бога, а значит об исключении божьего начала у человека. Это изложил он в трактате «О не существовании бога». Согласно его подходу, человек и общество – творцы истории и богов. Это была новая мысль для тогдашнего общества, за которую просветитель поплатился жизнью: согласно решению сеймового суда, в Варшаве, на площади Старого города, Лыщинского обезглавили и сожгли на костре.

Пример выполнения просветителями гражданского долга проявился уже в X–XII веках, когда на территории Беларуси создавались самостоятельные государственные образования (Полоцкое княжество), выстраивались новые внутри- и межгосударственные отношения в противовес геополитическим интересам князей, утверждающих право силы, и в противовес духовной жизни населения княжеств, которая развивалась в системе языческих представлений.

В этот период несли служение христианские просветители: преподобная Ефросиния Полоцкая, полоцкие епископы – Мина, Дионисий и Симеон, епископы Туровские – Кирилл и Лаврентий, причисленные Русской Православной Церковью к лику святых. Белорусские просветители содействовали созданию и закреплению славянской, белорусской общности. Через церковный язык, религиозные догматы, общее литургийное право, заповеди человеколюбия происходило единение народа. Православно-церковная деятельность органично связалась с семейно-родовой, народной обрядностью, осуществила духовный симбиоз традиций. В народном сознании начали формироваться новые представления о жизни, о гражданском долге, новая этика межличностных отношений.

Примером гражданского подвига является жизнь и подвижническая деятельность *Ефросинии Полоцкой* (1110-1173 гг.), которая выступила подвижницей нового мира через созидание нового: заложила женский монастырь Св. Спаса и мужской монастырь Св. Богородицы. При них Ефросинья открыла скриптории – мастерские по переписыванию книг языком, доступным простым людям, создавала школы, открывала библиотеки. Игуменья сама писала молитвы и проповеди, которые читались в церкви Спаса на территории монастыря. Она показала выбор между земным, несовершенным, и духовным, вечным, отстаивая право морального усовершенствования всего народа. Являясь патриотом земли полоцкой (земли белорусской), она предопределила приход Просвещения в Беларусь.

Значимый вклад внес в просвещение своего народа *Кирилл Туровский* (1130-1182 гг.) – писатель, проповедник, церковный деятель, жизнь которого проходила в период острой межгосударственной борьбы суздальских, волынских, киевских князей за южные земли Беларуси. Кирилл противостоял этой борьбе, обличал моральные пороки своих современников, но восхвалял их добродетели и положительные поступки. Он написал много проповедей и «слова», которые свидетельствуют о его глубоком знании церковной литературы, греческого языка. В центре его произведений – забота о духовном совершенствовании человека в соответствии с этическими и эстетическими идеалами того времени. В вопросно-ответной форме изложения он прибегал к сравнениям, аллегориям, противопоставлениям, вводил элементы народной речи. Предложенная им система нравственного воспитания учитывала сложность духовного становления человека, отстаивала необходимость познания для всех людей с помощью веры, чувств и книжного учения. Впервые им было заявлено об уважении «мужа проста», о необходимости обучения людей грамоте и «разуму книжному». Вклад К. Туровского также предопределил приход Просвещения на белорусские земли в XVII – XVIII вв.

XVIII век для Беларуси было временем сложных политических, идеологических и духовных процессов. Политический кризис Речи Посполитой, конфронтация магнатов, неудачные попытки реформ, гражданская смута, преследование людей православной веры, вооруженные народные восстания, территориальные разделы нарушили правопорядок в стране. Разобщенность общества глубоко пронизала душу Беларуси и ее государственные устои. Социально-классовая принадлежность усугубилась раздвоением национальной целостности, что закрепилось девизом: «По рождению – русин, по национальности – поляк». На долгие годы участием белорусов стала роль «строительного» материала для возвышения иных культур и народов.

В сложное время для народа поднял свой голос в защиту *Георгий Конисский* (1717 – 1795 гг.) – философ, политический и культурный деятель, архиепископ, профессор и ректор Киево-Могилянской духовной академии, основатель Могилевской духовной семинарии. В своих произведениях и проповедях он актуализировал идеи Просвещения. Так, став архиепископом Могилева, он обратился к белорусскому духовенству через написание грамоты, в которой утверждал идеал пастырского служения – учить народ! В проповедях и публичных выступлениях он отстаивал нормы правопорядка и законности, осуждал пороки представителей власти, служителей культа и феодалов. Г. Конисский отводил огромную роль разуму человека и предлагал выбор духовного пути для народа. «Стоячы як бы на скрыжаванні і маючы перад сабой дваікі шлях, прамы і крывы, царскі і зладзейскі, закону і беззаконія, – ідзіце першым, кіруючыся сумленнем хрысціянскім ...»[3].

Просвещению служило также научное познание – изучение истории родной земли, героического прошлого народа, его языка, культуры. Научное познание формирует мировоззрение людей, возвышает, развивает патриотические чувства и национальное самосознание. Эту задачу выполнил своей просветительской деятельностью *Евфимий Карский* (1861 – 19312 гг.). Историческое и поли-

тическое содержание периода, в который жил и работал ученый-подвижник, было сложным и противоречивым – это крестьянская реформа 1861 года, народническое движение и его кризис, восстание 1863-64 гг. на территории Польши и Беларуси, рабочее и национальное движение поляков, литовцев и евреев, интенсивная русификаторская политика Российской империи. В результате этой политики культурно-языковое своеобразие белорусского этноса воспринималось царизмом как результат «польской испорченности», подлежащей непременно преодолению.

В таких сложных условиях Е. Карский обратился к белорусскому народному творчеству. Он изучил древние литовские летописи, хроники о великих князьях литовских, совершил много поездок по белорусскому краю для составления этнографической карты белорусов. Итогом изучения и научного поиска стал трехтомный труд «Белорусы» как фундаментальное исследование многовековой культуры белорусского народа. Издание является энциклопедией белорусоведения.

Ученый объективно засвидетельствовал факт существования белорусского народа, его национальную самобытность как самостоятельного славянского этноса, определил территориальную границу не только расселения белорусов, но и границу распространения белорусского языка, составил археологическую и диалектную карты. Ученый доказал, что белорусский язык – это закономерно сложившаяся система, которая развивается вместе с развитием народа. Землю белорусов ученый считал прародиной всех славян, а себя с гордостью называл белорусом.

Научная деятельность Е. Карского способствовала объединению вокруг него последователей, любителей белорусской истории, инициировала создание культурно-просветительских и научных товариществ, архивных комиссий. Его деятельность поддержали учителя Н. Я. Никифоровский, Е.Р. Романов, преподаватель университета М.В.Довнар-Запольский.

Лучшие традиции просвещения белорусского народа продолжила литература. Сущность просветительской деятельности писателей раскрылась в просветлении души человека. Литература всегда стремилась к всестороннему художественному познанию мира и человека, опиралась на образное, эмоциональное в человеке, раскрывала и раскрывает сложный духовный мир героев. Белорусская литература включилась в европейский литературный процесс лишь в XIX веке и незамедлительно утвердила себя как литература народная, демократическая.

Вместе с тем, установившийся в XX веке идеологический диктат одной партии, одного мировоззрения, одного метода социалистического реализма резко сузили границы художественного познания. Жизнь людей была монополизирована, государственная идеология решала задачу создания социальной, духовной и национальной однородности – объединения «советский народ». Решающим фактором в формировании «нового человека» признавался социально-экономический, что проявилось в «катастрофическом периоде истории», преодолеть который могли только просветители. В этом ряду особо стоит имя великого белорусского писателя *Владимира Короткевича* (1930 – 1984 гг.). Он опередил свое время, поднялся над будничностью, бездуховностью. Основатель белорус-

ской исторической романистики, он отстаивал идею ценности жизни народа, значимости исторического прошлого для настоящего.

Писателя интересовали переломные периоды белорусской истории, национальный характер, душа народа, личная жизнь борцов, необычные обстоятельства, в которых соединялось прошлое и настоящее. Так, события Люблинской (1569 г.) и Брестской (1596 г.) унии, отраженные в повести «Сівая легенда», нравственные катаклизмы восстания 1863–1864 годов в романе «Нельга забыць», напряженная народная и государственная жизнь 16 века, осмысленная в романе «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні», философское осмысление величия жизни борцов за свободу родной земли, утвержденное в романе «Каласы пад сярпом тваім». Осуждение тирании, неравенства, поиск нравственных идеалов – это стало содержанием художественного исследования писателя-романиста.

В.С. Короткевич пробуждал народную память, воспитывал любовь к родному языку и народному быту, раскрывал нравы, психологию, надежды и разочарования героев из народа. В его произведениях представлены исторические личности – канцлер Лев Сапега, руководитель восстания Кастусь Калиновский, великий князь Жигимонт, генерал-губернатор Муравьев, крестьяне и шляхта, борцы и предатели. Соединяя историческую правду и художественный вымысел, В. Короткевич отстаивает общественные и нравственные идеалы, формирует национальное сознание читателей, создает идеал гражданина-патриота. Просветитель и писатель В. Короткевич не отделял свою судьбу от судьбы народа. Он проводил тождество между человеком и историей. Призывом к совести человека звучат слова писателя: «... Сорам ... чалавеку хаця ў чымсьці быці добраахвотным рабом ...» [4]. У писателя сильно чувство единения с родной землей и своим народом, что подтверждается следующим высказыванием: «...нічога не быў бы варты без... зямлі беларускай вялікай, без вялікага беларускага народа, без вялікай беларускай мовы. Дзякуй Вам, людзі!» [5].

Деятельность белорусских просветителей соединяет тысячелетия, что дало возможность сформировать традиции духовного воспитания современного молодого поколения. Нравственный подвиг представителей просветительства выступает как идеал гражданского служения Отечеству, способствует познанию современным поколением принципов и норм духовной жизни, просветлению души человека.

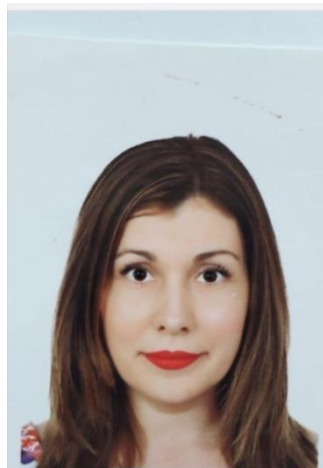
Список использованной литературы

1. Сухомлинский, В. А. Как воспитать настоящего человека: педагогическое наследие / В.А. Сухомлинский. – М.: Педагогика, 1990. – 288 с.
2. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 173 с.
3. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: X – XIX стагоддзі: энцыкл. даведнік. – Мінск : БелЭн, 1995. – 670с.
4. Караткевіч, У. С. Творы : Проза, драматургія, публіцыстыка / У.С. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1996. – 558 с.
5. Верабей, А. Абуджаная памяць : нарыс жыцця і творчасці У. Караткевіча / А. Верабей. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1997. – 256 с.

ГЛ. 4. ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН

И.К. Забродина
(г. Томск, Российская Федерация)
K. Zaborodina
(Tomsk, Russian Federation)

Ю.В. Дьяченко
(г. Сургут, Российская Федерация)
Yu. V. Dyachenko
(Surgut, Russian Federation)

УДК 811.111

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО УСВОЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема межкультурного доступа к выбору лингвострановедческого учебного материала. Основным вызовом заключается в необходимости всесторонне освещать реалии страны целевого языка. В рамках исследования разработаны критерии для источников культурных знаний с позитивным или негативным влиянием на представления обучающихся.

Ключевые слова: лингвострановедение; немецкий язык; средства массовой информации; стереотипизация; страноведческие факты.

LINGUISTIC AND CULTURAL MATERIALS IN GERMAN AS A MEANS OF ASSIMILATION OF FOREIGN LANGUAGE CULTURE

Abstract. The article analyses the problem of intercultural access to the choice of linguistic and cultural educational material. The main challenge is the need to comprehensively cover the realities of the target language country. As part of the study, criteria have been developed for sources of cultural knowledge with a positive or negative impact on students' perceptions.

Keywords: linguistic and cultural studies; German; mass media; stereotyping; regional facts.

Наряду с современными Интернет-технологиями [2, с. 160], материалы средств массовой информации (СМИ) также являются источником получения лингвострановедческих знаний. Использование на занятиях по немецкому языку, как с обучающимися лингвистических, так и технических специальностей [1, с. 52] актуальной лингвострановедческой информации, предоставленной СМИ, спо-

способствует усвоению обучающимися элементов иноязычной культуры, повышает их познавательную активность, создает положительную мотивацию.

Однако они не только оказывают существенное воздействие на становление у обучаемых представлений о реалиях, нравах, обычаях, традициях страны изучаемого языка, но и являются причиной возникновения клише, стереотипизации сознания [3, с. 187], вследствие зачастую одностороннего освещения того или иного явления.

В данной связи к выбору материалов из СМИ, какие конкретные факты, явления, события из культуры изучаемого языка должны войти в лингвострановедческую составляющую, следует подходить с осторожностью: как традиционные СМИ, так и источники в сети Интернет [4, с. 141], используемые в рамках преподавания дисциплины на немецком языке, могут повлиять на умонастроения обучающихся, на формирование устойчивого общественного мнения, появление стереотипов.

С целью нивелирования данного негативного воздействия источников из СМИ в рамках проведенного исследования предлагаются следующие критерии отбора материалов:

– интересы обучающихся (основополагающим при выборе тем является заинтересованность в них обучающихся, их мотивация);

– уровень владения иностранным языком и коммуникативная компетенция обучающихся (в план занятия включаются только те материалы, с которыми обучающиеся смогут работать на иностранном языке);

– описание общественной жизни в стране изучаемого языка;

– для изучения выбираются явления, которые

1) слишком отличаются от родной культуры обучающихся, и следовательно, их легко можно сравнить;

2) на первый взгляд в обеих культурах одинаковы (при их сравнении различия найти сложнее);

3) подвержены взаимному влиянию обеих культур.

В своей совокупности эти критерии важны для выбора материала, однако они не предоставляют схемы, по которой можно построить высказывания на конкретную тему, следовательно, они играют второстепенную роль при подборе материалов для занятия. Поэтому данные критерии следует объединить с выбором тем, основанным на конкретных примерах, который оставляет место для развития компетенций (таких как, например, умение общаться с гражданами страны изучаемого языка, формирование собственной позиции и умение высказать свою точку зрения). Развитие определенного набора компетенций является целью преподавания дисциплины, и определение, какими именно способностями должен обладать обучающийся в конце обучения, является первостепенной задачей.

Таким образом, важно не столько содержание самих материалов, сколько тот факт, что с помощью этих материалов происходит формирование собственной позиции и отстаивание своей точки зрения, т.е. становится возможным развитие следующих способностей обучающихся:

– способность к поиску, нахождению и оценке различных аутентичных материалов в СМИ по заданной теме (тексты, фотографии, предметы и т.д.);

- способность к адекватному поведению в иностранной действительности;
- способность к интерпретации иностранной действительности в сравнении с собственной культурной идентичностью.

Данный вывод следует также из того, что страноведческое знание основывается не только на знании фактов, но и на умении получать и использовать эти факты. Соразмерность и уместность страноведческих фактов можно проверить, как пишет Д. Баджес [5, с. 117], на следующих уровнях:

1. Реалистичность: отвечают ли отобранные материалы историческому уровню развития и социальной индивидуальности иностранного общества?

2. Конкретность: Является ли данное положение вещей характерным для иностранной культуры и находит ли оно выражение в языке?

3. Перенос: Можно ли проследить отобранные темы и в других культурах, а именно в культуре своей страны?

4. Идентификация: Ссылаются ли выбранные материалы на сферы культурных различий и контактов.

Задав себе вышеуказанные вопросы, преподаватель получает инструмент для оценки уже отобранных материалов на их пригодность для использования на занятии.

Для поиска и выбора этих материалов У. Цойнер предлагает структурировать все страноведческие знания по трем сферам:

1. Сфера изолированных фактов и дат из истории страны (цифры, статистика);

2. Сфера конкретных ситуаций, форм поведения, установок (коммуникативных) структур индивидуумов или групп;

3. Сфера системы, т.е. общественных структур и идеологических образцов (система; идеология) [7].

В то время как традиционное страноведение исходит в основном из общественной системы или цифр и фактов, страноведение, преподаваемое в социокультурном ключе, изначально должно обращаться к конкретному случаю, к конкретному человеку (сфера 2). Остальные сферы (сфера 1 и 3) служат для объяснения, понимания или установления соотношения конкретных случаев. Данный подход также способствует повышению мотивации обучающихся, поскольку для них особый интерес вызывают только те темы, которые они могут соотнести с собственной личностью.

К содержанию лингвострановедческого обучения относятся также вопросы и проблемы, возникающие вследствие различного коммуникативного поведения. К ним относятся, например:

1. Языковые индикаторы для проведения культурного сравнения, которые заставляют задумываться над содержанием понятия (Какое явление стоит за этим словом?); процесс коммуникации и коммуникативные стили; регистр и типы текстов;

2. Невербальное коммуникативное поведение;

3. Ритуалы взаимодействия;

4. Межличностное восприятие и его воздействие на процесс коммуникации;

5. Языковые средства и процессы метакоммуникации для преодоления и анализа коммуникативных ситуаций [6, с. 132].

Отсюда следует, что выбор тем в материалах СМИ должен отходить от простого описания традиций страны изучаемого языка к наблюдению общества, от знания памятников архитектуры и культуры к умению вести себя в повседневной жизни, от абстрактных социальных структур к индивидуальным, пережитым, конкретным моментам реальной жизни.

Помимо этого, каждый обучающийся имеет индивидуальное представление о стране изучаемого языка, сложившееся посредством различных факторов, не последнюю роль при этом играют средства массовой информации. Каждый человек, изучающий немецкий язык, привносит на занятия свои представления о немцах и о немецком языке, клише и предрассудки [6, с. 133].

Примером может служить работа над совместным составлением блога со студентами 2 курса, изучающими немецкий язык как первый иностранный язык. Блог-проект: «Социальные роли мужчин и женщин в современном обществе: одинаковые или разные?» (Soziale Rollen von Männern und Frauen in der modernen Gesellschaft: gleich oder verschieden?).

Текст блога и комментариев:

Soziale Rollen der Männer und die Frauen in der modernen Gesellschaft: gleich oder verschieden?

Seit langem hat eine Frau nur als Mutter und Hausfrau gegolten. Ein Mann war ein Hauptverdiener. Aber jetzt sind die sozialen Rollen ein bisschen verschieden.

Im Jahre 1789 im Zuge der Französischen Revolution haben die ersten Frauenclubs herausgebildet. Seit dieser Zeit haben die Frauen für Gleichberechtigung und Erweiterung ihrer Rechte gekämpft. Im Laufe der gesellschaftlichen Entwicklung haben die Frauen mehr Macht gekriegt.

Einerseits würde ich sagen, dass soziale Rollen gleicher von Jahr zu Jahr werden. Es gibt viele Frauen, die gute Karriere machen, und viele Männer, die mit Kindern sich gut vertragen.

Beispielsweise habe ich eine gute Bekannte, die ein Unternehmen gegründet hat, während ihr Mann im Haushalt gearbeitet hat.

Andererseits kommen die Frauen in den sozialen Bereichen wie Pädagogik besser zurecht. Männer beschäftigen sich mit Handarbeit. Die Statistik zeigt, dass jeder zweite Mann und jede dritte Frau in einem Beruf arbeiten, in dem ihr Geschlecht dominiert. In den letzten 40 Jahren hat es kaum verändert.

So diese Frage lässt sich nicht so leicht beantworten.

Комментарий 1

Julia 4. November 2011 20:03

Ich bin damit völlig einverstanden, dass die Frage ganz kompliziert ist. Ich denke, dass es von der Person abhängt. Manche Frauen und Männer, zum Beispiel, sind bereit ihren "klassischen" Rollen zu folgen und sehen keine Probleme damit.

Комментарий 2

Natalie 4. November 2011 21:20

Ich würde sagen, dass die sozialen Rollen nicht gleich sind. Die Männer sind die Männer und die Frauen sollen die Frauen bleiben. Sie sollen nicht die Familie ernähren. Das muss der Mann machen!

- Комментарий 3 **Polina** 4. November 2011 22:30
Man sagt, die Rollen der Männer und der Frauen sind fast gleich heute. Ich sehe das nicht: Die Männer bekommen mehr Geld für gleiche Arbeit. Die Löhne sind nicht gleich!
- Комментарий 4 **Anya** 4. November 2011 22:43
Du hast Recht, Polina! Dafür sollen wir streben, um gleiches Geld zu bekommen. Darf keine Diskrimination sein!
- Комментарий 5 **Julia** 5. November 2011 15:58
Ich bin mit Natalie nicht einverstanden! Heutzutage sind die Frauen und die Männer gleich. Die Frauen können auch politisch engagiert sein und führende Positionen haben. Nicht nur die Männer erfolgreich können im Leben sein! Wir auch haben Recht für das!
- Комментарий 6 **Anya** 5. November 2011 20:02
Natalie, merkst du nicht, dass es heute gibt sehr viele Frauen in der Politik? Interessant ist auch, dass in einigen Entwicklungsländern wie Indien und Sri Lanka wurden Frauen zu Staatsoberhäuptern gewählt.
- Комментарий 7 **Natalie** 5. November 2011 21:05
Ich verstehe, dass jede Person hat eigene Meinung zum Thema. Bin ABER ganz überzeugt, dass Männer und Frauen in ihre Rollen sind nicht gleich! Ich kann natürlich eine Tür selbst öffnen und sich selbst den Mantel anziehen, ich werde aber nie etwas gegen sagen, wenn die Männer helfen mich dabei.
- Комментарий 8 **Polina** 5. November 2011 22:10
Ich bin mit ihnen einverstanden, Anya und Julia. Es gibt viele Frauen heute mit hohen Positionen. Es fällt aber ihnen sehr schwer (schwerer als Männern) diese Positionen bekommen. Die Frau muss ständig anstrengen, keine Zeit haben für sich, für die Familie. Die Kinder sieht sie fast nicht, sie muss immer arbeiten. Denn wenn die Frau mit kranken Kinder zu Hause sitzt der Chef kann sie kündigen.
- Комментарий 9 **Julia** 5. November 2011 22:24
Meine Meinung bleibt dasselbe: Heute, alle Menschen können gleiche Rollen haben, weil wir neue Regeln in unseren Gesellschaft haben. Es hängt davon ab, was die Menschen machen wollen. Es ist nicht sehr richtig zu denken, dass die Frauen müssen Haushalt führen, und die Männer müssen Geld verdienen. Heute es ist nicht so. sie wollen frei zu sein, und dass bedeutet, dass sie selbstständig sind. Mit der Emanzipation die moderne Frauen viele Rechte haben, und dann haben sie sehr viel Pflegen.

- Комментарий 10 **Anya** 5. November 2011 23:06
 Stimmt, Julia! Ich bin auch der Meinung, dass ein Mann kann mit Kindern sitzen, wenn die Frau arbeiten will. Ich meine auch, dass Männer und Frauen müssen Zerteilung haben um ihre Aufgaben zu tun.
- Комментарий 11 **Natalie** 6. November 2011 18:05
 Na ja! Jeder entscheidet für sich, was für sie natürlich wichtig ist!
- Комментарий 12 **Julia** 6. November 2011 20:07
 Ich bin auch der Meinung, einer der größten Vorteile heute ist, dass wir uns selbst entscheiden können, welche Rolle wir spielen möchten. Heute sind die Leute nicht so abhängig von der Gesellschaft, wie früher.

Опрос студентов выявил следующие часто встречающиеся клише и стереотипы: немцы всегда прилежны, трудолюбивы, очень заняты и пунктуальны, выпускают превосходные автомобили, всегда пьют пиво, всегда улыбаются, но улыбки неискренние, что касается внешности, то в основном это блондины и блондинки с голубыми глазами и т.д.

Принять эти клише и стереотипы и работать с ними, а не искоренять – это важнейшая задача обучения иностранному языку с межкультурным подходом.

В коммуникативной методике обучения стереотипы могут помочь при оценке ситуаций, составлении некой поведенческой модели в коммуникативной ситуации, поскольку они позволяют обучающимся лучше понять факторы, механизмы и реакции, имеющие место в процессе общения с носителями изучаемого языка.

Следовательно, при соблюдении разработанных критериев отбора материалов из СМИ на занятиях по немецкому языку преподаватели могут повлиять не только на формирование устойчивого общественного мнения, появление стереотипов, но и на формирование компетенций у обучающихся, связанных с успешной коммуникацией с представителями изучаемого языка, с адекватным восприятием их менталитета.

Список использованной литературы

1. Бычков П.Н., Забродина И.К. Развитие системы профессионального иностранного языка в техническом вузе (на примере немецкого языка) // Высшее образование сегодня. 2014. № 5. С. 52–55.
2. Забродина И.К. Методическая система развития социокультурных умений студентов посредством современных Интернет-технологий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1 (22). С. 60–62.
3. Чигашева М.А. Лексические новообразования в немецком политическом медиадискурсе // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2017. № 2. С. 186–192.
4. Bogdanova A.G., et all. Experimental Learning of Foreign Language with the Socio-Cultural Skills Development Method by Means of Modern Internet Technologies // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 215. Pp. 141-146.
5. Buttjes D. Landeskunde–Didaktik und landeskundliches Curriculum // Handbuch Fremdsprachenunterricht. Updates Edition, 2014. Pp. 112 –119.
6. Thimme, Chr. Interkulturelle Landeskunde. Ein kritischer Beitrag zur aktuellen Landeskunde-Diskussion // Deutsch als Fremdsprache. 2010. Vol. 3. Pp. 131–137.
7. Zeuner U. Landeskunde und interkulturelles Lernen. Eine Einführung [Electronic resource] // Semantic Scholar. 2001. Retrieved from: http://tu-dresden.de/die_tu_dresden/fakultaeten/fakultaet_sprach_literatur_und_kulturwissenschaften/germanistik/daf/dateien/materialien_zeuner/zeuner_reader_landeskunde.pdf (date of access: 12.10.2020).

Т. М. Ігнацюк (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)
T.N. Ignatyuk (Brest, Republik of Belarus)

УДК 81'373.2

ПРЫЁМЫ СПАСЦІЖЭННЯ ІМЕННАЙ ЛЕКСІКІ ЯК СРОДАК ПРАЊІКНЕННЯ Ў ХАРАКТАР БЕЛАРУСА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ФРАГМЕНТАЎ ТВОРАЎ БЕЛАРУСКІХ КЛАСІКАЎ)

Анацыя. У артыкуле даследуюцца прыёмы спасціжэння іменнай лексікі, якія з'яўляюцца сродкам пранікнення ў характар беларуса. Асаблівая ўвага надаецца мовазнаўчай інтэрпрэтацыі традыцыйных для мовазнаўства з'яў з пункту гледжання інстытуцыянальнай тэорыі, у якой акцэнт ставіцца на канструяванне мовай новай сацыяльнай рэальнасці. У прыватнасці, адзначаецца сувязь з вядомым у сусветнай літаратуры і культуры семіятычным прынцыпам падзелу рэчаіснасці на “наш свет” і “чужы”. Размяжоўваюцца і аналізуюцца выпрацаваныя дыскурсіўнымі практыкамі прыёмы і стратэгіі інстытуцыяналізацыі сацыяльных з'яў, якія дапамагаюць нам найбольш поўна зразумець характар і паводзіны беларуса. Прыводзяцца шматлікія прыклады, якія непасрэда звязаны з іменнай дыскурсіяй і асноўным інстытутам сацыяльнага жыцця – катэгорыяй імені.

Ключавыя словы: інстытуцыянальная тэорыя, інстытуцыянальная рэальнасць, ідэнтыфікацыя асобы, стратэгіі дыскрэдытацыі, іменная лексіка.

METHODS OF COMPREHENSION OF NOMINAL VOCABULARY AS A MEANS OF PENETRATION INTO THE CHARACTER OF THE BELARUSIAN (ON THE EXAMPLE OF FRAGMENTS OF WORKS OF BELARUSIAN CLASSICS)

Annotation. The article explores the methods of comprehending the nominal vocabulary, that are a means of penetrating the character of the Belarusian. Special attention is paid to the linguistic interpretation of traditional phenomena in linguistics from the point of view of institutional theory, which focuses on the construction of a new social reality by language. In particular, there is a connection with the semiotic principle of dividing reality into “our world” and “someone else's”, which is well-known in world literature and culture.

Methods and strategies of institutionalization of social phenomena developed by discursive practices are distinguished and analyzed, which help us to fully understand the character and behavior of the Belarusian. Numerous examples are given that are not necessarily related to the nominal discourse and the main institution of social life – the category of the name.

Keywords: institutional theory, institutional reality, personal identification, defamation strategy, nominal vocabulary.

З пункту гледжання інстытуцыяналістыкі, мова з’яўляецца культурнай інстытуцыяй і адначасова прадстае як ідэалагічны інстытут – «дом быцця» (М. Хайдэгер). У тэорыі інстытуцыянальнасці занага прадстаўніка аналітычнай філасофіі Дж. Сёрла інстытуту мовы адводзіцца вядучая роля. Сёрл даказаў, што даследаванне ролі мовы ва ўстанаўленні грамадскіх інстытутаў адкрывае магчымасці тлумачэння інстытуцыянальных фактаў, з якіх складаецца *інстытуцыянальная рэальнасць*.

Разуменне мовы не толькі ў якасці зносін, але і як культурнай інстытуцыі і ідэалагічнага інстытута, адкрывае перспектыву інтэрпрэтацыі традыцыйных для мовазнаўства з’яў з пункту гледжання інстытуцыянальнай тэорыі, у якой акцэнт ставіцца на канструяванне мовай новай сацыяльнай рэальнасці. Галоўную ролю ў гэтай рэальнасці іграе інстытуцыянальны дыкурс, з дапамогай якога асоба дзейсна “ўпісваецца” і пазіцыяніруе сябе ў якасці аўтаномнай адзінкі. Галоўным складнікам гэтай рэальнасці выступаюць пэўныя сацыяльныя інстытуты і інстытуцыі.

Вядома, што адным з фундаментальных семіятычных прынцыпаў з глыбокай старажытнасці з’яўляецца члянненне ўніверсума на два светы – “свой” і “чужы”. Паняцце “чужое” па сутнасці выяўляе этычную накіраванасць: *чужы* ‘нетутэйшы чалавек, не мясцовы’. *Чужы чалавек, чужаніца, чужак* [1, т. 5, с. 320]; ...а там – *чужая старана, усё няміла* (В.°Гігевіч).

Аднак, у іменных ідэалагізаваных кантэкстах паняцце чужога, як правіла, трактуецца як чужога па духу, па інтарэсах, па перакананнях, г. зн. класава чужога, напрыклад: – *Сам крэмзаў ці хто варожая рукою штурхануў на злачынны шлях? – Сам, – накрыўдзіўся Серафім. – І ты не маеш права паліць чужую працу... Марк аж радасна заўсміхаўся, быццам злавіў Серафіма на нейкім неадпаведным слове. – От, уляпіў у сук, дык уляпіў. Верна сказаў – чужая праца. Дакладней – варожая!* (А. Асіпенка); параўн.: ‘*класова чуждыя элементы* – класава чужыя элементы’ [2, т. 3, с. 735].

Інстытуцыянальная рэальнасць “нашага свету” прадстаўляецца як “лепшая”. У ёй выдзяляецца толькі абранае і акрэсленае – тое, што мае законнае маральнае і юрыдычнае права на існаванне. Яна характарызуецца дынамічнасцю развіцця, у ёй адбываюцца падзеі, рэалізуюцца ідэі і сацыяльныя праекты. Інстытуцыянальная рэальнасць ствараецца дзякуючы існуючым у грамадстве інтытутам і адпаведным інстытуцыянальным дыкурсам. Дыкурсійнымі практыкамі выпрацаваны прыёмы і стратэгіі інстытуцыяналізацыі сацыяльных з’яў. Усе яны так ці інакш звязаны з іменнай дыкурсіяй і асноўным інстытутам сацыяльнага жыцця – катэгорыяй імені.

1.1. Каб найбольш поўна і дэтальна разгледзець іменную катэгорыю, звернемся да стратэгіі дыскрэдытацыі, якая рэалізуецца перш за ўсё ў выкарыстанні пэўных разрадаў іменнай лексікі. У выніку рэалізацыі адзначанай стратэгіі члены інстытуцыяналізаваных сацыяльных структур інтэрпрэтуюцца як элементы неарганізаваных мностваў. Гэта найбольш дэтальна можна разгледзець з дапамогай **прыёма генералізуючай сінгулярызацыі** – «ужыванне імён са значэннем адзінкавасці ў якасці сімвала суцэльнай недыферэнцыраванай множнасці» [3, с. 110].

У палітычным дыкурсе вораг, як правіла, не мае свайго індывідуальнага аблічча – прадстаўляецца татальна і без увагі да яго асобы, напрыклад: – *Вораг*

каварны і хітры, забываць пра гэта нельга, во што я вам скажу (А. Асіпенка); – **Класавы вораг** дзейнічае, – голас Башлыкова ўсё цвярдзеў. – І мы таксама будзем дзейнічаць; У гэты сусветна адказны час, калі **класавы вораг** выкарыстоўвае любыя метады, каб расстроіць шчыльныя шарэнгі моладзі, некаторыя... (І. Мележ); – А мы развесілі вушы, ударыліся ў спячку. Забываем, што **вораг** не спіць, робіць сваю справу, пакуль мы спім... **Вораг** гатоў выкарыстаць любую нашу слабасць, зручны момант (І. Мележ).

Форма адзіночнага ліку дае магчымасць падкрэсліць гранічную аднароднасць варожага мноства, напрыклад: – Без узброенай сілы, ваша светласць, нічога не зробіш, – асмеліўся ён [Казік] прызнацца, – **мужык азвярэў** (С. Грахоўскі); *Гаспадар працягваў*: – А недзе праз год і вайна ўсчалася. Немец як бачыш тут апынуўся (Я. Пархута); – А ў нас цяпер **вораг** адзін – **немец, фашыст** (А. Дзятлаў).

1.2. Трактоўка некаторага класа адзінак як цэласнай нечлянімай сукупнасці недыферэнцыраваных элементаў прадстаўлена ў **прыёме зборнай рэферэнцыі**. «Зборнае мноства характарызуецца тым, што кожны яго элемент роўны любому іншаму элементу таго ж мноства і, адпаведна, не адрозніваецца асаблівым спосабам ад кожнага другога элемента» [4, с.°154].

Прагматычнае значэнне зборных назоўнікаў мае, як правіла, прадметна-утылітарную аснову. Пры дапамозе іх выражаецца суб'ектыўнае стаўленне да ўсяго, што пазбаўлена вартасці, напрыклад: – *Сляпыя акенцы, пабітае шкло. – Не хаты, а так – **барахло*** (Я. Колас); – *Што ў цябе за мода падбіраць на вуліцы ўсякую **дрэнь?*** (Э. Самуйлёнак).

Адчужальна-пеяратыўнае значэнне мае ў беларускай мове сэнс “сабраныя з розных месцаў у адно месца”, напрыклад: – ***Нейкая навалач з усяго свету сядзіць у Наносах, як скула, і адважваецца папракаць яго, Сцяпана Івашкевіча!*** (А. Чарнышэвіч). У выказваннях са зборнымі імёнамі прысутнічае ўстаноўка на нетутэйшасць прышэльцаў, якія незаконна знаходзяцца ў сітуацыі “тут”.

З рускай мовы запазычана ў беларускую мову абразлівая намінацыя *сволач* – першапачатковае значэнне ‘мусор, собраний в одно место’ [5, с.°404]. Як у рускай, так і ў беларускай мове гэтае слова не мае свайго ідэнтыфікуючага значэння і ўжываецца нерэферэнтна для рэзка адмоўнай ацэнкі як групы людзей (‘зброд, вырадкі, подлыя людзі’), так і асобнага чалавека (‘подлы чалавек, паганец’) [1, т. 5, с. 96], напрыклад: – *Яны [немцы] **набралі сабе розную сволач** прыслугоўваць ім адкрыта* (І.°Шамякін); – *Няхай табе пуп трэсне, **сволач ты!*** (Я. Колас).

У беларускай мове ёсць раўназначны гэтай намінацыі па значэнні і прагматычным патэнцыяле назоўнік – *набрыдзь*, напрыклад: – *Чытаў горкія словы пра **сволач**, па-беларуску **набрыдзь**, якая паднімаецца з дна бурбалкамі і каламуцію. **Набрыдзь** трапляе на паслугі памянёных выскачак, выконвае іх авантурныя заказы, дэфармуе этыку руху, штурхае на ўсёдазволенасць* (У. Калеснік).

Рэзка адмоўнае пафаснае значэнне набываюць у беларускай мове зборныя назоўнікі, першаснае значэнне якіх – ‘астаткі чаго-небудзь’, другаснае – ‘паслугачы, прыхільнікі рэакцыйных грамадскіх груповак’, напрыклад: – *Нічога ты [Стась] **яшчэ не ведаеш. Тваё гора, што часта аціраешся сярод такога падоння*** (К. Губарэвіч); – *Ды што з гэтым белагвардзейскім **атрэп’ем** гаварыць!* (М. Лобан); – *Нацыяналістычнае **ахвосце**. Фашысцкае **ахвосце*** [1, т. 1, с. 307].

Значэнне аднароднасці і зборнасці актуалізуецца ў вытворных назоўніках з суфіксам: *от-а*, напрыклад: – *Моладзі амаль што не было – не ў звычай гэта, каб блазнота хадзіла на сходкі* (М. Гарэцкі); – *Гаспадары, – прахрыпеў нядобра, з пагардай бацька. – Сьшліся!.. Галота!..* (І.°Мележ); – *Мо ў хату залезці хочаце? Ану марш адсюль, басота...* (Л.°Арабей).

У выніку змены націску на канчатак узнікае эмпфаза – падкрэсліваецца ўзмоцненая аднароднасць, напрыклад: – *На руках у яе [удавы] засталася шасцёра дзяцей, усе – драбната* (І. Мележ); параўн.: – *Часта бывае так: у вас нічога не ловіцца або клюе адна драбната...* (А.°Матрунёнак); *Я чуў “крэўных” гэтага слова гнюс, гнюсь, гнюсіць, гнюсны... А гнюсата? Высветлілася: гнюсата – гэта ўвогуле дрэнь. Гнюсата – гэта негадзівец, дрэнь паміж людзьмі* (Ф. Янкоўскі).

Зборнае значэнне маюць намінацыі вытворныя з суфіксам: *-н-я* ў тых выпадках, калі яны ўтвораны ад асабовых назоўнікаў, напрыклад: – *На станцыю прыбыў эшалон, салдатня, звонячы вёдрамі і кацялкамі, бяжыць да кубавой па вар* (І. Навуменка); – *Машын сабраўся завоз. Шафярня лаецца, што зрываюць ім графік* (В. Мыслівец).

Паказальна, што займеннік *усё* квантыфікуе назоўнікі на *-н-я*, якімі катэгарызуецца кан’юнктыўны рад, напрыклад: *Усё параня! Пасады, званні, узнагароды, ушанаванні. Усё марнасць, мітусня!..* (А. Асіпенка).

«Ва ўнутраным свеце чалавека няма дакладных межаў, якія раздзяляюць ментальную і эмацыянальную сферы, волю і жаданні, перцэпцыі і суджэнні, веды і веру» [6, с. 411]. Менавіта таму не існуе непраходнай мяжы паміж назоўнікамі зборнымі і рэчыўнымі. Рэчыўнасць асацыіруецца з паверхняй (аб’ёмам) і вымярэннем (*Уся дрэнь усплыла на паверхню*), зборнасць звязваецца з наяўнасцю візуальнай устаноўкі і магчымасцю пераліку (*Усё гэтая дрэнь: і машыны, і катэджы, і званні...*). Як правіла, ужыванне зборных назоўнікаў у прагматычнай функцыі звязваецца з выражэннем эмацыянальнай ацэнкі. Зборнае “ўсё” можа ўспрымацца як рэчыўнае “ўся”, адпаведна адчужэнне змяняецца адкрытай формай варожасці і пагарды.

1.3. Каб дыскрэдытаваць асобу выкарыстоўваецца **прыём плюралізацыі**. Памнажэнне не толькі дыскрэдытуе адзінку, але і нівеліруе яе каштоўнасць: Усякі чалавечы інтарэс і ўсякая ацэнка, усё, што мае значэнне для чалавека, адносіцца да адзінкавага, аднакратнага. Успомнім, як хутка прытупляецца наша пачуццё, калі прадмет яго памнажаецца ці калі выяўляецца, што ёсць тысяча аднародных з ім прадметаў. На адзінкавасці, на непараўнальнасці прадмета грунтуецца ўсе нашы пачуцці, каштоўнасці, параўн.: – *Гэтага цвету на ўсяму свету, – сказаў Іван* (Савоська); – *Развялося вас, эксперыментатараў... Разгнаў бы я вас палавіну...* (В. Гігевіч); – *Многа вас такіх, з міліцыяй* (А. Кажадуб).

Невыпадковым здаецца тое, што назвы з’яў грамадскага жыцця, якія супярэчаць сацыяльнай норме, ужываюцца, як правіла, у форме множнага ліку, напрыклад: *фокусы, выбрыкі, выдумкі, хітрыкі, капрызы, завіхрэнні: – А ты насміхаешся, а ты контры строіш мне...* (Мурашка).

«Чужы свет, – адзначае А. Пянькоўскі, – гэта свет форм множнага ліку са значэннем аднароднага мноства...» [7, с. 59]. Элементы мноства ў адрозненне ад членаў класа не з’яўляюцца абранымі. У свеце, у якім не існуе выбар, не

існуюць і такія паняцці, як кваліфікацыя і шкала каштоўнасцей. «Усе функцыі і спосабы ўжывання ацэначных прэдыкатаў аб’яднаны паняццем выбару» [8].

Множны лік выкарыстоўваецца ў намінацыях таго, што засталася па-за выбарам, з’яўляецца рэшткавым, напрыклад: *ачоскі, зліўкі, абломкі, агрызкі* і інш. Ужытыя ў адносінах да членаў грамадства вытворныя назоўнікі ўказанага тыпу набываюць у маўленні рэзка адмоўнае пафаснае значэнне, якое ў шэрагу выпадкаў належыць узусу, напр.: *адкіды* ‘падонкі чалавечага грамадства, маральна апусцелыя людзі, злачынныя антыграмадскія элементы’. *Адкіды грамадства* [1, т. 1, с. 141]; *асколкі* ‘тое, што захавалася ад мінулага, зніклага’. *Асколкі старога свету* [1, т. 1, с. 281]; падонкі ‘дэкласаваныя, разбэшчаныя, злачынныя элементы грамадства’. *Рэакцыя Іры была зусім нечаканая. Яна паглядзела на брата зняважліва і на поўны голас, пры маці, сказала: – Падонак ты! Што ты разумееш?* (І. Шамякін) [1, т. 3, с. 551].

Прагматычна-пафасная значнасць катэгорыі ліку актуалізуецца ў тых выпадках, калі форма множнага ліку ўжываецца да назваў грамадскіх інстытутаў і інстытуцый. Адчужальная плюралізацыя дае магчымасць дыскрэдытаваць пэўны сацыяльны інстытут (установу), напрыклад: – *Мы гімназій не канчалі, – адказаў Марк. – Гэтага трэба саромецца, а ты ганарышся, – прамовіла маці* (А. Асіпенка); – *Яны <бацькі> правільна гавораць, не падыходзім мы адно аднаму. Інстытутаў я не канчаў, просты шафёр...* (М. Кусянкоў).

Адчужальная функцыя плюралізацыі праяўляецца тады, калі форму множнага ліку атрымліваюць імёны, якія абазначаюць канцэпты, звязаныя з інтэнцыянальнай сферай чалавека. Інтэнцыянальным канцэптам, напрыклад, выступае *настрой* (настроенасць – пэўная накіраванасць думак, пачуццяў і інш.). Формы множнага ліку ўжываюцца для дыскрэдытацыі гэтай этычнай па сутнасці сферы, напрыклад: – *Усё гэта **настроі!** Адсталыя **настроі**, Павел Васільевіч. Я вам раіў бы памени прыслухоўвацца да **усякіх настройаў**, да **ўсякіх гаворчак**; – У гэтым, канечне, і соль таго, што класава чуждыя **настроі** ў вас там развіліся; – *Ды і ёто, – адважылася нарэшце, нагадала пра перарваную размову, – **гаворкі тут усялякія**. Пра раскулачванне...* (І. Мележ).*

1.4. Найбольш папулярны прыём спасціжэння іменнай лексікі – **плюралізацыя ўласных імён**. Калі ўласнае імя набывае лікавае значэнне, адбываецца дыскрэдытацыя яго носьбіта – які падаецца ў постаці элемента мноствам падобных паміж сабой элементаў. Усё, што належыць непераўтворанаму кантытунуму, пазбаўлена асноўнай прыкметы сістэмы – апазітыўнасці – і з “класавага” пункту гледжання ўсведамляецца як “контра”, напрыклад: – *І ў той жа час, такое, хай няправільнае, рэагаванне недзе і радавала Дубаўца: значыць, можна змагацца з **катловымі**, значыць, і іх можна разварушыць* (Л. Гаўрылкін); – *А там – **Чарнаштаны ды Гайлісы**. Мяккацеласць. Апартунізм. Правы ўхіл* (І. Мележ); – *Якая брыдота, – уздыхнула Варвара Сямёнаўна, – Адкуль яны ўзяліся, гэтыя **Іваны Іванавічы**, з якіх шчылін вылезлі?! (М. Герчык).*

Адчужальную семантыку маюць лексемы, утвораныя на падставе ўласных імён, напрыклад: – *Што ім трэба, **ірадам?** Чаму ім няма спакою ад таго, што людзі мірна жывуць?* (І. Шамякін); параўн.: *антыхрысты, лютэры, мазепы, банапарты, напалеоны* і да т. п.

Абсалютная аднароднасць і недыферэнцыраванасць элементаў мностваў, якія абазначаюцца плюралізаванымі ўласнымі імёнамі, у маўленні падкрэсліваецца квантарам агульнасці – *усе*, напрыклад: – *Да чорта ўсе **Беры і Паўлы Паўлавічы**, усё да чорта* (В. Супрунчук); – *Ды выключы ты яго [тэлевізар]! К чорту ўсіх **Кашироўскіх*** (З. Бядуля).

Ужытыя ў адносінах да асобы формы множнага ліку прыраўноўваюць яе да іншых, пазбаўляючы ўласцівай ёй унікальнасці, напрыклад: – *Не, выжыць можна толькі дома! Дома можна адкупіцца праз **Якімкіных*** (І. Шамякін); – *Ад папугайскіх **Джонаў, Клейнаў, Эленаў** трэба адмовіцца раз і назаўсёды, – працягваў чыгуначнік...* (А. Федарэнка).

Форма множнага ліку паказвае на тыповасць прадмета (з’явы), што само па сабе з’яўляецца непрымальным у адносінах да унікальнай і непаўторнай асобы, напрыклад: – *Для прыдворных **савецкіх герадотаў** гісторыя заўсёды была перакулена ў мінулае (“Бел. мінуўшчына”); – І на светлай памяці ўсіх іх, святых дзяцей-пакутнікаў, зласліўцы кшталту **дружнікавых-салавейчыкавых** ставяць ганебнае кляймо: даносчык! Як пракляцце, як самае страшнае злачынства (“Нар. газ.”).*

Множны лік дыскрэдытуе таксама гістарычных асоб, напрыклад: – *Як новы поп, дык новае маленне. То **Ільічам**. То іх паслугачам* (Г.°Аўласенка); – ***Чэмберлены, пілсудчыкі** – гэтыя выкармышы сусветнага капіталу – разам з Папам Рымскім не раз збіралі крыжовы паход на заваёвы рабочых і сялян* (А. Асіпенка).

1.5. Сацыяльнае адчужэнне асобы рэалізуецца ў **прыёме неакрэсленай квантыфікацыі**. Моўныя квантары тыпу *ўсякі, усялякі, розны, кожны* ў інтэнсіональных кантэкстах не маюць прагматычнай валентнасці. Нельга не захапляцца індывідуалізаванай разнастайнасцю прыроднага свету, напрыклад: – *А можа, і ёсць Бог на свеце? Ну, колькі **птахаў розных** створана. Колькі **казюрак усялякіх**. Колькі траў і кветак. І кожны мае свой час цвіцення, свой час і колер. І ў птушак **розныя яечкі, розныя песні, гнёзды** будуюць кожная на свой лад...* (Л. Галубовіч). У экстэнсіональных кантэкстах рознасць і “усякасць” усведамляецца як ‘рознь’: ‘рознь (вражда) варожасць’ [2, т. 3, с. 261]. *Гаворкі тут усякія. Пра раскулачванне. **Розныя** варожыя галасы...* (І. Мележ).

Квантытатывая неакрэсленасць (сэнс “без разбору”) уласціва займенніку *ўсякі*, напрыклад: – *Пляцеш **усякае!** – чалавек падумае: і праўда* (І. Мележ); – *Адыдзі!.. – з нянавісцю прашаптаў стары. – Ты тут навучаў, малоў **усякае**, а там на нас нагаворваў... Паганец ты!* (Г.°Далідовіч).

Займеннік *ўсякі* звычайна ўступае ў сінтагматычную сувязь з назоўнікамі, якія абазначаюць непатрэбныя рэчы, напрыклад: *усякае смецце, усякае барахло, усякі хлам і інш.; Вокны былі забіты ўсякім рыззём* (Я. Колас).

Эмацыянальна-ацэначнае значэнне маюць намінацыі з займеннікам *ўсякі* ў склад якіх уваходзяць зборныя імёны, напрыклад: – *Не тых слухаеш! Табе **ўсякае кулацкае гадаўё** галаву ачмурыла, дык табе і зелено! – Я грубы з тымі, з кім трэба быць грубым. Са **ўсякай контррэвалюцыйнай сволаччу і спекулятыўнай нечысцю**... Мне даручана глядзець за **ўсякай нечысцю**, ахоўваць ад яе савецкую ўладу ў раёне* (І.°Мележ); – *Кармі **ўсякую нечысць** – бальшавікоў гарадскіх ды салдат, якіх на тое і сабралі, каб калі што якое – штык табе ўсадзіць!* (І. Мележ).

Нярэдка квантар усякі ўжываецца ў якасці азначэння з уласнымі імёнамі: – Будзе зямля добрая – будзе ўсё!.. Няхай пасмяюцца тады ўсялякія Карчы ды Ігнацікі!; – Героя з сябе – падумаеш герой! – строіць пачаў! Яму ўсякія Зарэцкія, Гартныя – дарагія таварышы (І. Мележ).

Нярэдка квантытаты ўсялякі ўжываецца ў маўленні разам з назоўнікамі ў форме множнага ліку. Гэтым дасягаецца ўзмоцненая квантытатыўная актуалізацыя і, адпаведна, большы прагматычны эфект, напрыклад: – **Буржуі ўсялякія ўзрадуюцца, што памёр таварыш Сталін** (Л. Галубовіч); – **Звярніце ўвагу, таварышы, як нахабна дзейнічаюць нацдэмы, розныя буржуазныя недабіткі. Усялякія прайдзісветы** ліпнуць, спасу няма (Г. Марчук).

Недыферэнцыраваны характар элементаў аднародных мностваў актуалізуецца ў маўленні пры дапамозе слоў розны, іншы, якім таксама ўласціва элімінатыўна-адчужальная функцыя, напрыклад: – Ён [дакладчык] сказаў, што ворагі хочуць зацягнуць у свае сеці студэнтаў, што закідвае вудачкі ўсякая нечысць – **нацдэмы розныя, розныя Гартныя. Вельмі можа быць такое. Як дакажаш праўду сваю? Харчовым, Башлыкову, іншым Харчовым...** (І. Мележ).

Да ліку моўных квантараў адносяцца няпэўныя займеннікі. Яны суадносяцца з аб'ектам, невядомым і чужым для суб'екта маўлення, напрыклад: **От вярнуўся брат, радавацца трэба, а ей горка: чужы ён нейкі**, колкі і злосны (С. Грахоўскі); – **Танька... нейкая чужая зрабілася...** (І. °Кажадуб).

Ужыты ў адносінах да асобы, займеннік **нейкі** прыўносіць у выказванне значэнне яе сацыяльнай непаўнаважнасці і нікчэмнасці, напрыклад: – **І ты мяне, такога чалавека, на нейкага слесара!** (Савоська); **Бацька ў яго нейкая шышка на роўным месцы** (Л. Гаўрылкін); – **Той [Галвас] у нейкага абарванца выйграў у карты грошы** (К. Чорны).

“Нейкі” для суб'екта маўлення – гэта заўсёды “нейкі не такі, якім павінен быць”, напрыклад: **нейкі ненармальны, нейкі крывы, нейкі мудрагелісты і інш.; Ён [Валодзя] ў нас яшчэ змлада быў нейкі вывіхнуты** (М. Машара).

Дыскрэдытацыяй дыферэнцыяльных прымет суб'ектаў прыніжаецца іх сацыяльны статус. Напрыклад, сэнс ‘многа’ прысутнічае ў значэнні дзеяслова **навалачы**, які ўжываецца ў адным кантэксте з субстантываваным займеннікам **нейкі**, напрыклад: – **Навалакла сюды нейкіх поўную хату...** Раз сяброўкі, дык абавязкова прывесці жыць да бацькоў (А. Карпюк). Адчужальная функцыя займенніка **нейкі** дадаткова падтрымліваецца формамі множнага ліку назоўнікаў, да якіх ён дапасуецца, напрыклад: – **Мне сказалі, што ты бываеш у нейкіх Таміліных?** – спытаўся Марк (А. Асіпенка).

Займеннік ад'ектыўнага тыпу **які-небудзь** сінанімічны займенніку **нейкі**. Прагматычны змест займенніка **які-небудзь**, як і займенніка **нейкі**, грунтуецца на ўяўленні аб недыферэнцыраванасці аб'екта: **які-небудзь** ‘не варты ўвагі; нязначны, нікчэмны’ [1, т. 3, с 370], напрыклад: – **Машына – гэта ж вам не які-небудзь аблезлы конь** (А. Пальчэўскі). Аб'ект, адносна якога ўжываецца займеннік **які-небудзь**, не з'яўляецца абраным, а таму не выступае для суб'екта маўлення ў якасці прагматычна рэлевантнага аб'екта, з ім не лічацца, напрыклад: – **Аддадуць цябе за шляхцюка якога-небудзь, і не пабачымся** (С. Грахоўскі).

У прагматычнай функцыі займеннік **які-небудзь** часта выкарыстоўваецца ў рэдукаванай форме, напрыклад: – **От прыпруцца легіёнчыкі ці яшчэ якая**

навалач, – што тады... (С. Грахоўскі); Яны [супрацоўнікі] адзін за адным мільгаюць паўз дзверы, і хоць бы *якая сволач* прыпынілася і сказала: – А чаго табе тут нудзіцца, гайда са мною...(М. Кусянкоў).

Няпэўныя квантарныя займеннікі, выступаючы ў прагматычнай функцыі, здольны замяшчаць адзін аднаго. Іх аб'ядноўвае агульнае пэаратыўна-адчу-жальнае значэнне, якое развіваецца па асаблівых законах логікі ўспрымання “чужога” свету.

Падводзячы вынік агляду прыёмаў спасціжэння іменнай лексікі трэба адзначыць, што ў інстытуцыянальных дыскурсах шырока прадстаўлена стратэгія дэінстытуцыяналізацыі – спекулятыўнае выкарыстанне семантычных механізмаў мовы, накіраванае на дыскрэдытацыю іншых асоб і калектываў. Выкарыстаная стратэгія праяўляецца ў шэрагу прыёмаў, такіх як: генералізуючая сінгулярызацыя, зборная рэфэрэнцыя, неакрэсленая квантыфікацыя, плюралізацыя. Найбольш папулярным дыскурсіўным прыёмам спасціжэння іменнай лексікі як сродка пранікнення ў характар беларуса з'яўляецца плюралізацыя ўласных імён.

Валентнасць уласнага імені звязана з яго функцыянальным прызначэннем – быць намінатыўным сродкам самаідэнтыфікацыі і сацыяльнай ідэнтыфікацыі асобы. У функцыі асабістага ідэнтыфікатара ўласнае імя эксплікуе ідэю быцця саматоеснай асобы, якая пазіцыяніруе сябе сярод такіх жа раўнапраўных асоб і сцвярджае ўласную вартасць у межах пэўнага соцыума. Наяўнасць у агентыва прагматычнага плана дазваляе яму быць сродкам уздзеяння і сацыяльнай рэгуляцыі паводзін асобы ў грамадстве. У грамадскай свядомасці існуе ўстаноўка, у адпаведнасці з якой асоба павінна паводзіць сябе адпаведна са сваёй сацыяльнай роляй і сваім імем. Свядомая свайго сацыяльнага статусу асоба бярэ на ўзбраенне грамадскія нарматыўныя стэрэатыпы і кіруецца імі ў сваіх адносінах з іншымі асобамі, патрабуючы ад іх зададзенага тыпу паводзін.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці тамах. – Мінск : “БелСЭ” імя П. Броўкі, 1977-1984. : Т. 1. – 1977. – 608 с.; Т. 2. – 1978. – 768 с.; Т. 3. – 1979. – 672 с.; Т. 4. – 1980. – 768 с.; Т. 5, кн. 1. – 1983. – 663 с.; Т. 5, кн. 2. – 1984. – 608 с.
2. Русско-белорусский словарь : в 3 т. : около 110000 слов / АН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа ; 5-е изд. испр. – Минск : БелЭн, 1993. : Т. 1. – 735 с.; Т. 2. – 800 с.; Т. 3. – 783 с.
3. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1978. – 175 с.
4. Ломтев, Т. П. Структура предложения в современном русском языке / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 198 с.
5. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский [и др.] ; под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1989. – С. 54 – 82.
8. Елисеева, А. Г., Селивестрова, А. Г. Семантические типы предикатов в английском языке / А. Г. Елисеева, О. Н. Селивестрова // Семантические типы предикатов / АН СССР Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1982. – С. 158 – 217.

Ю.А.Капцова (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)
Yuliya Kaptsova (Brest, Republic of Belarus)
yu_ll_yu@mail.ru

УДК 811.161.3'373:165.62

ПЕЯРАТЫЎНЫЯ ТАКТЫКІ Ў КАНТЭКСЦЕ БЕЛАРУСКАГА ЭТАСУ

Анацыя. У артыкуле моўны этас даследуецца ў кантэксце эталогіі – паводзін чалавека. Раскрываецца сутнасць пеяратаўных тактык, характар іх маніфестацыі ў беларускім слове.

Ключавыя словы: этас, меліяратыўныя і пеяратаўныя тактыкі, феноменалогія, моўныя паводзіны.

PEJORATIVE TACTICS IN THE CONTEXT OF THE BELARUSIAN ETHOS

Abstract. The article examines the language ethos in the context of ethnology-human behavior. The paradoxical essence of pejorative tactics and the nature of their manifestation in the word are revealed.

Keyword: the ethos, ameliorative and pejorative tactics, phenomenology, linguistic behavior.

Феномен этасу выяўляецца ў моўнай эталогіі, пад якой падразумяваюцца вербальныя паводзіны чалавека. Ім не ўласцівы прыметы дзейнасці як праяўленай актыўнасці. Паводзіны – стан, ажыццяўленне якога мае кантынуальны характар і ўспрымаецца ў пераменах. Эталагічным моўным статусам валодае ажыццяўленне стану паводле дзеяслова гаварыць і некамунікатыўная мадэль такога ажыццяўлення – гаворка. Перагаворы не з’яўляюцца формай праяўлення асобы (я, мы). Іх характар імперсанальны. У ходзе перагавораў этычную рэлевантнасць набывае паняцце “бок”, з якім звязваецца характарыстыка рэверсіўнасці (супрацьлегласць – канверсіўнасць).

Значным аспектам моўнай эталогіі чалавека выступае прынцып узвышэння (“верх”) і прыніжэння (“ніз”). З ім звязваецца феномен такту і тактыкі. Шматлікія тактыкі перагавораў зводзяцца да двух асноўных паняццяў – меліярацыі і пеярацыі. Меліяратыўныя тактыкі арыентаваны на ўзвышэнне моўцаў, наданне ім упэўненасці, ганараванне. Яны ажыўляюць гаворку і

спрыяюць яе ходу. Інтэнцыя пеяратыўных тактык цалкам супрацьлеглая. Іх суправаджаюць пачуцці нікчэмнасці рэфэрэнта.

Тактыка адчужальнай дыскрэдытацыі. Адзначаная тактыка заснавана на маніпуляцыямі з мноствамі і іх уласцівасцямі. Лік прадугледжвае многае, а рэчы бясконцыя.

“Чужы” свет, – адзначае А. Пянькоўскі, – гэта свет форм множнага ліку са значэннем аднароднага мноства...” [1, с. 55]. Пеяратыўна-адчужальныя назоўнікі множнага ліку ў лінгвістычнай літаратуры трактуюцца як “гіпербалічныя формы множнага ліку”. Такія формы не былі прадметам спецыяльнага вывучэння. Між тым яны надзвычай цікавыя.

Памнажэннем нівеліруецца вартасць рэфэрэнта. Наша пачуццё як бы прытупляецца пачуццём, калі высвятляецца, што ёсць тысяча аднародных прадметаў: – *Гэтага цвету на ўсяму свету*, – сказаў Іван (П. Савоська); *Многа вас такіх*, з міліцыяй (А. Кажадуб); *Такіх Марусяў*, – хоць гаць гаці, а інтэлігентак, як вось гэта, на пальцах палічыць... (М. Кусянкоў); *Чаго-чаго, а гэтага добра /баб/ у Бярозаўцы – навалам* (В. Гігевіч); *Развялося вас, эксперыментатараў... Разагнаў бы я вас палавіну*... (В. Гігевіч).

Адной з аксіём тэорыі мностваў з’яўляецца аксіёма “Мноства мае элементы”. Само паняцце “элемент” як складнік мноства набывае адчужальны сэнс. Пеяратыўны змест слова *элемент* набыло ў выніку так званага класавага падыходу да жыцця. Паводле яго ўсё грамадства падзяляецца на асвядомленых і прафанаў. Апошнія характарызуюцца як “дэкласаваныя элементы”: *Рэй вёў сакратар партыі на ідэалогіі... – Таварышы свядомыя і несвядомыя элементы*, – пранізваў ён маленькімі вочкамі янкавінскі гурт. *А заадно гэтым сваім “несвядомыя элементы” наганяў шораху* (Г. Далідовіч). *Што далей то больш: чаму ў партыі аказаліся элементы з заможнай праслойкі, элементы з цёмным прошлым, элементы, якія злучыліся з класава чуждымі элементамі.* У палітычных кантэкстах чужасць змяняецца на варожасць і слова *элементы* акрэсліваецца азначэннем *варожыя*: – *Варожыя элементы раскрадаюць калгасную маёмасць, а вы маўчыце, як быццам нічога не адбываецца* (І. Мележ).

Характар пеяратыўных мностваў заключаецца ў выключна высокай ступені іх аднароднасці, якой, па сутнасці, выключаецца наяўнасць якіх-небудзь распазнавальных рыс. Напрыклад, у сказе “*Увесь свет на гітлераў паўстаў*” (Я. Брыль) форма *гітлеры* абазначае гранічную аднароднасць і абыякавасць да распазнавальных прымет усіх, хто ўваходзіць у дадзенае мноства. Аналагічны адчужальны сэнс маюць і іншыя назвы, утвораныя на падставе ўласных імён, напрыклад: *Што ім трэба, ірадам? Чаму ім няма спакою ад таго, што людзі мірна жывуць?* (І. Шамякін); *Пераконваў сябе: ён не ненавідзеў, а проста стаміўся ад сваіх і ад чужых, і ад гансаў, і ад іванаў* (І. Шамякін); – *І гарбачовы, і ельцыны, прэзідэнты і пракуроры... Не, не лаві толькі мух. Круціся* (І. Шамякін); *Ідзе прадуманы разгром краіны, а Мані і Вані ператвараюцца ў рабсілу*... (Г. Далідовіч). *Не, выжыць можна толькі дома! Дома можна адкупіцца праз Якімкіных* (І. Шамякін); – *Ад папугайскіх Джонаў, Клейнаў, Эленаў трэба адмовіцца раз і назаўсёды, – працягваў чыгуначнік*... (А. Федарэнка). Аналагічна: *антыхрысты, лютэры, мазепы, фрыцы, банапарты, напалеоны і да т. п.*

Множны лік дыскрэдытуе таксама гістарычных асоб, напрыклад: *Як новы поп, дык новае маленне. То Ільічам. То іх паслугачам* (Г. Аўласенка); *А далей Альпяровіч-Дружнікаў спакойна распавядае пра новыя дзіцячыя ахвяры таго часу, якіх дзічае пра самасуд над шматлікімі паўлікамі марозавымі, якія праяўлялі не проста энтузіязм* (Нар. газ.); – *Чэмберлены, пілсудчыкі* – гэтыя выкармышы сусветнага капіталу – разам з Папам Рымскім не раз збіралі крыжовы паход на заваёвы рабочых і сялян (А. Асіпенка).

Абсалютная аднароднасць і нераспазнавальнасць элементаў мностваў, якія абазначаюцца ўласнымі імёнамі ў форме множнага ліку, можа падкрэслівацца ў маўленні пры дапамозе абагульняльнага займенніка ўсе, напрыклад: – *Да чорта ўсе Беры і Паўлы Паўлавічы, усё да чорта* (В. Супрунчук). Часцей за ўсё сам кантэкст падказвае, што маюцца на ўвазе элементы “чужога” (там) свету : *І ў той жа час, такое, хай няправільнае, рэагаванне недзе і радала Дубаўца: значыць можна змагацца з катловымі, значыць і іх можна разварушыць* (Л. Гаўрылкін); – *А там – Чарнаштаны ды Гайлісы. Мяккацеласць. Апартунізм. Правы ўхіл* (І. Мележ); – *От пойдуць, бронь божа, немцы, тады зноў гэтыя Салаўі і Ляўковы ўсходзяцца забіраць зямлю, абразаць хутары, каб іх разачка рэзала* (С. Грахоўскі); *Страшна становіцца ад таго, што менавіта ад падобных удоевых залежаў лёс тысяч і тысяч людзей* (ЛіМ); *Для прыдворных савецкіх герадотаў гісторыя заўсёды была перакулена ў мінулае (“Бел. мінуўшчына”); – Якая брыдота, – уздыхнула Варвара Сямёнаўна, – Адкуль яны ўзяліся, гэтыя Іваны Іванавічы, з якіх шчылін вылезлі?! (М. Герчык).*

Непрымальныя ў паводзінах чалавека аспекты атрымліваюць звычайна форму множнага ліку, напрыклад: фокусы, выбрыкі, выдумкі, хітрыкі, капрызы, завіхрэні. – *А ты насміхаешся, а ты контры строіш мне...* (Р. Мурашка). Множны лік выкарыстоўваецца ў назвах таго, што з’яўляецца рэшткавым і непатрэбным, напрыклад: *ачоскі, зліўкі, абломкі, агрызкі і інш.* Крайне пеярэтыўны сэнс набываюць назвы рэшткаў, калі яны выступаюць характарыстыкамі людзей, напрыклад: *адкіды* ‘падонкі чалавечага грамадства, маральна апусцелыя людзі, злачынныя антыграмадскія элементы’ [ТСБМ, 1, 141]; *асколкі* ‘тое, што захавалася ад мінулага, зніклага’. Асколкі старога свету [ТСБМ, 1, 281]; *недабіткі* ‘рэшткі чаго-небудзь (часцей за ўсё – арміі, банды, групы і пад.)’. *Пазадкі* ‘прыхільнікі, паслугачы; астаткі варожай арганізацыі, групы і пад.’ [ТСБМ, 148, 3, 588]; *падонкі* ‘дэкласаваныя, разбэшчаныя, злачынныя элементы грамадства’. *Рэакцыя Іры была зусім нечаканая. Яна паглядзела на брата зняважліва і на поўны голас, пры маці, сказала : – Падонак ты! Што ты разумееш? (І. Шамякін).*

Формай множнага ліку дыскрэдытуецца інтэнцыянальны стан свядомасці і падставовая характарыстыка этапу настрой: – *Усё гэта настроі! Адсталыя настроі, Павел Васільевіч. Я вам раіў бы паменш прыслухоўвацца да ўсякіх настрояў, да ўсякіх гаворчак; – У гэтым, канечне, і соль таго, што класава чуждыя настроі ў вас там развіліся, – Ды і ёто, – адважылася нарэшце, нагадала пра перарваную размову, – гаворкі тут усялякія, настроі. Пра раскулачванне...* (І. Мележ).

Тактыка дыскрэдытацыі з дапамогай множналікавых форм ужываецца да назваў грамадскіх інстытутаў і інстытуцый. Адчужальная плюралізацыя дае магчымасць дыскрэдытаваць пэўны сацыяльны інстытут (установу), напрыклад:

– *Мы гімназій не канчалі, – адказаў Марк. – Гэтага трэба саромецца, а ты ганарышся, – прамовіла маці (А. Асіпенка); – Яны <бацькі> правільна гавораць, не падыходзім мы адно аднаму. Інстытутаў я не канчаў, просты шафёр... (М. Кусянкоў); – Я табе зараз пакажу безработніцу?!.. Цітры ўздумаў разводзіць (А. Асіпенка).*

Выкарыстанне тактыкі плюралізацыі аказваецца адным з аспектаў выяўлення мыслення ў рэжыме таталітарнасці. Дыскрэдытацыя шляхам плюралізацыі – эфектыўная тактыка выяўлення пераратыўнасці і адчужэння не толькі ў адносінах да прадстаўнікоў чужога свету, але і да яго элементаў, якія знаходзяцца ў “знешнім” месцы “там” і ўсведамляюцца нераспазнавальна.

Тактыка прафанацыі. Сутнасць адзначанай тактыкі заключаецца ў нівеліраванні розніцы (сэнс “без розніцы”) у сітуацыі, калі гаворка ідзе пра “чужы” свет. Прадстаўляючы аб’ект сузірання як элемент “чужога” свету, адчужальнае абстрагаванне не проста адцягваецца ад яго індывідуальных прыкмет, але і дыскрэдытуе рэферэнта ва ўсёй яго татальнасці. Абсалютная нераспазнавальнасць змыкаецца з этычна рэлевантным пачуццём абьякавасці. Непаўторныя і самакаштоўныя рэферэнты зводзяцца да агульнай прыроды і адной “меркі”. Па сутнасці, механізм прафанацыі ў сваёй схематычнай аснове з’яўляецца нежыццёвым.

Генералізуючы сэнс характэрны для займенніка ўсё. Гэты займеннік узначальвае неселектыўныя рэферэнцыяльныя адносіны: *Зведала многае: славу і веліч, ганьбу і забыццё (Р. Зянькевіч); Многа чаго зведаў. Усяго бывала на маім шляху (А. Чарнышэвіч).*

Займеннік усё ў маўленні ўжываецца для таго, каб указаць на абьякавасць і непераборлівасць: *Дзед еў усё, што папала (Я. Брыль); Яна балбатала і балбатала, гаварыла ўсё, што на язык траплялася (Л. Гаўрылкін); Зазваніў тэлефон: яна хутка пачала апранацца, брала усё, што траплялася пад руку (У. Шыцік).*

Займеннік усё выступае ў якасці структурнага кампанента надзвычай распаўсюджанай у вуснай мове мадэлі абьякавасці “*Вам усё роўна?*”. Напрыклад: – *Усё роўна ён нічога не дасць і да хаты нашай не пойдзе (Б. Сачанка); – Яна махнула рукою, усё роўна як ёй надакучыла чуць і бачыць гэтакія выбрыкі, – павяла: – Ну... кабылка паскакала-паскакала – стамілася. А вочы шалёныя, крывёю налітыя. ... Няма вёскі?! Зрабілася жудасна, усё роўна як тут і быў канец усяму. Пачуў іншыя галасы – усе тыя, што калі-небудзь чуў у вёсцы, – галасы хлявоў, двароў, вуліцы. Пачуўшы галасы, убачыў сваю карову, сваіх авечак, парсюкоў, курэй (В. Карамазаў).* Аналагічнае пеяраратыўнае пачуццё выяўляецца ў моўнай ідыяматыцы, параўн.: – *Ёй усё да лямпачкі, і як толькі на гэта глядзіць начальнік (М. Герчык).*

Пачуццё абьякавасці ўзнікае да аддаленага рэферэнта, які не ўваходзіць у зону непасрэднай перцепцыі. Само сабою разумеецца, што абьякавасць выяўляецца ў першую чаргу ў адносінах да ўсяго чужога, таму мадэль абьякавасці “<Мне> усё роўна” аказваецца адначасова і мадэллю адчужэння. Хто сузірае сітуацыю здалля, той не жыве ў ёй, не ўключаецца ў яе і не перажывае яе. Поўная абьякавасць азначае нераспазнавальнасць, што не супадае з “чалавечым” поглядам на рэчы.

Другі кампанент у адчужальна-аб'ектывуючай мадэлі “ўсё роўна” можа замяняцца словам “адно”; пры чым інварыянтны сэнс можа быць захаваны. Той, хто ўжывае мадэль “ўсё адно”, не заўважае розніцы і гэтым прафануе аўтэнтычнасць рэферэнта: *Ці заўтра, ці паслязаўтра – усё адно. – Лепей – заўтра. – Стары памаўчаў, перш чым прыступіць да галоўнага. ... – Усё адно папробуваць трэба. А то ж ад етай васпаватай заразы ратунку ніякаго. З'есць, як маўчаць будзем!* (І. Мележ).

Адзначаная мадэль рэалізуецца ў сферы эмпірычнай кан'юнцыі, якая адзіна магчымая ў сітуацыі непасрэднага ўспымання рэчаіснасці: – *Ці сабака гаў, ці ён сказаў – то ўсё роўна* (Прыказка); – *Нічога, – пакруціў галавой дзед, мне цяпер што пан, што левы бот – усё роўна* (А. Кажадуб); *Хто рабіў, хто не рабіў – усё адно! Кожнаму палачка!* (І. Мележ). Нярэдка пачуццё абьякавасці ў рэферэнцыі змыкаецца з адчаем і безвыхаднасцю, напрыклад: *Ад лютасці, ад бясілля аж затросся, адштурхнуў Глушака, шалёна, з віскам крыкнуў: – Дак хай яно – гніе! Усё адно! – Усё адно – жыць няма як!* (І. Мележ).

Пеяратаўна рэлеванты сэнс “без розніцы” надаецца ў выказванні ўжываннем генералізуючай часціцы *адзін* (*адна, адно, адны*). Часціца *адзін* як паказчык узмоцненай аднароднасці часцей за ўсё ўжываецца з рэчыўнымі назоўнікамі, напрыклад: *адзін пясок, адна вада, адзін спірт, адна смятана, адна гліна* і г. д. Ва ўжыванні гэтай часціцы актуалізуецца значэнне татальнай аднароднасці, параўн.: рус. *там сплошная грязь* – бел. *там адна грязь*; рус. *сплошной вздор* – бел. *адна лухта* [РБС, 2, 430]; – *Во – адна сінтэтыка. Лаўсан* (В. Адамчык); *Ворагу нічога не засталася, адна вада* (А. Кажадуб); – *Што там расці будзе? Там жа адна гліна* (3 разм.).

Выказванні з часціцай *адзін* маюць прафанічна-абстрагуючы характар, таму што спрашчаюць сапраўднае становішча спраў. Так, гаворачы пра худога чалавека “адна скура ды косці”, “адны вочы засталіся”, “адзін нос тырчыць” і г. д., мы абстрагуемца ад усяго іншага і канцэнтруем увагу толькі на нечым адным. На самай жа справе: “не толькі вочы, але і...” і да т. п. У шматлікіх выпадках часціца *адзін* набывае ў выказванні імпрэсіўны пеяратаўна-адчужальны сэнс: – *Там жа адна пыха, у іхнім Гомелі...*; – *Што па яйка, што па бульбіну – бяжы на рынак, язык высалапіўшы, а там адна жулота* (М. Кусянкоў); – *А што з яго /бурака/. Жмых адзін! – уздыхнуў Лаўрэн* (А. Карпюк); *Нос востры і ўвесь твар – адно рабацінне* (К. Чорны). *І любяць жа /Жэнька і Света/ брусніцы. Адна кісля, а яны ядуць* (І. Пташнікаў); *Буйную рыбу прадалі, асталося адно смецце* (М. Ракітны); – *А кормяць як... – сказаў хлапчук з Чэрвеня, – адны памы!* (А. Якімовіч). – *Чаване басота вас – склізь пацячэ! Адна склізь будзе!..* (І. Мележ).

Неселектыўнае слова *адно* становіцца меткай адчужэння да нераспазнавальных рэферэнтаў чужога свету: *Усе вы аднаго крою, прыкідваецца ягнятамі, каб ашукаць ды даць лататы* (Т. Хадкевіч); *Усе адным мірам мазаны. Урваць, ухапіць, дзе што не на месцы ляжыць* (В. Казько); *“І Мар’яна, і ты, маці, – аднаго поля ягадкі!” – казаў злосна Мікола* (З. Бядуля); *Раздушыце інквізіцыю – усё адно, папоў ці ксяндзоў. Абое рабое* (У. Караткевіч), параўн.: *Мішка казаў, што цябе забілі. Сам бачыў. Дык што, я вінаватая?” – “Усе вы там аднолькавыя”* (А. Асіпенка).

Серыя ідыём беларускай мовы ўжываецца для выказвання пачуццяў да таго, што ўсведамляецца татальна “адным”: – *Дзе там задаволеныя! У іх ёсць людзі, якія тлумачаць сялянам, што цар не такі добранькі, каб спарадзіць лепшы маніфест, што цар і паны – гэта адна хеўра* (А. Мальдзіс); – *Кеб не выбраць халеру – гарачы не ў меру!* – крыкнула Сарока (І. Мележ); – *Гавары, не гавары – адна халера* (3 разм.); – *Ведаю я гэтую шайку-лейку. Адна сатана скажа, другая будзе рабіць гэта...* (3 разм.); – *Шчэ, чаго добраго, яны тырчаць дзе-небудзь, хэўра етая!* (І. Мележ).

Тактыка абзывання. Слова ўвасабляюць сэнс мыслення, таму гаварэнне на любой мове прадугледжвае адпаведнасць мыслення той працы думкі, якая на гэтай мове ажыццяўлялася да яго. Да жывой мовы належаць элементы, якія маюць у слоўнікавых артыкулах указанне на іх ужыванне ў рэжыме гаварэння. Гэта перш за ўсё ўзульныя характарыстыкі паводзін чалавека, напрыклад: *свіння* ‘пра бруднага, нехайнага чалавека’ ‘невыхаваны, грубы некультурны чалавек’, ‘чалавек, які незаслужана робіць каму-небудзь непрыемнасці; няўдзячны чалавек’ [ТСБМ, 5, 91]. – *За каго ты мяне лічыш, свіння ты гэтакая?* (І. Шамякін). Часцей за ўсё абзыванне ажыццяўляецца ў вочы: – *Я думаў, што ты разумная, аж ты свіння.* – *Сак сказаў гэтыя словы, пазіраючы Галі ў самыя вочы, у душу, можна сказаць* (М. Ермаловіч).

Абзыванне – шырока распаўсюджаная тактыка штодзённай мовы, заснаваная на веры ў чароўную сілу слова: *абазваць* ‘назваць непрыстойным або зневажальным імем; даць каму-небудзь мянушку’ [ТСБМ, 1, 32–33]. *Абазваць* чалавека *свіннёй* – значыць у глыбіні свядомасці пастарацца ажыццявіць ператварэнне яго ў гэтую жывёлу. Абзыванне чалавека або яго зневажанне прыводзіць да ўзнаўлення дзеянняў ведьмароў. Менавіта чараўнік, знаходзячыся ў моцным эмацыянальным парушэнні, наводзіць розныя негатыўныя дзеянні на чалавека.

У абзыванні прысутнічае характэрны для міфа аспект адначасовасці ўспрымання і мыслення. Зааморфныя імплікацыі, думаецца, належаць да вобласці міфатворчасці, а не метафарызацыі. Характарыстыка міфа падыходзіць да слоў-характарыстык тыпу *свіння, змяя, ліса, сабака, карова* і г. д. Такія словы выступаюць увасабленнем сутнасці чагосьці (сутнасць свінства, сутнасць хітрасці і г. д.). Яны несумяшчальныя з камунікатыўнымі ўстаноўкамі і часавым планам.

Рэаліі міфа не адлюстроўваюць аб’ектыўных ведаў. Характарыстыка дыскваліфікавана з пункту гледжання ісцінасці. Сэнс яе ідыяматычны: *асёл* ‘пра, тупога, упартага чалавека’ [ТСБМ, 1, 279]. Міфічная дэрывацыя – спосаб недыскурсіўнага пазнання паводзінскай рэальнасці чалавека. У канкрэтным сітуацыйным ужыванні ідыяматычнасць характарыстыкі можа ўзрастаць. – *Нічога вы ад мяне не атрымаеце, свінні сабачыя, невукі* (Л. Левановіч).

Невыпадковым здаецца факт, што ў беларускай мове назвы жывёл практычна не ўжываюцца ў функцыі асабовай ідэнтыфікацыі (напрыклад, прозвішчаў). Наўрад ці ў тэлефонным даведніку сустрэнуцца прозвішчы тыпу *Свінін, Каровін, Сабакін, Парасяцін* і г. д. Назвы ж звяроў і птушак, а таксама дрэў з’яўляюцца тыповымі ідэнтыфікатарамі асобы, напрыклад, прозвішчы *Кот, Воўк, Арлоў, Мядзведзь* і да т. п. Тлумачыцца гэта тым, што звяры і птушкі не распознаюцца паводле паводзін (іх не “трымаюць”). Вядома, што ў першабытнай гісторыі птушкі былі татэмамі чалавека. З іх рабілі культ, па іх імені называўся род.

Акрамя зааморфных характарыстык, шматлікія словы беларускай мовы ўжываюцца выключна характарыстычна, напрыклад: *балда, абалдуй, аболтус, асталоп, ідыёт, крэтын* і г. д. Этычным феноменам не толькі беларускай мовы з’яўляецца слова *дурань (дуралей, дурачына)*.

Тактыка дэскрыптывізацыі. Канкрэтная лексіка суцэльна дэскрыптыўная. Назвы тыпу смаркач (чалавек), даўганосік (насякомае), насач (рыба) – згорнутыя дэскрыпцыі, матываваныя характэрнай для іх рэферэнтаў рысай. У прыроднай і бытавой таксанаміі прыметнік прынята ўжываць постпазітыўна, напрыклад, *кулік звычайны, стол пісьмовы двухтумбавы* і г. д. Як аднаслоўныя, так і разгорнутыя дэскрыптывы, аказваюцца ў выказванні адчужальнымі канкрэтызатарамі, напрыклад: – *Шчасце тваё! Памаліся богу, авечка* (І. Мележ); – *Мы табе не браты, юда!* (І. Мележ). Дэскрыптыўная мадэль “назоўнік + прыметнік” шырока выкарыстоўваюцца ў якасці пагардлівых характарыстых рэферэнтаў, напрыклад: – *Адыдзі, чорт слінявы* (І. Мележ); – *Цьфу, карова рудая, – падчапіла Лукашова Волька* (К. Каліна). Рэферэнцыяльная прымета прадстаўляе рэферэнта рэчыўна. Ён змяшчаецца ў чужы свет (“там”), заўсёды выступае “гэтым.”

Аказіянальныя дэскрыптыўныя характарыстыкі не маюць анталагічнага зместу, а таму не абражаюць асобу. Падобныя дэскрыптывы аказваюцца крыўднымі і ганебнымі для рэферэнтаў, хоць і не ўтвараюць іх эйдас (сутнасць). Фіксацыя паталагічных рыс рэферэнтаў эфектыўна служыць іх распазнаванню. Пры апісанні рэферэнта, як правіла, заўважаецца распазнавальная рыса, якая кідаецца ў вочы і ўсведамляецца як заганная, напрыклад: *Чаго дзярэш нос, кулацкая падсілка?* (І. Мележ); – *Другі раз няхай Прося гарбатая цябе столькі чакае. А я не буду...* (І. Мележ).

Нярэдка ў гаворцы выяўляцца імкненне апрагэставаць адчужальную рэферэнцыю як не сваю, напрыклад: *Перад выездам хлопцы падбілі храпнуць за прафесійны дзень. Падумаў: што я лысы!* (У. Ліпскі); *У суседнім купэ рогат. “Мабыць анекдоты травяць, а я што рыжы”, – падумаў Мікалай Іванавіч і падаўся да суседзяў* (П. Місько); *Усе бегаюць, клапацяцца, каб ім было добра, а я што рыжы. Будзеш салодкі як мёд, дык зліжуць* (Л. Прокша).

Прыметнікі *сляпы, глухі*, як і прыметнік *лысы*, адзначаюць аспект пазбаўленасці таго, што ўсведамляецца неадчужальна. Пазбаўленасць адзначаецца таксама прыстаўкай *без-* (*бязногі, бязносы, бяхвосты, бяскрылы* і інш.). Прыметнікі такога тыпу выкарыстоўваюцца не столькі для абзывання, колькі ганьбавання рэферэнтаў: – *Эх ты, скаціна бязрогая...* (І. Козел); – *Ах ты, павіян бяхвосты! Што надумаў рабіць...* (Г. Марчук). Прыметнікі, які апісваюць стан пазбаўленасці, часта становяцца характарыстыкамі, напрыклад: *бяззубы ‘непрынцыповы, пазбаўлены вастрыні’; бязрукі ‘няспрытны ў рабоце, няўмелы’, бяскрылы ‘пазбаўлены творчай сілы’* і інш. [ТСБМ, 1, 98]. Рыса ‘пазбаўленасць’ прысутнічае і ў прыметніку *стары* напрыклад: – *Падсыплю сабаку якой атруты, – зноў спрабуе закурыць Пракоп. Курва старая...* (А. Асташонак); *параўн.: пень стары, калода старая (трухлявая), порхаўка старая* і інш.

Характарызуючыя дэскрыпцыі фіксуюць тое, чым адзначаны рэферэнт у масе да сябе падобных. Гэта могуць быць у нечым незвычайныя паводзіны, нейкая характэрная дэталі, напрыклад: *Сярод маўклівасці і зацятасці вылучаліся двое мужчын. Адзін – чарнатвары, дзіўна бесклапотны, мабыць, п’яны, а другі – надзвычай худы, высушаны працай, з кепачкай на макаўцы*

(І. Мележ). Прыродныя істоты розняцца неаднолькавай масцю і афарбоўкай. Рэлевантнымі для характарыстыкі могуць быць такія прыметы, як пярэстасць, паласатасць: *Мішка Авотово замахнуўся аброцю на Алеся: – Лес падпаліш, сабака рабы* (І. Канановіч); – *Ды я яму, чорту паласатаму, і зараз спакою не даю* (А. Шашкоў). Ідэнтыфікуючай сілай у адносінах да чалавека валодае таксама рыжы або рыжа-карычневы (руды) колер, напрыклад: *рудабароды, рудавалосы, рудабусы*; параўн.: *Загінуў як рудая мыш; рыжуля, рыжуха, рыжык; Часцей за ўсе Маша чула: “Глядзі, якое рыжоцце пайшло!”* (І. Шамякін); – *Цьфу, карова рудая, – падчапіла Лукашова Валька* (К. Каліна).

Прыдатнымі для характарыстыкі аказваюцца рысы, якімі адзначаецца “экзатычнасць” рэфэрэнта, напрыклад: *Іванок зняважліва трасе галавою. – Я буду пытацца ў гэтага валасатага асталопа* (Я. Колас); – *Бач, раз’язджае з шыбздзікам даўгагрывым, Карачуном Толікам* (А. Кажадуб); *Бязбожны натоўп весела ржаў: дасталася кудлатаму* (А. Асіпенка); *Апейка глядзеў з-за стала: уваходзіў той, з доўгімі жаўтляватымі кудламі* (І. Мележ); *На суседняй вуліцы банда валасацікаў чалавека забіла за грошы* (Г. Марчук).

Распазнавальная прыкмета не толькі канкрэтызуе рэфэрэнта, але і адчужае ад яго: – *Грамадзянка! Грамадзянка! Выпіхніце яе, не давайце ёй... – Каму-ёй? – Вунь той, з каўтуном на галаве!* (Т. Бондар); – *Уся вёска гаворыць, што вы з той цыглай у белых штоніках бегалі да Васіля* (І. Шахавец); – *Хлопцы! – раптам як з-над зэдлі вырас Круціцкі і загаварыў, нібы сыпануў гарохам: – Калі вы не хочаце, каб тая, у жоўтым, качка, праглынула жыўцом вашага начальніка, хутчэй грузіцеся і едзьце* (Л. Гаўрылкін); – *Эй ты, там, торба з кутасамі! Якога чорта гэта смаліш?* (Я. Колас).

Пагардлівы змест набываюць у маўленні дэскрыптывы, якія гавораць пра сацыяльную нясталасць, напрыклад: *З тыдзень абіваў парогі розных майстэрняў, фабрык і заводаў, гатовы пайсці на любую работу, але паглядзяць на мяне – і адмаўляюць. Жаўтароты* (І. Гурскі); *Хлопцы, дзяўчаты, што згрудзіліся ля вазоў – жаўтаротая, зялёная моладзь* (І. Навуменка); – *Прэч! Наз-зад, галапузья чэрці, – зашыпеў на хлапчукоў спраўнік і пагразіў шабляй* (В. Хомчанка); *Ханскі сын, ичанюк жаўтавухі. Прыязджаў;.. Ubачыў... Адняў... (У. Караткевіч); – Малако матчына на губах не абсохла. Ай, блазнота!* (І. Гурскі); – *Давай, давай! Малакасос!.. Не згубіся. Цягнеца, што цяля* (І. Пташнікаў); – *Смаркачы яшчэ з носа цякуць, а збіраюцца свет перайначыць... (Я. Колас); Мала ты ведаеш, зелень ты, – па-бацькоўску прамовіў Гардзеі* (І. Мележ); – *Разганю я вашу кампанію, жаніхі смаркатыя* (А. Асіпенка); параўн.: *сысунок ‘малады, нявопытны ў якой-небудзь справе чалавек’. Рабінка ...холодна, амаль варожа зирнуў на Мішу. – Малы ты яшчэ, сысунок ты яшчэ, каб гаварыць мне такія гаворкі* (М. Паслядовіч).

Большасць дэскрыптыўных характарыстык мае сітуацыйны характар і не становіцца прыналежнасцю узусу. Як правіла, аказіянальнымі з’яўляюцца разгорнутыя дэскрыпцыі, напрыклад: – *Ён абазваў мяне шакалам* (І. Пруднікаў). Моўны (узуальны) статус маюць фраземы *пень асінавы (бярозавы), куст альховы, гад паўзучы, гула асмаленая (смаленая), мяшок з саломай* і інш.

Ацэначныя дэскрыптывы ўжываюцца ў выказванні дваякім чынам: калі адрасат прысутнічае ў сітуацыі гаворкі – абраза вымаўляецца “ў вочы”, а калі ён адсутнічае – абраза вымаўляецца “за вочы”. У першым выпадку характа-

рыстыка эфектыўна абзывае і дэдамінуе рэферэнта: – *Да чаго дадумаўся, маць тваю. А яшчэ інжынер чалавечых душ! Дзярмо ты чорнай каровы* (А. Асіпенка). – *Дурань ты нячэсаны, – ціха сказаў Міхлін* (М. Федарэнка). – *Здурэў, сяло дурное! Чаго ты?!* (У. Караткевіч). – *Чаго ты смяешся? – накінуўся на яго Янка. – Куст ты альховы!* (Я. Колас). Адрасна ўжываючы дэскрыпцыю, моўца мае інтэнцыю прынізіць.

Пры адсутнасці адрасата ў кантынууме гаворкі характарызуючая дэскрыпцыя часцей ўжываецца як лаянкавая, напрыклад: – *Гэтыя дурні, што не п'юць, толькі нюхаюць, кажучь пра іх, што яны не нажлуцяцца. Слупы тупарылыя!* (А. Асташонак); *Важатая, дура набітая, патрабавала ад яго [Клімава], каб ён перад строем сказаў, што не хоча ведаць бацьку і адракаецца ад яго* (В. Хомчанка). Лаянка сама па сабе алагічная. Адарваная ад рэальных уласцівасцей рэферэнта, словы лаянкі, з пункту гледжання логікі, з'яўляюцца недарэчнымі. Паказальнай у гэтай сувязі з'яўляецца, напрыклад, ідыёма гад печаны: – *Каб вы апруцянелі, гады печаныя! Грады, гады печаныя, не чапайце чалавека! – крычалі мужчыны* (Р. Сабаленка). Ідыяматычнасць такіх характарыстык у тым, што чалавек рэальна не можа быць ні мехам з саломай, ні катом марцавым.

Праклён як этычная санкцыя. Праклёны – важны этычны элемент вербальных паводзін, характэрны для мовы штодзённасці. “Звычайна кожны ўчынак аднаго чалавека, што робіць шкоду другому, – заўважыў у свой час Кандрат Крапіва, – выклікае кленічы: Каб табе ў грудзях забіла. Каб табе зарвала ды залажыла. Каб цябе ўзяло ды не адпусціла” [4]. “Адзінкі гэтага жанру, – сцвярджае З. Бадзевіч, – на жаль, не сталі аб'ектам даследавання сучасных даследчыкаў-лінгвістаў, фалькларыстаў і збіральнікаў, паколькі не ўвайшлі нават у шматтомнае выданне “Беларуская народная творчасць”. Між тым яны прадстаўляюць выдатныя ўзоры мастацкага авалодання словам, прыклады дасканалай арганізацыі тэксту ў поўнай адпаведнасці з інтэнцыямі выказвання” [5, с. 126].

З нашага пункту гледжання, сутнасць праклёну этычная і фенаменальная. Праклён не з'яўляецца маўленчым актам, здзейсненым з мэтай абразы асобы. Яго можна назваць бестэрміновай этычнай санкцыяй, якая накладваецца на чалавека. Не маючы анталагічнай прыроды, праклён эфектыўна выкарыстоўваецца як шлях неспрыяльнага ўплыву на другога чалавека. Увасоблены ў ім пачуццёвы пасыл валодае згубнай сілай. Адзін з эпітэтаў праклёну страшны: *...Вочы яе /ігуменні/, поўныя гневу і агіды, глядзелі ў вочы камісару, твар стаў не проста шэры – сталёвага, а голас задрыжаў ад напругі і нянавісі. – Табк ж, вырадак д'ябальскі – праклён на стагодзе стагоддзяў! Табе і роду твайму! Будзь пракляты ты мною, як пракляты ты Госпадам, хай святло Божае...* (В. Гапееў).

Праклён не зброя, а інструмент, якім, лічыцца, па-мастацку таленавіта валодаюць жанчыны. Ёсць думка, што гэта інструмент безвыходнасці і адчаю, што гэта крайняе прадраканне: *А каб ты не даждаў! Каб ты праваліўся! Каб яго чэрці ўзялі! Каб цябе скруціла і не адпусціла! Как цябе чэрці ў некле ганялі! Каб у яго адсох язык за такія словы! Каб цябе віхор узяў і не адпусціў! Каб ты праваліўся! Каб табе ні дна ні пакрышкі. Каб яму дабра не было! Каб яго вочы*

свету не бачылі! Каб яму язык да паднябення прысох. Каб цябе дзеці твае не прызнавалі. Каб ён сабакам здох. Каб яго нялёгкая ўзяла. Скулу табе ў бок! Каб ты не вярнуўся! Каб ён сонца больш не бачыў.

Вясковы побыт, відаць, цяжка сёння ўявіць без гэтага віду выслоўяў: жонка кляне п'янага або гультаяватага мужа, гаспадыня – гаспадарку, суседка – суседку і г. д.: *“Суседка мая – ведзьма, ліха яе, чужых кароў даіла, каб яе на тым свеце чэрці даілі. Адну карову мела, а малака, трасца яе матары, здавала як з пяцёх. А каровы з пустым вымем дадому хадзілі. Слухай, нек прыйшла да мяне і кажа: “Пагляжы, колькі твая карова малака дае”. А я яе за шкіркі ды за парог. “Вон, – кажу! – Каб табе ад гэтага малака трыбух лопнуў, даў Бог!” А яна мне як выпаліць: “А каб у цябе пчолы не раіліся, куры не нясліся, збожжжа не расло і ўсё ў яму пайшло”. Так яно ўсё і случылася: кур тхор падушыў, карова не расцялілася, а патам і муж памёр”* (в. Яцкаўшчына, Ляхавіцкі раён, 2016 г., 22 ліпеня).

З пункту гледжання будовы кленічаў у іх прысутнічае той, хто гляне – імперсальны Сам, і той (тое), каго (клянучь) – Другі выяўляецца як асоба, да якой накіраваны праклён, дзеянне, якім чынам павінна адбыцца, а таксама часціца як актуалізатар эмацыянальна-экспрэсіўнага адцення выказвання, напрыклад – *А нашто ён табе? Падсвінка не далі, дык па грошы прыпёрся? Каб твой дзіцёнак ля вады хадзіў, а напіцца не мог. Каб праз твае рэбры козы сена цягалі... – О, пуд гразі прывало! Не мог боты зняць. Каб табе ногі паадсыхалі! Самагонкі шукаць? Каб ты ўжо напіўся, ды і засіліўся... Каб ты пайшоў і не вярнуўся...* (Л. Галубовіч). У праклёне ў поўную сілу выяўляецца знішчальная імпрэсія негатыўнтаў і іх творчы талент.

Такім чынам, вялікую разнастайнасць маюць у вуснай мове пярэратыўныя тактыкі. Гэта тлумачыцца агульнай арыентацыяй этычных імплікацый на выяўленне таго, што перашкаджае ходу жыцця і мыслення і ад чаго чалавек імкнецца пазбавіцца.

У глабальным сэнсе пярэратыўныя тактыкі служаць адчужэнню. Яны характарызуюцца вынаходлівасцю і па сваёй разнастайнасці пераважаюць над меліяратыўнымі моўнымі імплікацыямі. Адзначаны факт сведчыць на карысць таго, што этасу і этычным выяўленням перадусім наканавана служаць абароне чалавека.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987 / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. В. П. Григорьев. – М., 1989. – С. 54–82.
2. ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т. (6 кн.).
3. Русско-белорусский словарь = Руска-беларускі слоўнік : ок. 110 000 слов : в 3 т. / НАН Беларусі, Ін-т языкознання. – 8-е изд. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2002. – 3 т.
4. Крапіва, К. Беларускія прыказкі [Электронны рэсурс] / Кандрат Крапіва // Беларуская палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Kandrat_Krapiva/-Bielaruskija_prykazki.html#footnote-1. – Дата доступу: 12.10.2020.
5. Бадзевіч, З. І. «Каб ты доўга жыў... Праклены ў творах Я. Коласа» / З. І. Бадзевіч // Мова — Літаратура — Культура : зб. навук. арт. VII Міжнар. навук. канф., прысвеч. 130-годдзю з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа (Мінск, БДУ, 27–28 верас. 2012 г.). – Мінск, 2012. – С. 126–130.

А. Я. Леванюк (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

A. Y. Levonyuk (Brest, the Republic of Belarus)

УДК 81'42

АФАРЫЗМ І ТРАДЫЦЫЯ

Анотацыя. У артыкуле аналізуюцца традыцыі пабудовы афарыстычнага выслоўя, адлюстраваныя ў сучаснай беларускай афарыстыцы. Заўважаецца, што ўжо да пачатку XX стагоддзя старыя формы і функцыі мастацкага слова падвяргаюцца перагляду. Творчая задача многіх пісьменнікаў абумоўлена імкненнем данесці ўніверсальны сэнс быцця праз асэнсаванне свайго уласнага пункту гледжання на канкрэтныя падзеі, тэндэнцыі сучаснай рэчаіснасці. Такім чынам, і афарызмы чытаюцца як тэматызаваныя сведчанні аб розных з'явах жыцця эпохі, пра мастацтва, літаратуру, рэлігію, культуру, палітыку і г.д.

Ключевые слова: прыказка, прымаўка, афарыстычны жанр, афарызм, ідыястыль пісьменніка.

APHORISM AND TRADITION

Annotation. The article analyzes the traditions of constructing an aphoristic utterance, reflected in modern Belarusian aphorism. It is noted that by the beginning of the XX century, the old forms and functions of the artistic word are being revised. The creative task of many writers is determined by the desire to convey the universal meaning of being through understanding their own point of view on specific events and trends in modern reality. Thus, aphorisms are also read as thematized testimonies about various phenomena of the life of the epoch, about art, literature, religion, culture, politics.

Keyword: proverb, saying, aphoristic genre, the aphorism, idiostyle writer.

Вядома, не знойдзецца такога чалавека, які быў бы абыякавы да трапнага слова. І канешне ж цяжка ўявіць чытача, які не любіў бы афарызмы – гэтыя дзіўныя па сваёй лаканічнасці выслоўі, якія дораць нам мудрасць, новы погляд на жыццё. Наогул афарыстычны жанр у значнай меры традыцыйны, ён адносіцца да старажытнага і вельмі жывучага жанру літаратуры – да выслоўяў. Гэты выдатны жанр інтэлектуальнага мастацтва забяспечыў сабе дзіўнае даўга-

леце і вялікую папулярнасць у народзе. Яго вельмі шанавалі вядомыя людзі ўсіх эпох і часоў. «*Моцныя, кароткія выразы вельмі садзейнічалі паляпшэнню жыцця*», – гаварыў Цыцэрон. «*Максімы і афарызмы – праўдзівая жыццёвая мудрасць і соль літаратуры*», – пісаў Д. Морлі. «*Кароткамоўе, быццам жэмчуг, іскрыца зместам. Сапраўдная мудрасць нешматслоўная*», – сцвярджаў Л. М. Талстой. Заўзятым прыхільнікам афарыстыкі быў М. Горкі, які прызнаваўся, што «вельмі шмат вучыўся на прыказках, інакш на мысленні афарызмамі». Якуб Колас таксама добра ўсведамляў мастацкую вартасць, філасофскія гарызонты гэтага жанру, вельмі ахвотна, шырока, плённа выкарыстоўваў афарыстыку, па-майстэрску ўводзячы выслоўі ў свае творы, напрыклад у «Казках жыцця»: *Але не доўга астаецца ішчасце на адным месцы; Лепш быць няшчасным, але відушчым, чымся ішчаслівым ды сляпым; ...Колькі б людзі ні думалі, хоць бы нават страцілі апошні волас на галаве ў сваім думанні, дык і тады не здолеюць даць разумнага адказу на некаторыя запытанні; Усюды і ва ўсім трэба мець розум і ведаць меру; Рай – то рай, але ж і крыж цягаць не вялікае ішчасце і інш.*

Афарызм (грэч. aphorismos) – устойлівае выслоўе, якое змяшчае абагульненую і скончаную думку аб якой-небудзь з’яве рэчаіснасці, і выяўленае ў кароткай, лаканічнай форме [6, с. 31], напрыклад: *Не шукай ты ішчасця, долі на чужым, далёкім полі* (Я. Купала), *Слоў не крышыць ні век, ні тапор* (Я. Колас). Афарызмамі з’яўляюцца шматлікія народныя прыказкі: *Чым за морам віно піць, лепш з Нёмана вадзіцу, Груган гругану вока не выдзяўбе*. Афарызмы з’яўляюцца самастойнымі мініяцюрнымі творами, калі не ўключаны ў аўтарскі кантэкст – у сказ, напрыклад: *Шчасця большага няма ў зярняці, як на ніве роднай прарастаці* (В. Таўлай). Калі афарызмы ўключаны ў аўтарскі кантэкст, то ён не становіцца афарыстычным, напрыклад: *Хоць, праўда, хлеб ядуць і з вуды, але не ўсе і не заўсюды* (Я. Колас – афарызм); *А што «жывуць на свеце людзі з вуды, але не ўсе і не заўсюды» нічога, браце пісьменнік, не зробіш... бываюць творчыя няўдачы* (Я. Брыль – кантэкст не афарыстычны). Літаратурная мова ўзбагачаецца не толькі самабытнымі афарызмамі, а і запазычанымі з іншых моў (выслоўі, крылатыя словы).

Некаторыя даследчыкі адносяць да афарызмаў толькі аўтарскія выслоўі, уключаючы ў гэты разрад крылатыя словы, іншыя – усе віды кароткіх абагульненых выказванняў, у тым ліку прыказкі і прымаўкі. Частка даследчыкаў да афарызмаў адносіць толькі агульнаўжывальныя выслоўі, вядомыя ўсім носьбітам мовы.

Даследаванне афарыстыкі як мініжанру слоўнага мастацтва не атрымала дастаткова поўнай распрацоўкі, аднак варта адзначыць асобныя працы ў гэтым кірунку, якія раскрываюць стылістычныя асаблівасці афарыстычнага мыслення асобных пісьменнікаў [1; 4; 5; 7]. Афарыстыка як самастойны выгляд слоўнай творчасці сумяшчальная з цэласным светапоглядам пісьменніка. Выйшаўшы за рамкі дыдактычнага жанру (егіпецкае «Павучанне Кагемні») і практычных настаўленняў («Кніга прыпавесцяў Саламонавых», «Кніга мудрасці Саламона», Эклезіяст), афарыстыка набыла форму абсалютных ведаў і вышэйшай мудрасці ў Індыі, Кітаі, Старажытнай Грэцыі (Упанішады, выслоўі Канфуцыя, Лао-цзы,

Гіпакрата, Салона). У XVII–XVIII стст. афарыстыка дасягае эстэтычнай універсальнасці, разважлівасці і завершанасці формы («Разважанні, або маральныя сентэнцыі і максімы» Ф. дэ Ларошфуко, «Думкі» Б. Паскаля, «Характары» Ж. дэ Лабрюйера, «Максімы і разважанні» І. Гётэ). XIX–XX стст. – зусім новы этап у развіцці афарыстыкі, якая, з аднаго боку, імкнецца да маральна-павучальных сентэнцый (Л. М. Талстой, Дж. Рэскін, А. Шапенгауэр), а з другога, не прымаючы форму сентэнцый і максім, будуецца на парадыйнасці (К. Пруткаў), парадаксальнасці (Ф. Ніцшэ, О. Уайльд, Б. Шоу, В. В. Разанаў), дэманструючы розныя віды моўнай гульні з мэтай стварэння камічнага эфекту і міжтэкставай шматслоўнасці («Урыўкі з ненапісанага» Э. Кроткага, «Непрычасаныя думкі» С. Леца, «Афарызмы» С. Кржыжаноўскага). У гісторыі беларускай культуры вядомыя «Сентэнцыі» Яна Ліцынія Намыслоўскага ў перакладзе на беларускую і рускую мовы Я. Парэцкага, Ю. Свіркі і інш. У сучаснай беларускай афарыстыцы пакуль што значацца 6 зборнікаў афарызмаў: Ф.М. Янкоўскага «Крылатыя словы і афарызмы» (Мінск, 1960), А.Я. Леванюк «Час, жыццё, людзі... Беларускі літаратурны афарызм» (Брэст, 2001), А.Я. Міхневіча «Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца... Выбраныя выслоўі народнага песняра» (Мінск, 2002), А.Я. Леванюк «Майстры кажучь...» (Брэст, 2010), Н. В. Гаўрош, Н. М. Няжковіч «Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў» (Мінск, 2012), А.Я. Леванюк «Пацеркі жыццёвай мудрасці» (Брэст, 2018).

Увесь масіў існуючых афарызмаў па сваім паходжанні можна падзяліць на тры групы: 1) афарызмы, вынятыя з тэкстаў пісьменнікаў складальнікамі і апублікаваныя асобнымі зборнікамі (напрыклад, «Выслоўі і максімы» М. Горкага, Л. Андрэева, Я. Коласа); 2) афарызмы, створаныя самімі пісьменнікамі, якія маюць незалежны і самастойны сэнс і першапачаткова нацэленыя на аўтаномнае існаванне (напрыклад, «Сентэнцыі» Я. Л. Намыслоўскага, «Афарызмы» Дона Амінады (А. П. Шпалянскага), «Максімы і разважанні» Ф. Ларошфуко, «Афарызмы» Г. Ліхтэнберга, «Думкі і афарызмы» К. Пруткава», «Урыўкі з ненапісанага» Э. Кроткага, «Афарызмы» С. Кржыжаноўскага і да т. п.); 3) афарызмы, адарваныя з кантэксту мастацкага твора, якія як мініяцюрныя выказванні ў сілу сваёй папулярнасці і шматразовага выкарыстання здабылі статус самастойных адзінак (напрыклад, афарызмы з баек І. А. Крылова, з камедыі А. С. Грыбаедава «Гора ад розуму», рамана А. С. Пушкіна «Яўген Анегін», рамана М. А. Булгакава «Майстар і Маргарыта» і да т. п.) [3].

Афарыстыка як мінімальны жанр літаратурнай творчасці мяркуе набор сутнасных жанравых прыкмет. Можна вылучыць наступныя параметры літаратурнай дыфініцыі афарызма як афарыстычнага жанру: 1) праявічнасць тэксту, у якога не маецца якіх-небудзь традыцыйных прыкмет мастацкай выдумкі, 2) лімітавая інфарматыўная сіціласць (афарызм роўны аднаму сказу, дзе гаворыцца не проста толькі неабходнае, але і – менш неабходнага; 3) адсутнасць знешняй сувязі з камунікатыўнай сітуацыяй (хто кажа, калі і дзе, каму, для чаго і што); 4) парадаксальнасць зместу – наяўнасць «сэнсавых пустэч», якія падахвочваюць чытача да іх самастойнага «папаўнення» [2, с.26].

Варта заўважыць, што ўжо да пачатку XX стагоддзя старыя формы і функцыі мастацкага слова падвяргаюцца перагляду. Творчая задача многіх пісьменнікаў абумоўлена імкненнем данесці ўніверсальны сэнс быцця праз

асэнсаванне свайго уласнага пункту гледжання на канкрэтныя падзеі, тэндэнцыі сучаснай рэчаіснасці. Такім чынам, і афарызмы чытаюцца як тэматызаваныя сведчанні аб розных з’явах жыцця эпохі, пра мастацтва, літаратуру, рэлігію, культуру, палітыку і г.д. Прывядзем некалькі прыкладаў: *Вучэнне – святло, а невучоным – цемра* (Э. Кроткі); *Ёсць п’есы настолькі слабыя, што не могуць сысці са сцэны* (С. Лец); *З памылкамі ў нас, на жаль, – не ўсё спакойна; нашых крытыкаў асабліва цікавіць тое, што ніжэй усякай крытыкі; Пушкін дазволіў паэзіі быць дурнаватай, але на працягу стагоддзя мы толькі і робім, што злоўжываем гэтым даволам* (С. Кржыжаноўскі) і інш. Па знешняй форме афарызм сутнасць чыстае меркаванне, таму афарыстыка абапіраецца на меркаванне і працуе не вобразам, а думкай. Але з іншага боку, паколькі афарыстычнае выказванне з’яўляецца аб’ектам славеснай мастацкай творчасці, у аснове якой ляжыць мысленне вобразамі, то і ў афарызме прысутнічае вобразнасць, якая хаваецца за меркаваннем. Прырода вобразнасці афарыстычнага выказвання можа быць дастаткова ёмістай і выразнай.

Трэба пазначыць найбольш выяўленыя кампаненты, якія ўзмацняюць мастацкі эффект афарыстычнага выказвання. Многія афарызмы маюць цалкам відавочную метафарыстычную афарбоўку. Паняцці, якія ляжаць у аснове афарызма, могуць быць змацаваныя паміж сабой па прынцыпе асацыятыўнай сувязі. Напрыклад: *У сляпой веры злыя вочы* (С. Лец); *Грошы не пахнуць, але знікаюць* (С. Лец); *Дружба – гэта каханне без крылаў* (Д. Байран) [3]. Афарызмы могуць прадстаўляць сабой моўную гульню, разнавіднасцю якой з’яўляецца каламбур. Розныя тыпы каламбурнай гульні (абыгрываннем манімічных і мнагазначных слоў, гульні ў памылкі друку, выкарыстанне наватвораў вытворных слоў і інш.) з’яўляюцца базай для моўнай гульні, таму добры каламбур – вялікае мастацтва, напрыклад: *Дружба і чай добрыя, калі яны гарачыя, моцныя і не занадта салодкія* (Э. Кароткі); *Навучанне – святло, а невучоным – цемра* (Э. Кароткі). У гэтым афарызме сэнс прыказкі *Навучанне – святло, а невучэнне – цемра* дапаўняецца песімістычнага характарыстыкай сучаснага ўзроўню адукацыі. У сілу сваёй мініяцюрнасці афарызм раскрываецца ў інтэртэкстуальных сувязях з адсылкай на крыніцу, цытату, аўтара і г.д. Інтэртэкстуальныя ўключэнні ўяўляюць сабой трансфармацыю фразеалагізмаў, прыказак, прымавак, аказваючы ўплыў на семантычнае значэнне афарыстычнага тэксту, узбагачаючы яго новымі сэнсамі. Напрыклад: *У пустым жыцці і бойка – падзея* (трансфармацыя прыказкі *Пасля бойкі кулакамі не махаюць*); *На пустым твары і драпіна – ўпрыгожванне* (трансфармацыя прыказкі *На пустым месцы і трава не расце*) (В. Токарава).

Алюзійныя спасылкі і міжтэкставая шматзначнасць могуць служыць сродкам стварэння камічнага эфекту, напрыклад: *...і піць спяшаецца, і закусіць спяшаецца* (С. Кржыжаноўскі) – трансфармацыя пушкінскай цытаты з эпиграфа да «Яўгена Анегіна» *і жыць спяшаецца, і адчуваць спяшаецца* і да т.п. У сэнсавай структуры афарызма можа быць закладзена парушэнне прычынна-следчых сувязяў, якое выклікае алагізм паняццяў і перавернутасць вобразаў – парадокс; таму афарызмы будуецца на парадаксальнасці, нечаканасці змешчанага ў іх меркавання: *Калі мы хочам карыстацца светам, даводзіцца змагацца* (Цыцэрон), *Шлюб – гэта ліхаманка навыварат: яна пачынаецца*

запалам і канчаецца холадам (Гіпакрат); Жанчыны натхняюць нас на вялікія справы, але вечна перашкаджаюць нам іх тварыць; Ты любіш усіх, а любіць усіх – значыць не любіць нікога; Калі чалавек шчаслівы, ён заўсёды добры, але не заўсёды добрыя людзі бываюць шчаслівыя (О. Уайльд), Калі вы будзеце выбіраць сваіх знаёмых па прыкмеце высокай маральнасці, вам лепш з'ехаць з Англіі ці зусім адмовіцца ад грамадства (Б. Шоу); Калі байцеся адзіноты, то не ажэніцеся (А. П. Чэхаў), Тыя, што варты стакрыт каханьня, Тыя не маюць яго на зямлі (У. Караткевіч); Няпамыць імя няўца зліжа, А песня будзе жыць да жыць (Я. Купала); Як грошы, людскія гады, Удосыць – не лічыш тады, Увобмаль – дрыжыш над капейкай (Р. Барадулін); Ты ж клыгай старэцкай ступою, А думай – мне дваццаць адзін (Я. Колас); Навучыліся ў спрэчках патаківаць неяк, Забываць там, дзе лепей, сваё нават імя (М. Танк); З гадамі верыць дрэву Неадзеравянелая душа (Р. Барадулін); : Не праўдзяць мары – кепска марыш; Захочаш мець – мацней жадай! (М. Лужанін); Малицца будучь, калі ты ў славе, Калі ты ў горы – з насмешкай плюнуць (П. Панчанка); Саперніцтва з прыродай – непазбежнасць, Як непазбежнасць – розум у прыродзе (В. Зуёнак); Дай бог арла варонай не назваць, Варону жа арлом – нічога (М. Багдановіч); Але не мае будучыні тое, што будучыні прад сабой не мае (Д. Бічэль-Загнетава); На дрэве памяці З кожным годам – Багацейшы ўраджай (М. Танк); Толькі свет пакідаючы, не бярыце нічога, Нават ключ ад дзвярэй перадайце суседу (М. Танк); Старасць – час, калі не маеш права, апроч сну, адпачынку, спакою, Ні на адзін дзень адкласці свае справы... (М. Танк); Жыццё ёсць шчасце – Аксіёма! Ды кожны з нас часовы госьць (П. Броўка); Памёр. Прыкрылі некралогам, І ўсёй вядомасці канец (П. Броўка); З кожным днём далей мы Ад жыцця, ад вясны (Я. Колас) і інш.

У аснове афарызма ляжыць спецыфічная разумовая аперацыя, якая злучае канкрэтна перажываны факт і наўмыснае яго абагульненне, вопыт і рэфлексію, пры гэтым рэалізуецца асаблівы характар адносін паміж афарызмам і яго чытачом, калі апошні аказваецца адначасова паўнапраўным сааўтарам афарыстычнага выказванні, непазбежна ўключаючыся ў дабудоўванне пазначанай сітуацыі. Менавіта таму ў якасці адзінай дамінанты афарыстычнай жанравай формы сучаснае афарыстазнаўства паказвае, перш за ўсё, на асаблівае афарыстычнае «далеймысленне» [2, с. 25]. Выключанасць асобнага афарызма з якога-небудзь кантэксту і абумоўлівае афарыстычную рэцэпцыю, гэта значыць сітуацыю неабходнага індывідуальна-чытацкага даразумеання і дабудоўвання сэнсавых пустэч афарыстычнага выказвання, не запоўненых ці не вычарпаных словам. Задача аўтара – убачыць незвычайнае, незлучальнае ў звычайным і звыклым. Інтэрпрэтацыя сэнсу паведамлення прыводзіць да разумення яго камічнай вастрыні праз даразумеанне, дабудоўванне сэнсавых пустэч афарыстычнага выказванні. Такім чынам афарызм – гэта складаны моўны і маўленчы феномен. Ён уяўляе сабой структурнае ўтварэнне, якое валодае спецыфічнай унутранай арганізацыяй. Згодна з тэорыяй параджэння маўленчага выказвання А. А. Лявонцьева, выказванне запраграмавана ўнутрана. Гэта значыць, што яно будзеца на аснове некаторай схемы (ці па асобнай мадэлі). Выказванне, у тым ліку і афарыстычнае, з'яўляецца вынікам рэалізацыі моўных структур у маўленні. Менавіта таму трэба разглядаць афарызм і з пазіцыяй

псіхалінгвістыкі. Гэта яшчэ абумоўлена і тым, што змянілася само паняцце мовы. Калі раней вывучаліся самі моўныя сродкі (фанетычныя, г. зн. гукавыя, граматычныя, лексічныя), зараз зразумела, што ўсе гэтыя моўныя сродкі толькі фармальныя апэратары, пры дапамозе якіх чалавек здзяйсняе працэс зносін, прыкладваючы іх да сістэмы значэнняў і атрымліваючы асэнсаваны і цэласны тэкст (выказванне). Афарыстычнае выслоўе ўяўляе сабой мікратэкст, які і будуюцца пры дапамозе ўсіх узроўняў мовы. Псіхалінгвістыка ўсё больш цікавіцца менавіта тэкстамі, іх спецыфічнай структурай, варыянтнасцю, функцыянальнай спецыфікай. Сам працэс параджэння новага выказвання запускаецца ў свядомасці аўтара пры дапамозе механізму пераўтварэнняў, які нараджае новыя тэксты. Несумненна, афарызм з'яўляецца прадуктам маўленча-мысліцельнай дзейнасці. Мы мяркуем, што афарызм – гэта выказванне, якое пабудавана пры дапамозе гатовых формул, што захоўваюцца ў свядомасці чалавека. Менавіта даследаванне афарызма з пункту погляду яго структурных, кампазіцыйных і функцыянальных асаблівасцяў можа растлумачыць працэсы параджэння афарызма, асаблівасці яго ўвядзення ў кантэкст і эксцэпіравання з яго, а таксама раскрыць больш агульныя праблемы, у тым ліку заканамернасці стварэння выказванняў абагульненай семантыкі. Бясспрэчна, афарызм з'яўляецца вынікам сінтэзу, абагульнення, патрабуе паглыбленых разважанняў. У апошнія дзесяцігоддзі назіраецца тэндэнцыя да актыўнага выкарыстання, вар'іравання і пераасэнсавання афарызмаў у мастацкай і публіцыстычнай літаратуры, перыядычным друку, на радыё, тэлебачанні, у жывой мове.

Такім чынам, навуковы афарызм з яго традыцыйнай антычна-сярэднявечнай формай тэзісна-сістэматычнага выкладу пэўнай сумы ведаў трансфармуецца да ХХІ ст. у афарыстыку літаратурную, якая генетычна звязана з пісьмовай формай фіксацыі навуковага вопыту. Аднак сучаснае афарыстычнае мысленне, арыентуючыся на зразуменне навакольнага свету, убірае ў сябе не толькі ўсеагульныя назіранні, але і фіксуе індывідуальныя, канкрэтна перажываныя факты. Пісьменніцкі вопыт і рэфлексія, якія адлюстроўваюцца афарыстычным мысленнем, выяўляюцца ў разнастайных жанравых разнавіднасцях афарыстычных выказаў (філосафема, каламбур, эпіграма, анекдот і інш.) у залежнасці ад тэмы, мэты, формы выказвання.

Чытач выяўляе нямала дасціпных меркаванняў у афарыстыцы нашага часу, у тым ліку беларускай, напрыклад: *Трэба пісаць крывёю сэрца. свайго, вядома, а не чужога* (Э. Кароткі); *Цяпер над выдумкай прынята аблівацца не слязьмі, а потам*; *Добра, калі б у вушэй, падобна вачам, было б нешта накшталт стагоддзя* (С. Кржыжаноўскі); *Творчасць – гэта вечны сыход упрочкі ад тых, каго любіш* (В. Акудовіч); *Каб акрылена жыць сёння і ўпэўнена крочыць у заўтра, трэба ведаць, што было ўчора* (У. Ліпскі); *Трэба заставацца чалавекам на зямлі, хто б ты ні быў на пашпарту!* (У. Ліпскі); *Будзь сам сабою, Беларус...* (З. Бядуля); *Грошы раз-два – і з'еў чалавек, а разумнае слова жыве цэлы век* (З. Бядуля); *Сама лепш чалавеку, як весел ён: ніякай тады нуды няма, ніякага цяжару на сэрцы* (Л. Калюга); *Пра сына гаварыць будучы, а бацькава імя добрым словам успамянуць* (Л. Калюга); *Народ і ў грубасці сваёй мудры* (Я. Брыль); *Ці магчыма знішчыць, забіць сябе падобнага, не забіўшы пры гэтым сябе?* (В. Казько); *Два вялікія жаданні валодаюць чалавекам – прага*

любові і прага ведаў. Першае штурхае пладзіцца і размнажацца, другое – спазнаваць таямніцы і загадкі жыцця (Л. Левановіч); Паспрабуйце любіць Беларусь не здалёку, а зблізку, такую, якая яна ёсць. Паверце, яна вартая таго! (Б. Сачанка) і інш. Афарыстычнае выслоўе мае свае адметныя рысы ў структуры (гэта тычыцца разнастайных спосабаў і сродкаў пабудовы) і стылістычных функцыях і разам з іншымі фігурамі і тропамі шырока выкарыстоўваецца ў мове мастацкіх твораў для стварэння гумару, сатыры, іроніі, а таксама маўленчай характарыстыкі персанажаў. У афарызмах, як і ў філасофіі, выражаецца квінтэсенцыя духу эпохі, але вучоныя чамусьці ў большасці займаюцца парэміялогіяй і менш – афарыстыкай. Між тым афарызмы стымулююць мысленне і ў большай ступені, чым фальклор, фарміруюць асобу, асабліва тых, хто ўжо атрымаў які-небудзь мінімум адукацыі: *Свет хітра ўстроены: нельга толькі пра сябе думаць і дбаць* (П. Місько); *Кожны народ вучыцца ў прыроды, якая яго акружае* (В. Іпатава); *Родны край ніхто не выбірае, Выбірае родны край цябе* (Р. Барадулін); *Мой родны кут, як ты мне мілы!..* (Я. Колас); *Народ – гэта нешта большае, чым сума адзінак* (В. Іпатава); *Чамусьці ўсё судзяць па законах божых, панскіх, дзяржаўных, толькі не па чалавечых...* (М. Танк) і інш. Але галоўнае сведчанне ўвагі майстроў слова да малых жанраў літаратуры – сама колькасць афарыстычных выказванняў у творах, іх лаканічнасць, адшліфаванасць формы, абагульняючы характар зместу, што выходзіць за сэнсавыя межы кантэксту, у якім нарадзіліся і жылі, і сам па сабе ахоплівае «сутокі неба і зямлі»: духоўны свет чалавека і яго практычную дзейнасць, мары і філасофію, побыт і чалавечыя ўзаемадачынненні, мараль і закон. Гартаючы творы беларускіх аўтараў, чытач пераканаецца ў філасофскай, культурнай, жыццёвай вартасці выслоўяў, у іх глыбіннай значнасці для роздуму аб жыцці, для фарміравання этнанацыянальнага светаўспрымання і ўсялюдскай духоўнасці, для нашых сённяшніх ацэнак і рашэнняў. Напрыклад, у І. Шамякіна мы знаходзім: *Без адчування малой зямлі няма адчування вялікай (Зона павышанай радыяцыі); Няма жыцця без палітыкі. І палітыкі без жыцця (Завіхрэнна); О, гэтыя ўмоўнасці жыцця! І без іх нельга, і трымацца іх – што закоўваць сябе ў ланцугі (Атланты і карыятыды); Усё робіцца простым, калі чалавек перастае думаць пра сябе, пра жыццё... Калі галоўнае – дасягненне мэты (Сэрца на далоні); Жыццю вучыць жыццё (Выкармак); Ёсць хлеб – ёсць і будзе жыццё (Без пакаяння); Толькі маладыя могуць пускаць на вецер не дні, а месяцы і гады (Атланты і карыятыды); у В. Іпатавай: *Маладосць ніколі не глядзіць на старых (Залатая жрыца Ашвінаў); ...хто ж, як не дзеці, нясе на сабе і ў сабе, у сваёй крыві, бацькаву віну ці бляск подзвігаў? (Залатая жрыца Ашвінаў); ...Жанчына, калі ёй чаго-небудзь хочацца, можа рабіцца відушчай не горай за самага вялікага мудраца (Вяшчун Гедзіміна); Любоў – гэта дар, без яе не можа быць жыцця (Залатая жрыца Ашвінаў); Не кожнаму даецца ў жыцці каханне, якое мацней за смерць, за адлегласць, за ўсе перашкоды. Але кожная жанчына марыць аб ім, кожная хоча быць адзінай – на ўсе гады, якія адпусціў Лёс, на ўсе выпрабаванні, на шчасце і няшчасце... (Залатая жрыца Ашвінаў); ...Няўжо каханне не можа апраўдаць чалавека перад Богам? (Залатая жрыца Ашвінаў); Каханне можа быць дарам, але і насланнем таксама – тады трэба не даваць**

мораку браць над сабой верх (Залатая жрыца Ашвінаў); Дзве рэчы робяць чалавека мудрым – веды, памножанья на духоўную дысцыпліну, і каханне. І калі першага трэба дабівацца, можа, усё жыццё, то другое прыходзіць само, нечакана, неспадзявана, як... як маланка (Вяшчун Гедзіміна); у М. Танка: Ну што пажадаць чалавеку, Які на свет гэты з'явіўся? Сяброў у цяжкую гадзіну, Бо ў добры час – многа іх будзе... (***) Ну што пажадаць?); Камнем кідаюць пасля дружбы, Пасля кахання і знявагі... (Рэабілітацыя каменя); Некаторыя запайваюць сваё жыццё рознымі рэчамі таму, што ў дзяцінстве не мелі ніякіх цацак (Лісткі календара); Старасць – час, калі не маеш права, Апроч сну, адпачынку, спакою, Ні на адзін дзень адкласці свае справы... (Старасць – час, калі не маеш права); Цяжка з успомненых фрагментаў скласці жывы вобраз чалавека, які адышоў ад нас, але з адсутнасцю якога ты ніколі не зможаш пагадзіцца (Ля нарачанскага вогнішча); З жыццём трэба развітвацца непрыкметна, нікога не турбуючы (Лісткі календара) і інш.

Уласцівасці унутранай канфліктнасці афарызма робяць яго незамяняльнай формай для адлюстравання супярэчнасцяў грамадскіх і бытавых жыццёвых праблем. Гэтая ж якасць прывяла да разумення афарызма за мяжой Беларусі як адзінкі, што змяшчае гумарыстычную, забаўляльную, экстравагантную функцыі. Але беларускі афарызм спецыфічны: ён сур'ёзны, глыбіня яго дыктуецца самой гісторыяй развіцця гэтага жанра ў нашай краіне. Афарызм – састаўная частка літаратуры, ён вельмі блізкі беларускаму народу. Прагматыка афарызмаў глабальная, грунтуецца на самых важных баках чалавечага жыцця і грамадства, на праблемах, што трывожаць людзей.

Сэнсавае і стылістычнае багацце сучаснай афарыстыкі сведчыць аб высокім узроўні майстэрства пісьменнікаў і выступае ў якасці яркага прыкладу іх ідыястыля.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Королькова, А. В. Русская афористика в контексте фразеологии. Дис. ... докт. филол. наук / А.В. Королькова. – Смоленск, 2005.
2. Кулишкіна, О. Н. Афоризм // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / О.Н. Кулишкіна. – М.: Изд-во Кулагиной, 2008.
3. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия / Сост. Н. Березин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
4. Раскова, Н. В. Афористика в сочинениях А. В. Суворова // Вестник МГОУ / Н.В. Раскова. – Серия «Русская филология» – 2011. – № 2. – С. 89–92.
5. Туранина, Н. А. Языковая личность женщины-писателя сквозь призму афористики // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского / Н.А. Туранина. – Серия «Филология». Социальные коммуникации. – Т. 24 (63). – 2011. – № 2. – Ч. 1. – С. 472–476.
6. Уртминцева, М. Г. Словарь русской литературы / М.Г. Уртминцева. – Нижний Новгород: Три богатыря, 1997.
7. Шаталова, С. А. Лингвистические основы афористики в художественных текстах Ф.М. Достоевского: на материале романов «Бесы» и «подросток»: дис. ... канд. филол. наук / С.А. Шаталова. – М., 2000.

О. Б. Переход (г. Брест, Республика Беларусь)
O. Perekhod (*Brest, Republic of Belarus Belarus*)
Belarus)
reho61@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2

ОСОБЕННОСТИ ПЕРИФЕРИЙНОГО ОНОМАСТИКОНА БРЕСТЧИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРАГМАТОНИМОВ И ЭРГОНИМОВ)

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исследования периферийного ономастикона Брестчины. Рассмотрены структурные, семантические и лингвокультурологические признаки прагматонимов и эргонимов региона, определены принципы и способы искусственной номинации рекламных имен.

Ключевые слова: периферийный ономастикон, рекламное имя, прагматоним, эргоним, структурные признаки, семантические признаки, культурный код

PERIPHERAL ONOMASTIKON'S FEATURES OF THE BREST REGION (ON MATERIAL OF PRAGMATONYMS AND ERGONYMS)

Annotation. Results of a complex research of a peripheral onomastikon of the Brest region are presented in article. Structural, semantic and linguoculturological signs of pragmatonyms and ergonyms of the region are considered, the principles and ways of the artificial nomination of advertizing names are defined.

Keywords: peripheral onomastikon, advertizing name, pragmatonym, ergonym, structural signs, semantic signs, cultural code

Интерес исследователей к имени собственному, к проблемам искусственной номинации обусловлен как языковыми, так и внеязыковыми причинами. Ономастическое пространство, выполняя социальный заказ носителей языка, расширяется, новые объекты получают собственные имена. Расширение ономастического пространства требует описания, систематизации, дифференциации и приводит к активному развитию современной периферийной ономастики.

Комплексное исследование периферийного ономастикона Брестской области – прагматонимии и эргонимии – позволило установить принципы и способы номинации продовольственных/непродовольственных товаров и деловых объединений людей; выявить структурные и семантические признаки праг-

матонимов и эргонимов региона; объективировать лингвокультурологическую информацию, заключенную в именах собственных.

Объектом научного изучения выбран обширный ономастический материал – искусственные номинации следующих тематических групп эргонимов (деловые объединения людей – номинации физкультурно-оздоровительных, культурно-развлекательных, досугово-рекреационных учреждений, объектов общественного питания, бытового обслуживания, торговых (продовольственных) предприятий, туристических организаций, агороусадеб, творческих коллективов и объединений) и прагматонимов (а) продовольственные товары – наименования рыбной, консервированной плодоовощной продукции, молочных продуктов, хлебобулочных изделий, алкогольных и безалкогольных напитков, выпускаемых производителями Брестской области; б) непродовольственные товары – наименования мебели, товаров бытовой химии, игрушек, текстильных изделий, производимых на Брестчине).

Эргонимы региона. Структурный анализ эргонимов Брестчины показал, что среди названий деловых объединений людей выявляются два типа, соотносимых с искусственными номинациями других видов рекламных имен: 1) включающие только номенклатурную часть; такие эргонимы называют объекты государственного подчинения или объекты, находящиеся в собственности какой-либо организации; 2) имеющие номенклатурную и проприальную группы. В составе номенклатурной группы, кроме идентификатора учреждения (*салон, спортзал, парикмахерская, турфирма* и др.), часто используется квалификатор, уточняющий специализацию объекта, характеризующий выгоду для потребителя услуг, определяющий целевую группу, называющий владельца заведения. Номенклатурный термин эргонимов может быть представлен как аббревиатурой, так и развернутым словосочетанием. В структурном плане проприальная часть эргонимов Брестчины характеризуется однокомпонентными (*спортивный комплекс с бассейном «Дельфин», фитнес-клубы «Энергия», «Step-touch», SPA-studio «Aquarius», ООО «Мармур»* и др.), двухкомпонентными и многокомпонентными номинациями различных структурных типов и моделей, в составе которых представлены единицы разных языковых уровней: лексемы, словосочетания, предложения (*фитнес-клубы «Green crocodile», «Фабрика тела», магазин «Продукты по низким ценам», кофейня «Лаборатория кофе», турагентство «Каляровая вандроўка», турфирма «Спутник Полесья», фитнес-студия «Я НА FITNESS», туристическая компания «Vandruj.by», турагентство «Слетать.ру»* и др.). Наиболее продуктивны «номинативно-генитивная» и «адъективно-номинативная» модели.

В аспекте языковой принадлежности, как видно из приведенных выше примеров, проприальная часть эргонимов Брестчины делится на 3 группы: 1) русскоязычные 2) иноязычные; 3) смешанного типа (образованные способом гибридации). Среди заимствованных номинаций преобладают англоязычные, что в целом отражает процесс глобализации в коммерческом нейминге.

Способы номинации учреждений и организаций Брестчины делятся на первичные и вторичные. Первичные, собственно словообразовательные, способы представлены узуальными (типовыми) моделями, чаще всего суффиксальными, а также окказиональными моделями в их разновидностях (капитализация, инициализация, контаминация, гибридация, смешанные модели). Наиболее продуктивны в создании рекламных имен деловых объединений людей региона

вторичные способы эргонеологии: лексико-семантический в таких разновидностях как онимизация (*кинотеатр «Звезда», бассейн «Дельфин», «Чайка», учебно-спортивный комплекс «Старт», банно-оздоровительный комплекс «Пещера», туристическая компания «Отпуск»*), трансонимизация (*санатории «Алеся», «Ясельда», «Белая Вежа», «Буг», детский развивающий центр «Аленка», «Маруся»* и др.), заимствование в кириллическом и латинском графических вариантах (*фитнес-центр «Flash», СПА-салон «Golden Line», SPA-studio «Aquarius», СПА-салон красоты «Bonjour», студия «Хатха-йога», центр детского развития «Хэппи Фоксис», школа для детей, подростков и взрослых «Му IT»* и др.) и лексико-синтаксический способ образования рекламных имен на базе сочетаний слов или предикативных единиц (*пункт проката «Третья рука», свадебный салон «Мечта невест», рынок «Старый город», магазин «Сладкий уголок», ГУСУ «ДЮСШ по хоккею и фигурному катанию» г. Барановичи, кафе «На углу холостяков», пиццерия «У Зевса»* и др.) [1, с. 80].

Эргонимы Брестчины отличаются неоднородностью, вариативностью структурной организации, способов номинации, что позволяет вербализовать разнообразные ситуации называния в ониме, реализовать его функции (номинативную, информативную, рекламную, эстетическую). Эргонимы региона репрезентируют черты, свойственные современному лингвомаркетингу в целом: стремление к компактности имени, диалогизации (прямое / косвенное обращение к потенциальному клиенту, к его фоновым знаниям, прецедентным феноменам); демонстрируют интернационализацию, ориентацию на деавтоматизацию восприятия онима, установку на положительную оценку именуемого объекта. Отражают основные тенденции современной эргонеологии: с одной стороны, следование существующим с советского периода стандартам в номинации рекламных имен (названия объектов государственного подчинения); с другой стороны, ориентацию на сложившуюся в мировом нейминге тенденцию лингвокреации (названия объектов, находящихся в частной собственности).

Изучение плана содержания эргонимов на основе анализа их мотивировочного значения и соотнесенности мотивом с денотатом позволило установить, что онимические компоненты анализируемых групп рекламных имен учреждений, функционирующих на Брестчине, по семантическому мотивировочному признаку делятся на три типа: 1) идентифицирующие, т. е. прямо отражающие объективные характеристики денотата – профиль, назначение, сферу оказываемых услуг (*павильон «Хлебная лавка», магазин «Продукты», мастерская «Ювелир», свадебный салон «Невеста Люкс», турагентство «Турсервис-Альфа»*); 2) образные, условно-символические, опосредованно, на основе ассоциативной связи отражающие признаки именуемого объекта (*тренажерные залы «Брутто», фитнес-клуб «Волат», магазин «Смак»; павильон «Слодыч», турагентство «SunnyTravel»* и др.); 3) фантазийные, символические, не отражающие характеристик денотата (*ритуальное предприятие «Добрая услуга», салон-спа «Елена», турфирма «Феникс», салон красоты «Мелисса»* и др.). Анализ лексем-экспликаторов, положенных в основу номинаций, показал, что каждая тематическая группа эргонимов характеризуется набором определенных мотивировочных зон. Например, в кругу названий физкультурно-оздоровительных объектов Брестчины установлено пять основных мотивировочных зон, которые являются «донорскими» для проприальной части эргонимов: ‘водная стихия’: ГУ «ДЮСШ по

плаванию «Дельфин», плавательный бассейн «Нептун», Спортивный комплекс «Волна», клуб по плаванию «АкваСтар» и др.; ‘физическое состояние’: тренажерные залы «Брутто», фитнес-клуб «Волат», спортивный комплекс «Атлант», ЧУП «Атлетичный», фитнес-клубы «Энергия», «Адреналин», тренажерный зал «Endorfin», ФОУ «Спортивный комплекс “Бодрость”» и др.; ‘жизненные ценности’: Лунинецкий районный физкультурно-спортивный клуб «Здоровье», школа фитнеса «Healthy style», «Здоровая Семья» массажно-оздоровительный центр ЧУП «Магия Здоровья» и др. ‘спорт’: «Спарт» учебно-спортивный комплекс Брестского Областного спортклуба Учреждение ФПБ, тренажерный зал «ОЛИМП», спортивный клуб «City Gym»; ‘двигательная активность’: школы и студии танцев «Rise Dance», «JUMP», «MAY DANCE STUDIO» [2, с.186].

Семантическая специфика названий исследованных объектов, номинативные типы эргонимов, принципы номинации обусловлены субъективными (маркетинговые стратегии и предпочтения номинаторов, «языковой вкус» времени) и объективными факторами (существующими возможностями языковой системы в области эргонеологии).

Прагматонимы региона: рекламные имена продовольственных и непродовольственных товаров. Ведущими принципами номинации продовольственных товаров Брестчины являются условно-символический (рыбная продукция), оттопонимический и условно-символический (консервированная плодоовощная продукция, хлебобулочные изделия), отантропонимический, условно-символический и символический (молочная продукция, алкогольные и безалкогольные напитки). Определение принципов номинации позволило вывести некоторые правила и закономерности, которым подчиняется процесс именования: 1) прагматонимы региона чаще всего репрезентируют вторичную номинацию на основе онимизации и трансонимизации; 2) в номинации прагматонимов используются как узуальные, так и окказиональные способы словообразования; 3) каждый из разрядов прагматонимов имеет специфику в способах словообразования, например, отадресатные молочные продукты тяготеют к нетиповым способам словообразования, а номинации консервной плодоовощной продукции, наоборот, стандартизированы. .

В структурном аспекте установлено, что маркировка ряда молочных, рыбных, консервированных плодоовощных продуктов представляет собой сложный апеллятивно-онимический комплекс, включающий номенклатурную группу, «индивидуальную» проприальную группу, общую проприальную группу – торговую марку (для серии товаров производителя) и товарный знак предприятия. Высокая степень стандартизованности и традиционности наименований характерна для плодоовощной продукции Брестчины. Это обусловлено требованиями СТБ, допускающими использование индивидуальных фантазийных названий только при условии поликомпонентного состава продукта. Структурная инвариантная модель названий плодоовощной продукции региона («номенклатурный термин + проприальная часть (оним-адъектив)») и допускает ряд модификаций [3, с.214]. В номинировании рыбной и плодоовощной продукции проявляется повторяемость торговой марки в названиях разных видов продуктов, что позволяет реализовать номинативно-дифференцирующую функцию прагматонимов и дает возможность производителю закрепить в искусственной номинации право собственности на определенный вид выпускаемой продукции. Прагматонимы,

называющие молочную продукцию, охарактеризуются поликомпонентностью их лексической структуры: первый компонент – проприальная группа, которая выступает базой прагматонима и выражает его основное значение; второй компонент – номенклатурная группа, которая является носителем важнейшей категориальной информации, выполняет функцию введения в ряд; между двумя компонентами возможно размывание границ. Номенклатурная группа жестко регламентирована СТБ, другими нормативными документами в области производства продовольственных товаров. В структуре данного компонента прагматонима выделяются идентификатор и квалификатор. На упаковке ряда молочных продуктов появляется целый «заголовочный комплекс» [4, с.9].

Искусственные номинации иллюстрирует общие закономерности ономастической системы современных русского и белорусского языков, их лексических уровней в целом и специфические черты прагматонимов, имен товаров определенного класса. Общим свойством всех исследованных групп продовольственных товаров Брестчины является использование традиционных для лингвомаркетинга мотивов с положительной коннотацией. Наличие в составе проприальной и номенклатурной частей искусственных номинаций оценочной лексики способствует созданию положительного образа продукта и служит реализации рекламной и аттрактивной функций. Характерной чертой наименований продовольственных товаров Брестчины является отражение в их семантике национально-культурного и регионального компонентов, например, в названиях консервированной плодоовощной продукции: салаты «**Брестский**», «**Горынский**», закуска «**Полесская**», соус томатный «**Полесский**»; национальные наименования содержат отсылку к топонимическим или гидронимическим объектам Беларуси: салат «**Белорусский**», «**Нёманский**», салат овощной «**Нарочанский**», соус томатный «**Минский классический**» и др.

Анализ структурно-семантических характеристик прагматонимов – искусственных наименований непродовольственных товаров региона (мебели, товаров бытовой химии, игрушек, текстильных изделий) выявил такие особенности их структуры, как традиционность строения, поликомпонентность структуры, разнообразие структурных моделей проприальной группы. В результате структурной детализации прагматонима возникает номинативный комплекс, объединяющий серийное и индивидуальное названия. Например, различаются следующие модели прагматонимов по типу строения проприальной части: однокомпонентная субстантивная (угловой диван «**Валентина**», бязь «**Скарбніца**»), двухкомпонентная субстантивно-нумеративная (угловой диван «**Изабель 2**», велосипед трехколесный «**Дидактик № 2**»), двухкомпонентная адъективно-субстантивная (ополаскиватель для белья «**Зимняя свежесть**»), двухкомпонентная генитивная (средство чистящее универсальное «**Магия чистоты**»; мыло жидкое «**Мелодии природы**»), предикативная (репеллент «**Атас!**», «**Айсберг. Триумф**») и др.

Семантические особенности рекламных имен непродовольственных товаров характеризуются комплексом семантических признаков, являющихся мотивировочными в искусственных номинациях исследуемых тематических групп прагматонимов, таких как «назначение», «целевая аудитория», «цвет», «антропоним», и индивидуальные мотивемы, характерные для каждого вида прагматонимов. Положительным фактором лингвомаркетинга является стремление производителей предприятия использовать в названиях, лексику белорусского языка или номинации, отражающие белорусские национальные мотивы,

например, в номинациях текстильных изделий: *бязь «Валошкі», «Скарбніца», «Вясёлка», поплин «Лілея», полотенца с вышивкой «Водар кавы», «Купалинка», «Велес», ткань х/б «Моя Беларусь»* и др.).

Лингвокультурологический компонент прагматонимов и эргонимов. Произведена целевая выборка рекламных имен, содержащих культурологическую информацию. Прагматонимы и эргонимы репрезентируют многовекторную информацию о называемых товарах, объектах и услугах и отражают социальные и культурные ценности, демонстрирует связь языка и мировой, национальной, региональной культуры, идентифицируют различные символы, метафоры культуры, апеллируют к фоновым знаниям номинаторов и адресатов. Культурно маркированные прагматонимы и эргонимы Брестчины дифференцируются с учетом степени известности мотивировочного признака проприальной части (универсально-прецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные); источника прецедентности (мифология, религия, фольклор, художественная литература, различные виды искусства, спорт, реклама, фразеология и др.); типа разноуровневых вербальных и невербальных единиц, положенных в основу номинации (прецедентные имена, высказывания, ситуации). Анализ периферийного ономастикона Брестчины показал, что в проприальной части прагматонимов и эргонимов закодирована культурно значимая информация, объективирующая комплекс культурных кодов: биоморфного (фитоморфного и зооморфного: *бязь «Подсолнухи», «Гортензия», поплин «Вьюнок», кухонные полотенца «Лаванда»; народные фольклорно-этнографические коллективы «Васілёчак», «Жураўка», «Верасіна», «Каліна», детский лагерь отдыха «Журавушка», детский развивающий центр «Умка», центр ремонтно-бытовых услуг «Муравей», сеть магазинов «Буслік»), антопоморфного (кухня «Алеся», гостиная «Оливия», диван «София Т1», гостиная «Наталья», спальни «Александра», «Ангелина», лаки для волос «Прелестная леди», «Брестчанка», паста моющая для рук «Автомастер», серии косметики «Gentleman», «Harry Baby», настойка горькая «Белавежскі волат», водка «Белорусочка», «Дипломат Люкс» и др.), топоморфного (спальня «Венето» (слоновая кость), кресло «Бергамо», спальня «Верона», кровать двойная «Эллада», угловой диван «Барселона» и др.), предметного (фотоцентр «Снимок», студия маникюра «Ноготок», булочка «Изюминка» и др.), ландшафтного (хлеб «Просторы Нарочи», универсам «Восток», кафе «Закуток», гриль-бар «Поляна» и др.), космографического (сладость мучная колечко «Облачко», батон «Сонейка», стиральный порошок «Айсберг», магазин «Меркурий», ансамбль народного танца «Праменьчык» и др.), темпорального (хлеб «Золотая осень», торт «Магия утра», пряники «Полночь», средство для чистки стекол «Секунда-экстра Зеленое яблоко», сеть магазинов «7 дней», кафе «Таймс»/«Times»; народный ансамбль народной песни «Заранак» и др.), акционального (мороженое «Большой соблазн», торт «Шоколадный поцелуй», сайка «Укрепляй-ка», полироль для мебели «Сияние», магазин разливного пива «Для рывка», творческая мастерская «И не порвется нить...» и др.), духовного (клуб любителей инструментальной музыки «Гармония», народный клуб национальных культур «Садружнасць», клуб любителей фольклора «Жывая вада», ансамбль народной песни «Спадчына») и др. В искусственных номинациях проанализированных тематических групп прагматонимов и эргонимов наблюдается разная степень семиотизации куль-*

турных кодов. Номинаторы отдают предпочтение рекламным именам, вербализующим антропоморфный, биоморфный, топоморфный, предметный, космографический и духовный коды культуры. Культурная значимость имени собственного увеличивается за счет вторичных смысловых оттенков, наложения культурных кодов друг на друга [5, с.86].

Искусственные номинации объективируют национально-культурный компонент. Языковой материал подтверждает наблюдения о локализации национально-культурного компонента на разных уровнях семантической структуры онима: и на уровне денотата, и на уровне коннотата. Тенденция использовать в номинациях национальный язык и национально-культурные мотивы отражена в некоторой части творческих коллективов Брестчины и характеризует маркетинговую политику ряда предприятий области. Белорусско- и русскоязычные наименования товаров и услуг от производителей Брестчины отражают национальные и региональные реалии, значимые для культуры и национальной идентификации белорусов. В процессе нейминга используется прагматический потенциал белорусского языка, белорусские национально-культурные мотивы, образы, мифологемы, лингвокультуремы, поэтонимы. Выделено несколько групп национально-маркированных онимов: 1) белорусскоязычные (малочисленные по разным причинам: экстраполяция на ономастикон языковой ситуации в Брестском регионе, в стране в целом; ориентация значительного объема производимой продукции на экспорт): *молоко «Раніца», масло «Расінка», сыр «Сметанковы экстра», магазин «Крама разліўнога піва», торговый павільён «Хлебны куток-1», кафе «Сваякі», народный хор ветеранов «Крыштальныя крыніцы», образцовая студия «Папярковыя дзівосы», народный ансамбль народной песни «Вяскоўцы», клуб мастеров народного творчества «Суквецце»* и др.); 2) отсылающие к национально-прецедентным феноменам (*печенье «Паўлінка», кафе «Нестерка»* и нек. др.); 3) отсылающие к ономастикону Брестчины, Беларуси: к топонимам, оттопонимным дериватам (*сыр плавленый «Барановичский», «Кобринский», «Белорусское золото», биосметана «Остромечевские просторы», мыло жидкое «Белафлор. Алоэ», фирменный магазин «Берестье»* и др.); антропонимам (*фирменный магазин «Ян», фирменная секция «Яночка», кафе «У Василя»* и др.); 4) отсылающие к апелляциям, называющим персонажей, реалии материальной и духовной жизни Брестского региона, Беларуси, местной природы (*хлеб «Толока», бисквит «Пралеска», торт «Папараць-кветка», женская вокальная группа «Вечарынка», клуб любителей фольклора «Вясковая табала», образцовый хор мальчиков «Пеўнікі», детский фольклорный коллектив «Жаўручкі», образцовое фольклорное объединение «Белавежская цявінка»* и др.).

Среди имен собственных, отражающих белорусскую национальную лингвокультуру, наиболее репрезентативны номинации творческих коллективов Брестчины, агроусадеб, алкогольной продукции, текстильных изделий, консервированной плодоовощной продукции. Наличие белорусского национально-культурного компонента в искусственных номинациях Брестчины объясняется тенденцией к белорусизации рекламной деятельности, популяризации национального культурного наследия. Изучение роли национальной культуры в процессе нейминга позволяет составить представление о культурной ментальности белорусов, о том, какие именно ценности привлекают номинаторов и потребителей товаров и услуг региона.

Список использованной литературы

1. Годуйко, Л. А. Структурная организация и способы образования эргоурбонимов Брестчины / Л. А. Годуйко, О. Б. Переход // Весн. Брэсц. ун-та. Сер.3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – № 2. – 2020. – С. 77–86.
2. Переход, О. Б. Эргонимия Брестчины (на материале номинаций физкультурно-оздоровительных учреждений) / О. Б. Переход // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: М. И. Конюшкевич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 184–188.
3. Переход, О. Б. Особенности структуры прагматонимов (на материале плодоовощной продукции Брестчины) / О. Б. Переход // Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике российско-белорусско-украинского пограничья: материалы междунар. науч. конф., Новозыбков, Брянск. обл., 25–26 окт. 2016 г. / Брянск. гос. ун-т им. И. Г. Петровского ; под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Новозыбков : Новозыбковская типография, 2016. – С. 211–217.
4. Годуйко, Л. А. Названия молочных продуктов Брестчины как ономастическая микросистема / Л. А. Годуйко // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – № 2. – 2016. – С. 5–14.
5. Переход, О. Б. Вербализация культурных кодов в прагматонимии и эргонимии Брестчины / О. Б. Переход // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – №1. – 2019. – С. 79–89.

С.Р. Рачэўскі (*г. Брэст, Рэспубліка Беларусь*)
S. G. Rachevsky (*Brest, Republic of Belarus*)

УДК 811.161

АСАБЛІВАСЦІ І ЛЁС МОВЫ РОДНАЙ ВЁСКИ

Анотацыя. У артыкуле раскрываюцца асобныя характэрныя рысы і асаблівасці развіцця мовы роднай вёскі аўтара.

Ключавыя словы: фанетыка, лексічны склад, антрапаніміка, гаворка.

FEATURES AND FATE OF THE NATIVE VILLAGE LANGUAGE

Annotation. The article reveals individual features and specificities of the development of the language of the author's native village.

Key words: phonetics, lexical composition, anthroponimic, patois.

Мова вёскі Дзераўная ў сваіх асновах амаль цалкам супала з асноўнымі рысамі літаратурнай беларускай мовы, унармаваная мова адлюстравала не адну асаблівасць вясковага маўлення, блізкага да цэнтральных гаворак Беларусі. Узяць хоць бы фанетыку: у пачатковых класах на ўроках беларускага чытання настаўнік рэдка выпраўляў вымаўленне. Бо якраз так, як гэта зафіксавалася ў арфаэпічнай норме, дзеці гаварылі дома і на вуліцы: дзекалі і цекалі, вымаўлялі, не задумваючыся, шыпячыя, **ц** і **р** як зацвярдзелыя, перадавалі асіміляцыю зычных, пераход **в** і **д** у **ў** нескладовае, і гэта было як дыхаць, глядзець, хадзіць. Былі, праўда, і адступленні, напрыклад ад паслядоўнага акання. Ненаціскае адмоўе, скажам, перадавалася так: *ні ведаю, нідобра, нікепскі* (Аўт.- тут і далей моўныя адзінкі падаюцца фанетычным напісаннем) Канцавое **а** (**я**) ў многіх прыслоўях гучала насуперак норме, нязвыкла: *доўго, спакойно, мало, далёко, цёпло*. Тое ж назіралася і ў канчатках асобных назоўнікаў (*Віцё, моро, цётко, сонцо*), у некаторых дзеяслоўных формах (*наеўсё, наваліўсё, зазнаўсё, баюсё*). Дзераўнянцы па-свойму вымаўлялі канчатак назоўнікаў мужчынскага роду множнага ліку: *лясэ, крыжэ, баравіке*, але *самалёты, клёны, суседзі*. Не пасябралі яны з фанетычным падаўжэннем: гаварылі *куця* (замест куцця), *раля* (ралля), *плацё* (плацце), *пустазелё* (пустазелле), *багацё* (багацце), *вясёлё* (вяселле), *галасаванё* (галасаванне). А яшчэ ў Дзераўной адметна (праўда, не ва ўсіх словах) вымаўлялі націскны галосны **о** (**ё**): лабіялізацыя (акругленне выцягнутых губ) была невыразная, гук у словах *косьць, коўдра, конь, доўго, помніць* успрымаўся як нешта сярэдняе паміж **о** і **у**. Прыкрыта, невыразна гучаў ён і ў словах *песня, мел, недзя, лепш* і іншых – не так чыста, як у словах *гэто, першы, вечар*.

Што да лексічнага складу, то, як і па ўсёй Беларусі, яго асновай сталі словы агульнаславянскага і ўсходнеславянскага паходжання, вялікі пласт склалі словы ўласнабеларускія. Лесікон Дзераўной стагоддзямі папаўняўся іншамоўнымі словамі, яны станавіліся натуральным элементам паўсядзённых зносін, асабліва – паланізмы: *прэнтко* (хутка), *загарак* (гадзіннік), *ксьёніка* (кніжка), *вяндліна* (падсоленая мяса) *валіска* (чамадан). Нямала было ў гэтым лексіконе рускамоўных слоў: пры разліку грашыма гаварылі *здача*, а не *рэшта*, замест *вёска* ўсё часцей сталі ўжываць рускамоўнае *дзярэўня*; рускае *абоі* выцеснілі беларускае *шпалеры*, а *ачкі* замянілі беларускае *акуляры*; *стужка* стала *лентай*; капалі *картофлю*, а не *бульбу*; замест *рэч* гаварылі *вешч*; *арэлі* сталі *качэлямі*, а *бялізна* – *бяльём*, *настаўніца* – *вучыцелькай*. Моцна ўрасла у свядомасць і маўленне дзераўнянцаў вайсковая лексіка: *пальгон, танк, снарат, патрон, гільза, мішэнь, акон, самалёт, вярталёт, ракета, узрыў, салдат, камандзір, часць*. Яно і не дзіва: Дзераўная пасля вайны з поўдня і поўначы стала межаваць з вялізнымі тэрыторыямі для вучэнняў, збораў танкістаў і лётчыкаў, вайсковая лексіка была і своеасаблівым рэхам мінулай вайны.

Як помніца, жанчыны ў Дзераўной ўмелі вырошчваць лён, любілі ткаць, ў хатах гучалі словы *кросны* (ручны ткацкі станок), *бёрда, уток* (часткі станка), *посьцілка, палавік* (вырабы ткацтва), *кужаль* (палатно з нітак лёну), *калаўрот* (прыстасаванне для намотвання нітак), *трапло* (прыстасаванне для апрацоўкі лёну).

У многіх з'яў і паняццяў былі дыялектныя найменні: *кудаса* (мяцеліца), *патарбак* (партсігар, табакерка), *дзялка* (надзел зямлі, замацаваны за калгаснікам для вырошчвання сельскагаспадарчых раслін), *пасак* (пояс), *паска* (палоска),

байструк (дзіця, народжанае па-за шлюбам), *кузака* (маленькі жучок), *дрында* (блізкае да санак прыстасаванне з тоўстага дроту для коўзання з горкі), *тарпатына* (шкіпінар), *бэбах* (надта вялікі жывот), *стаўбун* (чалавек з выцягнутай уверх, эліпсападобнай галавой), *маталёха* (пахлёбка), *бонда* (праснак), *чамяргес* (гарэлка), *скочка* (блыха), *барукацца* (змагацца адзін з адным), *абірычыць* (коратка падстрыгчы), *уходжвацца* (даглядаць хатнюю гаспадарку, карміць жывёл), *гізуюць* (хутка бягуць каровы, пакусаныя аваднямі), *благі* (худы), *лядакі* (непаслухмяны).

Не так часта, але ўжываліся ў вёсцы пад Баранавічамі фразеалагізмы: *дух заняло* (перапынілася дыханне), *уеўсё ў косці* (надакучыў), *на прамілы бог* (вельмі), *віламі па вадзе пісана* (няцвёрда, ненадзейна), *як карова языком злізала* (знікла), *даць рады* (справіцца з чым-небудзь), *як адрэзала* (рэзка скончылася), *жылы цягнуць* (патрабаваць, прасіць), *памяняць быка на індыка* (выбраць горшае). Цікавая прырода ў мясцовага фразеалагізма *панесці за Музыканта* (пахавець): Музыкант – мянушка жыхара, за хатай якога пачыналіся могілкі. Толькі апісальна можна вытлумачыць значэнне фраземы *браць на кромы*: звычайна гэтым словазлучэннем выражаўся працэс падсадкі стомленага дзіцяці на плечы дарослага, пры гэтым дзіця абдымала чалавека за шыю, каб не зваліцца; *кромы* асэнсоўваліся як плечы.

Мова вёскі Дзераўная адлюстравала і некалькі множналікавых і адзіночналікавых назоўнікаў: баліць пад *грудзямі*, у яго валасатыя *грудзі*;

зачыні *дзверы*, бразнуў *дзвярыма*; высахло *чарніло*, заліў *цітраць чарнілам*. Сустрэкалася і разыходжанне катэгорыі роду пры параўнанні нашых слоў з рускамоўнымі: мяжа зарасла *палыном*; намяло *пылу* з вуліцы; хваліўсё новым *шынялём*. Казалі: спело *яблыко*, а не *яблык*.

Чуліся і гукапераймальныя словы: даглядаючы гаспадарку, жыхары вымаўлялі *гыля!* (адганяючы гусей), *аўсь!* (адганяючы свіней), *чкыра!* (падганяючы авечак).

Калі паказвалі, колькі чаго ёсць, казалі *таквеля*. Калі пагаджаліся, часта гаварылі *ноля* (успрымаецца яно як злітыя *ну* і *але*). Калі казалі пра падабенства дзіцяці да аднаго з дарослых, ужывалі слова *рыхтык* (ням. *richtig* – правільна): *ну рыхтык бацько!* Ацэньваючы адносіны да працы як гультайскія, часта ўжывалі слова з арыгінальным суфіксам: ну і *гультаіско!*

Непаслухмянае дзіця чула ад дарослых абуранае *от жаба!* (маецца на ўвазе: такое малое, а не слухае старэйшых, спрачаецца). Характарыстыка блізкіх да дурасці паводзін зводзілася да зневажальнага назоўніка *адурысь*. Ацэнка нечаканага, незвычайнага ўвасобілася у выслоўі *цуд (дзіва) дыг годзе*. Засцерагальнае *не дай божа* часта замянялася польскім *брунь божа*.

З маленства дзяцей у Дзераўной прывучалі гаварыць пры сустрэчах з людзьмі ці з такімі, як сам, *дзень добры!*, а дзякаваць – польскамоўным *дзінкуя!* Пазней такія формы маўленчага этыкету замяніліся на рускамоўныя *здрастуйця!* і *спасіба!* Вітаючыся з чалавекам, занятым працай, абавязкова казалі *Бох помач!*, і ў адказ найчасцей чулася *Казаў Бох, кап сам памох!* Кляліся ў чым-небудзь кароткім *дальбох*, ужывалі і разгорнутае *Каб мне з гэтаго месца ні ўстаць!*

У дыялогах рэплікі-просьбы падмацоўваліся кароткім пыталым *га: купіш, га?; пойдзем, га?; пазычыш, га?; : будзьяш ці ні будзьяш?; чуяш ці ні чуяш?; дасі ці ні дасі?* Гаворачы пра чысціню колеру, ужывалі побач з прыметнікам слова *спрэс: спрэс сіня* (цалкам сіняя), *спрэс бурачковы* (увесь бурачковы).

З жаночых вуснаў часта зляталі звароткі, напоўненыя пяшчотай як да малых, так і да дарослых: *мой ты галубок; а маё ты золатко; мая ш ты любачка*. Праяўлялася, асабліва у жанчын сталага веку, супрацьлеглая схільнасць – да праклёнаў: *каб ты смалы напіўсё; ні, кап ты захлыснуўсё* (у адносінах да выпівохі); *каб на табе скура курэла* (калі што-небудзь загаралася ад непатушанага акурка). Прыказкі і прымаўкі ўжываліся, але нячаста: *сыты галоднаму ні спагада; голы збірайся – голы гатоў; на каго Бох, на таго і людзі*.

Тапанімічныя аб'екты ў Дзераўной, як, напрыклад, лес, мелі найчасцей матываваныя назвы: *Старынка* (стары сасновы лес), *Глінішча* (лес з залежамі гліны), *Жарабілаўскі* (лес, за якім пачынаецца вёска Жарабілавічы). Вуліца, на якой пабудаваўся бацька, чамусьці атрымала назву ў множным ліку *Брадоўскія*, што – рэдкасць. Магчыма, першыя жыхары, што пабудаваліся бліз ракі, знайшлі і лёгка пераходзілі брод, магчыма, такім было прозвішча першага тут пасяленца. Яшчэ адна вуліца ўздоўж ракі, на другім беразе, называлася *Забалото*: яна выходзіла агародамі на шырокі поплаў, які ў вёсцы абазначаўся словам *балото*. Вуліца, што выцягнулася на паўночны ўсход, на Баранавічы, атрымала назву *Бутрымкі*: тут калісьці жыло нямала людзей з прозвішчам *Бутрым*. Вуліца, выбудаваная на поўдзень, у напрамку палігона, называлася *Сяло*, і там жыло найбольш праваслаўных вернікаў.

У вёсцы не скупіліся на мянушкі, але не было ў гэтай, яшчэ адной, легалізацыі асобы нічога здзеклівага, зневажальнага: *Мікат* (носьбіт – Міхась), *Банэдык* (носьбіт – Бенедзікт), *Абгарак* (магчыма, продкі перажылі пажар), *Чаркес* (паставай і тварам падобны да горца), *Савэрачка* (бацькава імя – Ксаверый), *Нагорнішка* (жыла ў хаце на прыгорку і мела прозвішча Нагорная), *Сівы* (яе сын з надта светлымі валасамі), *Польчынка* (сын Полі), *Музыкант* (сярод продкаў быў ладны музыка), *Нямко* (нямы ад нараджэння), *Штандар* (магчыма, быў у войску сцяганосцам), *Цыганка* (чарнавалосая жанчына, курыла трубку), *Тапэрачка* – жанчына, якая часта ўжывала слова *цяперака* (цяпер).

Аж да 60-х гадоў 20 стагоддзя Дзераўная характарызавалася як вёска з арыгінальнай антрапанімікай, сваёй эстэтыкай іменавання. Тут перасякліся дзве традыцыі: праваслаўныя вернікі давалі дзецям імёны візантыйскія хрысціянскія (*Іван, Міхаіл, Пётр, Ганна, Алёна, Кацярына*), старажытнарускія (*Уладзімір, Вера, Надзея, Любоў*); людзі каталіцкай веры арыентаваліся на імёны, запазычаныя з заходнеславянскіх і паўднёvasлавянскіх краін (*Франц, Фелікс, Антон, Стафан, Ванда, Элеанора, Караліна, Ганарата, Сарафіна* (магчыма, перайначанае *Серафіма*)). Сялянамі часта выбіраліся імёны рэдкія, прэтэнцыёзныя: *Генавефа, Адальфіна, Фелумена, Франка, Феліцата, Леакадзія, Люцыян, Генрых, Зігмунд, Зіновій, Рычард, Альфрэд*; успамінаецца і арыгінальнае імя *Графіня* (магчыма, ад *Еўграфія*). Дзед аўтара таксама насіў рэдкае імя *Каятан*, а адну з стрыечных сясцёр называлі *Схоля* (поўная форма - *Схаластыка*). Гэтае выключнае імя і сёння, яго не адшукаць у шматлікіх слоўніках імёнаў розных краін. Магчыма, яно мае адносіны да слова *scholastikus*: ім старажытныя грэкі абазначалі чалавека вучонага ці школьніка. Відаць, такой бацькі хацелі бачыць дачушку.

Побач з поўнымі афіцыйнымі (дакументальнымі) імёнамі актыўна ўжываліся ў Дзераўной размоўныя усечаныя іх формы, часта з увасобленай пяшчотай называння асобы: *Антак – Анцік – Антусь – Антось* (Антон); *Вацак –*

Вацё – Вацінко (Вацлаў); Валяк – Валё – Валюсь (Валянцін); Маняк – Манюсь (Мар’ян); Вінак – Вінуць (Вінцэнт); Рысік – Рысё (Рычард); Метак – Мецё (Мечыслаў); Тадзік – Тадзё (Тадэвуш); Фэлько – Фэлё (Фелікс); Зэнак – Зэнё (Зенон); Гэндрык (Генрых); Фрэдзё (Альфрэд); Зыгмусь (Зігмунд, Сігізмунд); Франак (Франц); Гандзя – Аня (Ганна); Франя (Франка); Біня (Альбіна); Казя (Казіміра); Кася (Кацярына); Адольця (Адальфіна); Юся (Юсціна); Юзя (Юзэфа); Люця (Люцына); Ваця (Вацлава); Фэля (Фелікса); Рузя (Рузалія, Разалія); Ганорка (Ганарата); Стэфка (Сцефаніда); Броня (Браніслава); Цэля (Цэцылія); Лёдзя (Леакадзія).

Адчувальныя змены ў асяроддзі носьбітаў мовы ў Дзераўной і блізкіх да яе вёсках (Жарабілавічы, Сяўрукі, Гінцавічы, Тартакі, Лесіна, Магіляны) пачаліся ў другой палове 50-х гадоў мінулага стагоддзя. Сталі разбудоўвацца Баранавічы, там узводзіліся карпусы прадпрыемстваў лёгкай прамысловасці і машынабудавання, вырас авіяцыйны завод, з’явілася шмат рабочых месцаў. На працу ў горадзе, а не ў калгасе ўладкоўвалася вясковае моладзь, яна прывозіла дадому і актыўна ўжывала новыя словы і выразы, асвойвала рускамоўныя, раней не ўласцівыя вясковаму маўленню інтанацыі. Гучала ў вуснах дзяўчат і хлопцаў тое рускае слова з жудасным акцэнтам: *зачэм* (зачем), *прэлясьць* (прелесть), *зря* (зря), *чотка* (чэтка), *жэнічына* (жэнщина), *пафтарая* (повторяю), *ваапшчэ* (вообще), *фперот* (вперёд), *гаварыт* (говорит), *барба* (борьба). Саромеліся загаворваць па-руску толькі старыя людзі, і на пытанні вайскоўцаў, што прыходзілі з гарадка (*Не скажэце, у кого можна купіць сметаны? ; Гдзе тут у вас, бабуся, переходят речку?*) звычайна адказвалі на роднай мове.

Далі сябе знаць штодзённыя стасункі з насельніцтвам вайсковага гарадка: вясковыя жанчыны нянчылі там дзяцей, былі прыбіральшчыцамі, работніцамі сталоўкі, прачкамі і таксама, як і моладзь, не цураліся гаварыць нібыта па-руску, хоць маўленчы апарат так і не прызвычаіўся да інакшага вымаўлення многіх гукаў і іх спалучэнняў. У мясцовую васьмігодку ўсё часцей прымаліся на вучобу дзеці ваеннаслужачых, а яны адказвалі на занятках толькі па-руску, ад вывучэння беларускай мовы вызваліліся. Большасць настаўнікаў былі баранавіцкімі жыхарамі, выкладалі прадметы таксама па-руску.

Для соцень маладых, што павыходзілі з вёскі, а тым болей для іх дзетак, вечныя каштоўнасці, сярод якіх і звычайка гаварыць па-вясковаму, па-беларуску, паступова сталі засланяцца іншымі інтарэсамі, імператывамі, адзнакамі часу – як сёння: набыццём і продажам тавараў праз Інтэрнэт; магчымасцю працаваць дома, за камп’ютарам, а не ў офісе; фатаграфаваннем сябе, як кажуць, любімага, смартфонам; штодзённым нпаведваннем “Фэйсбука” ці іншай сацыяльнай сеткі; чытаннем чаго-небудзь нескаладанага са шклянкай амерыкано; выбарам адпачынку на самым лепшым замежным узбярэжжы. І добра, што дажылі да такога, але ... многія забыліся на карані свае і на самае дарагое – роднае слова.

Так, лакальная мова Дзераўной, як і ўсе на свеце мовы, сталася як адна з дачок жывой народнай мовы. Са сваёй прыгажосцю, унутранай сілай, самастойнасцю. Яна не падпарадкоўвалася правілам, законам, яе не маглі забараніць, яна, як тая рэчка, сама выбірала, што абысці на сваім шляху, а дзе цячы роўна і спакойна. Хочаш распазнаць, чым адсвечвае яе дно і што адтуль выглядае, – нагніся, паназірай, напруж памяць, распытай людзей, зрабі вывады.

Шчырыя носьбіты роднага слова ў дзяцінстве і юнацтве, мы не уяўлялі, наколькі яно залежыць ад нас, карыстальнікаў, як лёгка можна забрудзіць адвечнае цячэнне мовы, чым нанесці непапраўны ўрон. Не ўяўлялі: наша мова – невымерная стыхія, адна з наважнейшых сіл, што яднае народ, што задае агульны набор паняццяў, якімі трэба карыстацца, каб жыць магутнай талакой...

Дзераўную як малую радзіму пакінула, як і аўтар радкоў, большасць народжаных ў гэтай вёсцы пасля вайны: выхад з вёскі стаў, бадай што вымушаным крокам для моладзі 60-70-х гадоў 20 стагоддзя, якая імкнулася да больш шырокіх і грунтоўных ведаў і новых гарызонтаў асветы і культуры, на прастор шматлікіх прафесій, творчасці, рэалізацыі асобы; хацелася вырацца з той беднасці, з якой ніяк не маглі выбрацца бацькі.

Апраўдае і суцяшае адно: усё-такі сваю прафесійную дзейнасць я звязаў з беларускай мовай, з “сяўбой” беларускага слова ў свядомасці некалькіх пакаленняў школьнікаў, студэнтаў, настаўнікаў, стаў аўтарам і сааўтарам навуковых прац у галіне мовы, шматлікіх вучэбных кніг па беларускай мове і методыцы яе выкладання, набыў дзясяткі паплетнікаў і аднадумцаў, што фарміруюць праз мову нацыянальна свядомых людзей. Можа, гэта і ёсць падзяка мове роднай вёскі: яна ж, услед за бацькамі, дала шанц ЖЫЦЬ.

Я.Р. Самуйлік, А.А. Дацкевіч
(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)
Yaroslau Samuilik, Anton Datskevich
(Brest, the Republic of Belarus)

УДК 811.161.3'28(476.7)

ГАВОРКА ВЁСКІ ЧЭРСК БРЭСЦКАГА РАЁНА: ГІСТОРЫКА-ЛІНГВІСТЫЧНЫ АСПЕКТ

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца асноўныя фанетычныя, марфалагічныя і лексічныя асаблівасці гаворкі вёскі Чэрск Брэсцкага раёна. Акрамя таго, адлюстраваны найбольш значныя факты гісторыі гэтага паселішча, што паўплывалі на фарміраванне мовы яго жыхароў.

Ключавыя словы: гаворка, фанетыка (вакалізм, кансанантызм), марфалогія, лексіка, паўднёвазагародскі дыялектны тып.

THE IERSK VILLAGE DIALECT, BREST REGION: HISTORICAL AND LINGUISTIC ASPECT

Annotation. The article considers the basic phonetic, morphological and lexical peculiarities of the speech of Iersk village in the Brest district. In addition, it reflects the most significant facts of the history of the settlement, which influenced the formation of the language of its inhabitants.

Keywords: speech, phonetics (vocalism, consonantism), morphology, vocabulary, South Zaharoddzie dialect type.

Вёска Чэрск размешчана ў межах Дамачаўскага сельсавета на рацэ Капаеўка, за 56 км на поўдзень ад раённага цэнтра горада Брэста.

Паводле пісьмовых крыніц паселішча ўпершыню згадваецца ў 1527 г. пад назвай Чэрнск. Гэта шляхецкая ўласнасць у складзе аднайменнага маёнтка Берасцейскага павета ВКЛ. Да 1701 г. тут пабудавана ўніяцкая Свята-Міхайлаўская царква. Гістарычна Чэрская парафія ахоплівала суседнія паселішчы Рудню, Кабёлку і Ляплёўку (насельніцтва названых вёсак хавае сваіх памерлых у Чэрску).

У выніку трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай (1795 г.) паселішча апынулася ў складзе Расійскай імперыі. Вёска і аднайменны фальварак уваходзілі ў маёнтка Дамачава, якім валодалі князі Вітгенштэйны. У 1870 г. вёска – цэнтр сельскай грамады. У 1886 г. Чэрск у складзе Дамачаўскай воласці Брэсцкага павета, дзе налічвалася 395 жыхароў і 38 двароў. У гэты час тут існавалі могілкавая капліца, царква і царкоўна-прыходская школа, працавалі піваварня і бровар, саладоўня. Паводле перапісу насельніцтва 1897 г. у Чэрску было 538 жыхароў і 89 двароў, працавалі хлебазапасны магазін, карчма і млын. У 1905 г. вёска і фальварак Чэрск у Дамачаўскай воласці Брэсцкага павета, дзе налічвалася 610 жыхароў.

Паводле Рыжскай мірнай дамовы 1921 г. паселішча адышло да Польшчы. У гэты час тут налічвалася 311 жыхароў і 64 двары. У міжваенны перыяд вёска адносілася да Дамачаўскай гміны Брэсцкага павета Палескага ваяводства.

3 верасня 1939 г. Чэрск у складзе БССР. У 1940 г. у вёсцы налічвалася 520 жыхароў і 135 двароў. У час Вялікай Айчыннай вайны Чэрск – зона дыслакацыі партызанскага атрада імя К.Я. Варашылава. У гады акупацыі фашысты забілі 25 мясцовых жыхароў і знішчылі 35 двароў. На фронце загінула 20 вяскоўцаў, 1 – у партызанах. На 9 лістапада 2020 г. у Чэрску налічвалася 98 жыхароў і 62 гаспадаркі (апошнія статыстычныя даныя па гэтай вёсцы атрыманы ад супрацоўніцы Дамачаўскага сельсавета Жывановіч Людмілы Міхайлаўны) [1, с. 19, 28; 2, с. 95–99, 143, 242; 3, с. 39, 67–71, 116, 338; 4, с. 18, 80–81, 157–159, 188, 340; 5, с. 145–146; 6, с. 18–19, 532, 561; 7, с. 148].

Дыялектны матэрыял у вёсцы Чэрск (мясц. назва: *Черс'к*; жыхары: *чырн'ёны*, *чырн'укы*⁹; *чырн'ук*; *чырн'учка*, *чэрс'ка баба*) быў запісаны аспірантам Інстытута гісторыі НАН Беларусі Дацкевічам Антонам Андрэевічам ад мясцовых жыхароў у розныя перыяды: Ганны Іванаўны Асяюк (1927 г. нар.) у снежні 2018 г., лютым і верасні 2019 г.; Паліны Георгіеўны Цярэшка (1940 г. нар.) у снежні 2018 г., верасні 2019 г.; Мікалая Іванавіча Блыскаша (1933 г. нар.) у сакавіку і верасні 2019 г.; Лідзіі Іванаўны Качалоўскай (1937 г. нар.), Марыі Пракопаўны Навумік (1942 г. нар.) у лістападзе 2019 г.; Ганны Іванаўны Герасімчук (1933 г. нар.), Марыі Нікафараўны Максімук (1937 г. нар.) у студзені 2020 г. Часткі вёскі, пашыраючыся з поўначы на поўдзень, маюць наступныя назвы: *Кунч'ёны*;

⁹ [ɫʲe] – галосны гук, сярэдні паміж [ɫ] і [e].

Сы́л'эны (Сы́ло); *Булун'скы́, Булун'скэ́; Навмыкы́е; Рудныц'ке; Кучуты́е*. Для запісу дыялектнага матэрыялу экспларатарам былі выкарыстаны праграма “Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка” (дапрацаваны варыянт) [8, с. 32–35], “Программа полесского этнолингвистического атласа” [9, с. 21–36], а таксама інтэрв’ю з інфарматарамі (увесь сабраны фактычны матэрыял зафіксаваны ў выглядзе аўдыёзапісаў).

Разгледзім асноўныя фанетычныя, марфалагічныя і лексічныя асаблівасці гаворкі вёскі Чэрск Брэсцкага раёна.

Для даследаванай гаворкі характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [i], [ы], [e], [a], [o], [y]. У першую чаргу адзначым такую спецыфічную рысу гаворкі, як рэалізацыя галоснага [y] на месцы гістарычнага *o ў ненаціскных складах пасля цвёрдых зычных, г.зн. у к а н н е: *вудá, хурá, дурóна, курóва, хулуwá, мулукó, тулукá* ‘талака /калектыўная дапамога, сумесная праца/’, *хóлус, хóлут* ‘голад’, *хóрут* ‘горад’ і інш. Аднак у канцавых адкрытых складах этымалагічны *o захоўваецца: *с'іно, л'іто, жы́то, булóто, высóко* і інш.

Адной з найбольш яркіх і паказальных фанетычных адметнасцей гаворкі з’яўляецца вымаўленне галоснага [e] на месцы гістарычных *к, *ѣ, *а ў складах пад націскам пасля мяккіх зычных: *пур'эдок* ‘парадак’, *пом'эw* ‘памяў’, *м'эсо* ‘мяса’, *м'эта* ‘мята’, *хл'энула* ‘глянула’, *т'эшко* ‘цяжка’, *пр'элы* ‘пралі’, *wз'ew* ‘узяў’, *з'ет* ‘зяць’, *п'ет* ‘пяць’, *ж'эла* ‘жала’, *ж'ер* ‘жар’, *д'эд'ко* ‘дзядзька’, *ш'эпка* ‘шапка’, але *жа́ба, бойáwс'а, йáмка, йáблыко* і інш.

Наступная выразная і значная асаблівасць гаворкі – гэта наяўнасць гукаў [i] (часам – [u]) і [y] на месцы этымалагічнага *o ў новых закрытых складах пад націскам звычайна пасля мяккіх і цвёрдых губных: *w'іс, w'ін, w'іл, дв'ір, м'іст, бил'ш*¹⁰ [10, с. 32, 151–152], *бул'ш, му́й, сву́й, тву́й, ну́йдеш* і інш. Аднак пасля прэднеязычных у акрэсленай пазіцыі пераважна ўжываецца гук [ы], пасля заднеязычных – [і]: *ныс, ныш, сьл', стьл, ны́шка*, але *ж'інка, р'іw* і інш.; *к'ін', к'іт, к'іл'ко, ск'іл'ки* ‘колькі’ і інш. Адзначым, што найбольш паслядоўна галосны [i] зафіксаваны на месцы націскага гістарычнага *ѣ, а таксама на месцы этымалагічнага *е ў закрытых складах: *л'іс, с'іно, сн'іх, л'іто, хл'іw, хл'ін, св'іт, д'іт, w'іт'ор, м'іс'ац, р'ічка, ц'іўка, сус'іт, п'івен', д'іўка, чулуw'ік* ‘чалавек’, *дw'і* ‘дзве’, *б'іла* ‘белая’, *хор'іло, р'ізалы* і інш.; *п'іч, с'ім, ш'іст* ‘шэсць’, *йа'чм'ін*¹¹ і інш.

Вельмі адрознай і істотнай адметнасцю гаворкі з’яўляецца таксама рэалізацыя гука [ы^е] ў наступных пазіцыях: на месцы гістарычных *е, *ѣ ў першым пераднаціскным складзе пасля губных: *wы'сна́, бы'да́, wy'дрó, мы'шóк, ны'сóк*; на месцы этымалагічных *е (*ѣ) у першым пераднаціскным складзе пасля гістарычных *з, *н, *с, *т, *д: *зы'мл'э́* ‘зямя’, *ны'ма́, сы'ло́, ты'п'ір, ты'п'іро, ды'н'ók*¹²; на месцы этымалагічнага *і ў націскных і паслянаціскных адкрытых складах пасля цвёрдых зычных: *рубы'ты'е* ‘рабіць’, *мы'ска, купы'w, пысáты'е, забыра́ты'е, худы'ты'е, кусы'ты'е, ны'ва, ны'wка, лы'па, худы'лы'е*,

¹⁰ Галосны [u] (сярэдні паміж гукамі, што абазначаюцца літарамі *i* і *ы*) верхняга пад’ёму сярэдняга рада. Ён прыкметна больш прэдні за галосны [ы] ў гаворках асноўнага беларускага віду, больш блізкі да яго варыянта [i] пасля мяккіх зычных. Пазіцыйнае супрацьпастаўленне варыянтаў гука [u] ў даследаванай гаворцы з’яўляецца вельмі абмежаваным і невыразным пасля мяккіх і цвёрдых зычных. Пераважная большасць зычных перад гэтым галосным амаль заўсёды цвёрдыя.

¹¹ [a^е] – галосны гук, сярэдні паміж [a] і [e].

¹² Слова *ды'н'ók* ужываецца ў мове малодшага пакалення, варыянт *ден'* – у мове старэйшага пакалення.

колы^е, але: лы^еты^е л'іты, жы^ето і жы^ето і інш. На месцы націскаго *ы ў словах тыпу сын, рыба, валы гук [ы^е] таксама ўжываецца непаслядоўна: сы^ен, ры^еба, сын, ры^еба, вулы. Аднак гістарычны *ы ў націскных складах пасля губных зычных пераважна захоўваецца: hryбы, мы, бык, пыл, мыш, помыйу, мысыпав. Часам у акрэсленай пазіцыі выступаюць галосныя [e], [ы^е(u^е)], [i]: wéпысалы 'выпісалі', ме 'мы', wéпыw 'выпіў', wí^еn'íy 'выпі', хлыwы^е 'хлявы', w'íte 'вы' і інш. Заўважым, што ў пераднаціскных складах у падобных умовах адзначаны гук [ы], у паслянаціскных складах – галосныя [i], [ы]: быч^ок, мыс^око, пыс^аты^е, забыр^аты^е, зым^а і інш.; wí^еn'íy, wéпыw, wéпысалы і інш.

Паказальная і характэрная асаблівасць гаворкі – гэта вымаўленне гукаў [i], [e] на месцы этымалагічнага *к ў паслянаціскных складах у наступных лексемах: з^ай^іц['], п^ам^іе^{'а}t'¹³. Аднак у пераднаціскных складах у акрэсленай пазіцыі зафіксаваны галосны [a]: wз'ал^а, hl'ад'íw, зл'ак^аwс'а, зл'ак^атыс'а.

І нарэшце, значнай і адрознай адметнасцю гаворкі ў галіне вакалізму з'яўляецца наяўнасць гукаў [y], [ы] на месцы паслянаціскаго гістарычнага *е адпаведна ў словах wéчур, б^ерыh. Аднак у націскным становішчы названы этымалагічны галосны захоўваецца ў лексемах дал^еко, уw^ес 'ав^ес', але: м'íт 'м^ед'.

Найбольш яркая і выразная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта рэалізацыя толькі цвёрдых зычных у наступных пазіцыях: губныя цвёрдыя перад гістарычнымі *е /ва ўсіх пазіцыях/, *Ѣ /у ненаціскных складах/, *і, этымалагічныя *з, *н, *с, *т, *д, *л – перад гістарычнымі *е (*ь), *і: мы^есна́, б^ерыh, wéчур, ду м^ене 'да мяне', п^ершы́й, бы^еда́, мы^едро́, мы^ешо́к, пы^есо́к; забыр^аты^е, мы^еска, пыс^аты^е, рубы^еты^е; зы^емл'э́, ны^ема́, сы^ело́, ты^еп'і́р, ты^еп'і́ро, ды^ен'о́к; зым^а, ны^еwa, ны^еwка, кусы^еты^е, худы^еты^е; алы^е 'але', лет' 'ледзь', по́ле; колы^е, лы^епа, худы^елы^е, але: лы^еты^е і л'іты.

Істотнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца ацвярдзенне этымалагічных паўмяккіх *дя, *тя перад *е, *і: ден', ты^еп'і́р, ты^еп'і́ро; ты^ехо, худы^еты^е. Гістарычныя ж мяккія *д, *т захаваліся перад націскным *Ѣ і на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: д'íт, т'ín'; но́сыт', хо́дыт', но́с'ат', хо́д'ат'.

Паказальная асаблівасць гаворкі – гэта захаванне цвёрдых зычных у этымалагічных спалучэннях *гы, *кы, *хы, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [e] ў прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку: до́wһий, куро́ткый, то́нкый, ты́хый; до́wһe, до́wһу́е 'доўгае', куро́тке, т^іхе, т^іху́е 'ціхае'.

Значнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца рэалізацыя як мяккіх (зрэдку – паўмяккіх), так і цвёрдых гістарычных *р, *ж, *ч, *ш, *ц у пэўных пазіцыях: пор'э́док, пур'і́зав, р'і́чка, hr'іx, на двур'і́, ж'інка, ж'ер, на мыж'і́, ч'этв'еро 'чацвёрта', д'іwч'э́тка 'дзяўчаткі', ш'э́пка, ш'і́ст', мулуды́ц'а, к^ур'і́ц'а, ц'і́вка, ц'і́п, на кунц'і́, але: हु́лыц'а, у́лыця́ і hryбы, жы^ето, хо́чы, ду́рохшы́й 'даражэйшы', ца́цка, хло́пцы і інш.

Адрозная асаблівасць гаворкі – гэта зычны *в, што паходзіць з *в, *л. У пазіцыі перад галосным, а таксама пасля галоснага гука перад зычным і ў канцавым становішчы ён даў рэфлекс губна-губнога [w] (зрэдку – губна-зубнога [v]): w^ата, wуд^а, wо́л'ный, w'ít'ор, wéчур, куро́wa, плыwу́, ла́wка, пра́wда, до́wһий, купы^еw; ц'і́вка і інш. Зафіксаваны губна-губны [w] і ў

¹³ [e^а] – галосны гук, сярэдні паміж [e] і [a].

пачатковым становішчы перад зычнымі: *wз'ала, внуч'і* ‘уночы’, *wпыры́т* ‘раней’, *w хаты* ‘у хаце’, *w л'ісы* ‘у лесе’ і інш.

Вельмі яркай адметнасцю гаворкі з'яўляецца наяўнасць фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h], часам – выбухнога [g]: *хустый, хорут, хурот* ‘агарод’, *гадына* ‘гадзюка’, *дуро́на, hr'ix, до́whий, з но́hy, бе́рыh* і інш.; *го́рсат* ‘традыцыйная жаночая безрукаўка’, *га́рн'ец /жы́та/* ‘старая мера сыпкіх рэчываў, роўная 3,28 літра, а таксама пасудзіна такой ёмістасці’, *на го́зд'ax* ‘на цвіках’ і інш.

Выразная асаблівасць гаворкі – гэта аглушэнне звонкіх зычных у канцавым становішчы, а таксама ў сярэдзіне слова перад глухімі: *w'ic, дуп, ныш, холут, дошч* і інш.; *заха́тка, ка́ска, ны́шка* і інш.

Істотнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца таксама рэалізацыя на месцы этымалагічнага спалучэння “мяккі зычны + Ъj” у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *нас'ін'н'е, хосы'ен'н'у* ‘восенню’, *кулос'с'е* ‘калоссе’, *хол'л'э* ‘галлё’, *сыл'л'ю* ‘соллю’, але *зело* ‘зелле’ і інш.

І апошняя паказальная і значная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта пашырэнне пратэтычнага [h] перад галоснымі [o], [y]: *хосы'ро, хонуча, хочы, хострый, хураты* ‘араць’, *хускый* ‘вузкі’, *хуш* ‘вуж’, але: *хосы'ен'* і *осы'ен'*, *хулыц'а* і *улыця, ныйедно́ho, ныодно́ho* ‘ніводнага’ і інш.

Значнымі адметнасцямі характарызуецца гэтая гаворка і ў галіне марфалогіі.

Назоўнікі мужчынскага і ніякага роду другога скланення з асновай на мяккі і зацвярдзелы зычны ў творным склоне пашыраны з канчаткам -ом: *кун'ом, рубл'ом, нужом, ійц'ом, ййц'ом*.

Назоўнікам жаночага і мужчынскага роду адзіночнага ліку першага і другога скланенняў з асновай на зацвярдзелы зычны ў месным склоне ўласцівы канчатак -і: *на меж'і, на хур'і* ‘на гары’, *на кунц'і, на двур'і*.

Назоўнікі жаночага, мужчынскага і ніякага роду адзіночнага ліку першага і другога скланенняў з асновай на цвёрды і мяккі зычны ў месным склоне ўжываюцца з канчаткамі -ы (-и), -овы (-ови, -ов'и), -е, -у: *w хаты, w л'ісы, w лісы, w носовы* ‘у носе’, *у кужухови* ‘у кажусе’, *w худови* ‘у годзе’, *w кутков'и* ‘у куце’, *на полі, w поле, w пол'у*.

Формы клічнага склону агульных назоўнікаў і ўласных імёнаў жаночага роду адзіночнага ліку зафіксаваны з канчаткам -о: *мамо, бабо, Wál'о, Над'о, Мán'о, Нást'о*.

Назоўнікам жаночага роду множнага ліку першага скланення ў родным склоне характэрны канчаткі -іw, -иw, -уw або нулявы канчатак: *баб'іw, хатіw, стр'іхуw, дуро́х, дур'ых, йамок*.

Назоўнікі мужчынскага роду множнага ліку другога скланення ў давальным склоне адзначаны з канчаткамі -ум, -ом: *кón'ум, л'уд'ум, кón'ом, л'уд'ом* ‘коням, людзям’.

Прыметнікам мужчынскага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне ўласцівы націскны і ненаціскны канчатак -ый, -ий (-ей): *мулудый, старый, малый, нуwый, нуwей* ‘новы’, *добрый, першый, до́whий, куроткий, хуро́шый*, але: *хустый* і *хустый* і інш.

Яркая і адрозная асаблівасць прыметнікаў гаворкі – гэта т.зв. “сцягнутыя” аднаскладовыя ненаціскныя канчаткі -а, -е ў назоўным склоне адзіночнага ліку адпаведна жаночага і ніякага роду: *wе^аліка* ‘вялікая’, *к'эпска, добра, р'ідн'а* ‘родная’, *б'іла, деревл'анна* ‘драўляная’; *суло́тке, хуро́ше, до́whе, куро́тке, wул'не*

‘вольнае’, *тiхе* і інш. Аднак пад націскам прыметнікі ў падобных умовах звычайна маюць тут поўныя двухскладовыя канчаткі *-айа*, *-ойе*: *мулудайа*, *старайа*, *пустайа*, *нувайа* ‘новая’; *мулудойе*, *старойе*, *нувойе* ‘новае’. Часам у гэтым жа склоне і ліку жаночага і ніякага роду прыметнікі выступаюць у гаворцы са “сцягнутымі” аднаскладовымі націскнымі і ненаціскным канчаткамі адпаведна *-а*, *-е* і *-о*, а таксама з поўнымі двухскладовымі ненаціскнымі канчаткамі *-айа*, *-ойе*, *-ейе*, *-уйе*: *малá*; *мулудé* /*дыт’е*/ ‘маладое /дзіця/’, *кы́сло* /*мулукó*/ ‘кіслайе /малако/’; *дóбрайа*; *пóснойе*, *хóжэйе* ‘прыгожае’, *дóвхуйе*, *тiхуйе*.

Яшчэ адной выразнай адметнасцю прыметнікаў гаворкі з’яўляюцца суфіксы *-ш-*, *-ч-* прастай формы вышэйшай ступені параўнання: *дурóхшыый*, *шы́ршыый*, *бухáтшыый* ‘багацейшы’, *душчыый* ‘дужэйшы’ і інш. [11, с. 96–97].

Інфінітыў дзеясловаў з асновай на галосны пашыраны з фанематычным варыянтам старажытнага суфікса *-ц’і* (*-ты^е*): *ходы́ты^е*, *робы́ты^е*, *спáты^е*.

Дзеясловам першага і другога спражэння ў трэцяй асобе адзіночнага і множнага ліку характэрны канчаткі *-е*, *-ыт’*, *-ут’*, *-ат’*: *идé*, *ны́сé*, *нése*, *хóдыт’*, *нóсыт’*, *идут’*, *ны́сут’*, *хóд’ат’*, *нóс’ат’*.

Зваротныя дзеясловы ў гаворцы ўжываюцца з постфіксам *-с’а* (*-с’*): *братыс’а*, *зватыс’*, *мы́тыс’а*, *робы́тыс’а*, *умы́ватыс’а*, *буйы́с’а*, *купáйыс’а*, *буйы́с’а*, *купáс’а*, *шос’* *зрубы́лос’а* ‘нешта зрабілася’.

Значная і істотная асаблівасць гаворкі – гэта захаванне ў дзеясловах з асновай на [к] старажытнай формы інфінітыва на *-чы* з націскам на канчатку: *ны́чы*, *сы́чы* /*зелó*/ ‘сячы /зелле/’. Аднак дзеясловы з асновай на [h] аднаўляюць у інфінітыве гэты зычны: *стры́чы*. Да таго ж і ў форме трэцяй асобы множнага ліку цяперашняга часу падобныя дзеясловы захоўваюць названія зычныя: *ны́ку́т’*, *сы́ку́т’*, *стры́ху́т’* [12, с. 316–318; 13, с. 64, 116, 184–185].

Адрозніваюць і вылучаюць даследаваную гаворку і разнастайныя лексічныя адметнасці: *ба́бка* ‘падбярозавік’, *ба́лка* ‘бэлька /брус, які апіраецца на сцены і служыць падтрымкай столі/’, *б’ілыый*, *правд’івыый* *хрыб* ‘баравік’, *бруслы́ны* ‘брусніцы’, *бу́сын* ‘бусел’, *валковны́ца* ‘рубель /драўлянае самаробнае прыстасаванне для разгладжвання (качання) бялізны і адзення/’, *варабу́х* ‘варабей’, *во́сок* ‘воск’, *вулучы́ты* ‘баранаваць’, *выдмéдына*, *мыдмéдына* ‘ажыны’, *вéрика* ‘буч /рыбалойная снасць, сплеченая звычайна з лазовых дубцоў у выглядзе вузкага круглага каша з лейкападобным уваходам/’, *хлы́ца* ‘чаўнок для пляцення рыбалойных сетак’, *хру́ба* ‘цяжарная жанчына’, *ху́бы*, *дóбрыый* ‘ядомыя грыбы’, *хуздэ́чка* ‘аброць’, *хул’шы́на* ‘вольха, алешына’, *дз’убáк* ‘дзюба /у птушак/’, *драбы́на* ‘драбіны /прыстаўная лесвіца/’, *драхл’і* ‘халадзец, квашаніна’, *дру́чце* ‘плот з гарызантальных жэрдак’, *дэмнык* ‘комін /труба для адводу дыму з печы/’, *дéрво* ‘дрэва’, *йóжык* ‘вожык’, *жаб’eчы* ‘неядомыя грыбы’, *жуло́* ‘джала ў пчалы’, *журавлы́ны* ‘журавіны’, *зылі́знык* ‘драўляная рыдлёўка, акаваная жалезам’, *йíдло* ‘ежа’, *калдунцы́* ‘драўляны посуд у выглядзе бочачак, выдзеўбаны з цэльнага дрэва’, *карто́плы* ‘бульба’, *клун’а* ‘гумно’, *кóшурот* ‘веснічкі’, *кóжан* ‘кажан /лятучая мыш/’, *кóзы* ‘лось, саркадон чарапіцавы /шапкавы базідыяльны грыб сямейства тэлефоравых/’, *кóкайыт’*, *сокор’eт’* /*кúры*/ ‘сакочуць /куры/’, *красн’у́к* ‘падасінавік’, *кублó* ‘птушынае гняздо’, *кужу́шок* ‘дрыгва, твань /багністае, топкае месца на балоце, возеры і г.д./’, *кúклы* ‘аер /расліна з доўгім мечапалобным лісцем і тоўстым паўзучым карэнішчам, якая мае своеасаблівы востры пах/’, *кум’iр* ‘каўнер’, *куны́ца* /*с’iна*/ ‘капа /сена/’, *куц’убá* ‘качарга /прылада, якой выграбаюць жар з

печы/’, *лакóме* /л’уд’э/ ‘прагны /чалавек/’, *латáт’т’е* ‘лотаць /расліна з жоўтымі кветкамі, якая расце на балотах, берагах сажалак і інш./’, *лухы́ены* ‘буякі, дурніцы’, *мáснучка* ‘маслабойка /апарат для збівання жывёльнага масла/’, *мухаркы́* ‘мухаморы /ядавітыя грыбы з чырвонай шапкай у белыя крапіны/’, *на́высне* /л’уд’э/ ‘зайздросны /чалавек/’, *на́навы́цы* ‘штаны’, *нату́рлымый* /к’ін/ ‘наравісты /конь/’, *не́тра*, *ну́шча* ‘густы, непраходны лес’, *на́вчы́т* /к’ім/ ‘мяўкае /кот/’, *плы́скы*, *плыскы́* ‘лісічкі /ядомы пласціністы грыб жоўтага колеру/’, *но́лап* ‘столь’, *пом’эту́ха* ‘таўчоная бульба /пюрэ/’, *прыбуло́тухы* ‘падбалацянка, каўпак кольчаты /ядомы пласціністы грыб светлажаўтавата-бураватага колеру з паўшарападобнай вялікай плоска-пукатай шапкай на высокай ножцы/’, *пташкы́* ‘дзікія птушкі /агульная назва/’, *пул’ушы́к*, *пул’ушыкы́* ‘польскі грыб ядомы губчасты грыб каштанава-карычневага, бурага або шакаладна-карычневага колеру/’, *перэ́вйасло* ‘перавясла /саламяны жгут звязвання снапоў, кулёў і пад./’, *радно́* ‘палатняная коўдра’, *рум* ‘пілавінне, апілки /адходы пры пілаванні/’, *свы́ны*, *свы́не* ‘свінні’, *со́нычко* ‘сонейка’, *спы́ваты* ‘спяваць’, *сулунэ́чныкы* ‘сланечнікі’, *сы́таряй* ‘шашаль /насякомае атрада жукоў, лічынкі якога псуюць скуры, футра, точаць дрэва і пад./’, *уберэ́мок* ‘бярэмя, ахапак’, *футура́* ‘хутары’, *хв’і́йка* /мала́йя/ ‘хвойка /маладое дрэва/’, *часны́к* ‘часнок’, *чо́рны йа́ходы* ‘чарніцы’, *чыбрэ́ц* ‘чабор’, *чы́рыс* /м’іст/ ‘цераз /мост/’, *шты́ры* ‘чатыры’, *шы́путá* ‘іглападобнае лісце хвойных дрэў і кустоў’, *йала́* ‘елка’, *йáскры* ‘астры’ і інш.

Такім чынам, на аснове сабранага фактычнага матэрыялу ўпершыню ў беларускай дыялекталогіі праведзена комплекснае даследаванне мовы карэнных жыхароў (аўтахтонаў) вёскі Чэрск Брэсцкага раёна. Гэта дазволіла вызначыць характэрныя асаблівасці гэтай гаворкі на ўзроўні фанетыкі, марфалогіі і лексікі, устанавіць яе прыналежнасць да паўднёвазагародскага дыялектнага тыпу, адной з чатырох асобных разнавіднасцеў заходнепалескіх, або загародскіх, гаворак [10, с. 150–157, 201–202, 204–206, 211–212; 14, с. 133–135, 136; 15, с. 22–24, 38–39].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Брестская область [Карты] : общегеогр. атлас / сост. и подгот. к печати РУП «Белкартография» в 2003 г. ; ред. Н. И. Шлык. – 1 : 200 000, 2 км в 1 см. – Минск : Белкартография, 2003. – 1 атлас (33 с.) : цв.
2. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 3 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009. – Т. 1. – 2009. – 1 атлас (244, [3] с.).
3. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 4 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2013. – Т. 2. – 2013. – 1 атлас (347, [4] с.).
4. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 4 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2016. – Т. 3. – 2016. – 1 атлас (348, [3] с.).
5. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Т. 3, кн. 1. Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – 528 с.
6. Памяць : Брэсц. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал.: Г. К. Кісялёў [і інш.]. – Мінск : БелТА, 1998. – 574 с.
7. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / Акад. наук БССР, Ин-т искусствovedения, этнографии и фольклора, Белорус. совет. энцикл. ; редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1990. – 417 с.
8. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.

9. Полесский этнолингвистический сборник : материалы и исслед. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и этнолингвистики ; редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1983. – 288 с.

10. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.

11. Блінава, Э. Д. Беларуская дыялекталогія : вучэб. дапам. / Э. Д. Блінава, Е. С. Мяцельская. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1980. – 303 с.

12. Булыка, А. М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы / А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.

13. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы : вучэб. дапам. для філ. фак. пед. ін-таў / Ф. М. Янкоўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1983. – 271 с.

14. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф. Д. Клімчук // Gdzie bije ґрдio... Ріеґні ludowe pogramicza Polski i Biaiorusi / red. F. Czyґiewski, A. Dudek-Szumigaj, M. ґygalova. – Lublin–Wisznice, 2015. – S. 219–143.

15. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; [рэд. М. І. Талстой] ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

Т.П. Слесарева (*г.Витебск, Республика Беларусь*)

T. P. Slesareva (*Vitebsk, Republic of Belarus*)

УДК [811.161.1+811.161.3]’373.2

ГЕОРТОНИМЫ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье на примере русских и белорусских фразеологических единиц с компонентами-геортонами раскрывается роль языка как важнейшего средства формирования и сохранения культуры.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизмы, ономастика, геортонымы, семантика

GEARTHONYMS IN RUSSIAN AND BELARUSIAN PHRASEOLOGY: SEMANTIC ASPECT

Annotation. The article uses the example of Russian and Belarusian phraseological units with components-georthonyms to reveal the role of language as the most important means of forming and preserving culture.

Key words: phraseology, idioms, onomastics, georthonyms, semantics

Каждый язык обладает своим собственным способом восприятия и отражения мира и по-своему создает его языковую картину. Язык является компонентом культуры, важнейшим средством ее формирования и сохранения.

Единицы лексико-фразеологического уровня представляют собой зеркало народной культуры, поскольку в них отражен многовековой опыт трудовой жизни народа, обычаи, традиции, религиозные взгляды.

Праздник в жизни человека существовал всегда.

Определение праздника имеется почти во всех толковых словарях. Еще в русском энциклопедическом словаре библиографического общества «Гранат» дано определение праздника, но лишь в связи с религиозными мотивами. Переизданный несколько раз словарь традиционно уделял внимание разъяснению социальной и культурной сущности праздника.

Более развернутая характеристика праздников была дана в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Составители уже различали религиозные и светские праздники.

Первые попытки научного определения праздников появились на рубеже XIX – XX вв. **В. И. Даль** вывел понятие «праздник» из понятия «праздность», праздный – порожний, свободный (если речь идет о месте) и «праздное время» – период, когда можно быть праздным (если речь идет о времени) [1, с. 380–381].

Есть мнение, что понятие «праздник» в русском языке произошло от древнеславянского «праздь», означающего безделье, отдых.

В 1837 году историк И.М. Снегирев писал: «Само слово праздник выражает упразднение, свободу от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью. Праздник есть свободное время, обряд - знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом» [2, с.5].

Одним из направлений языкознания выступает ономастика, которая изучает имена собственные.

Необходимо отметить, что ономастическая лексика полисемантическая: в ней выделяются самые разнообразные тематические разряды онимов.

Одним из таких разрядов и выступают геортонимы – собственные имена любого праздника, памятной даты, торжества.

Из фразеологического словаря русского языка [5] нами было выписано только 10 фразеологизмов с компонентом-геортонимом. При этом один фразеологизм содержит в своем составе слово *праздник* в общем значении: *Будет и на (моей) нашей улице праздник* – Экспрес. Надеюсь, уверен, что наступит лучшее будущее, восторжествую над кем-либо, над чем-либо.

Выражение возводят к древнему русскому обычаю отмечать приходские праздники целыми улицами. В старых городах улица считалась особой административной единицей с самостоятельным управлением. Общие пиры во время праздников сопровождалась ярмарками, собирали массы народа и считались важнейшими событиями в округе. Не случайно жители улицы ждали такого праздника с нетерпением и вместе с тем уверенностью, что он обязательно наступит в свой черед.

В словаре белорусских фразеологизмов [4;5] единицы со словом “свята” нами не зафиксировано. Единственное выражение *Труса святкаваць*, являющееся полукалькой с русского языка, имеет значение “баяцца, палохацца”.

Остальные фразеологизмы (а нужно отметить их немногочисленный состав в обоих анализируемых языках) имеют в своем составе геортонимы, называющие праздники церковные.

У каждого народа существуют свои праздники, но среди них есть праздник праздников, самый главный. Таким событием на Руси на протяжении многих столетий была *Святая Пасха*.

Празднуют в этот день воскрешение из мёртвых Иисуса, т.е. схождение его с креста. Поэтому и находим мы в словаре *Христов день* – Устар. Пасха.

Непременным атрибутом Пасхи являются пасхальные яйца – символ праздника. Народная поговорка гласит: *Дорого яичко ко Христову дню!* – Ценно, приятно то, что сделано, получено вовремя, в нужный момент.

В Пасху это выражение приобретает буквальный смысл.

Среди белорусских фразеологизмов нами был зафиксирован (*Цацкаецца*) *як з велікодным яйкам*, имеющий значение “залишне многа і далікатна”.

В древности яйцу придавалось магическое значение. В могилах, курганах, древних захоронениях, относящихся к дохристианской эпохе, находят яйца как натуральные, так и выполненные из различных материалов (мрамор, глина и др.). Все мифологии мира хранят легенды, связанные с яйцом как символом жизни, обновления, как источником происхождения всего, что существует в этом мире.

Русские народные предания повествуют о том, что в момент Воскресения Христова камни на Голгофе превратились в красные яйца.

Известно, что во времена правления царя Алексея Михайловича для раздачи на Пасху было приготовлено до 37 тысяч яиц. Наряду с натуральными (куриными, лебедиными, гусиными, голубиными, утиными) крашеными яйцами были деревянные и костяные, резные и расписные. Богатые, состоятельные люди вместо окрашенных куриных яиц зачастую подносили золотые или позолоченные яйца, символизировавшие солнце.

Самыми известными пасхальными яйцами в мире являются яйца Фаберже – серия ювелирных изделий фирмы Карла Фаберже, созданная в период с 1885 по 1917 годы. Всего в коллекции 71 экземпляр, причём 52 яйца были сделаны специально для российской императорской семьи. Первое яйцо заказал в качестве пасхального подарка для своей супруги император Александр III. «Курочка», так называется первое яйцо, была покрыта белой эмалью, имитирующей скорлупу, внутри яйца, как и положено, был желток – золотая курочка.

В 2007 году пасхальное яйцо, покрытое золотисто-розовой эмалью и усыпанное бриллиантами, было продано за \$13,4 млн. Каждый час из верхней части яйца появляется золотой петушок, инкрустированный драгоценными камнями, и четыре раза кивает головой. Это яйцо было изготовлено в мастерской Фаберже для семьи российских монархов, а купил его на аукционе французский аристократ барон Эдуард де Ротшильд в качестве свадебного подарка.

Один американец просто сходил на местный блошинный рынок и прикупил там безделушку. Как оказалось, его покупкой стало утерянное Золотое яйцо с часами Фаберже, заказанное императором Александром III у Карла Фаберже на Пасху для императрицы Марии Федоровны в 1887-м году. До революции оно находилось в коллекции Аничковского дворца. После национализации яйцо Фаберже попало в Оружейную палату Кремля и с 1922-го года считалось пропавшим.

Приобретший яйцо американец решил продать его за 13 тысяч, однако желающих не нашлось и он принялся наводить справки в интернете. Эксперты подтвердили, что Золотое яйцо с часами принадлежит работе Фаберже. Фирма Wartski выкупила его для частного коллекционера по цене 33 млн. долларов.

Для похода в церковь во время праздничного богослужения всегда выбиралась наряды праздничные и красивые, но не вызывающие. Отсюда и пошло выражение *Дай бог на пасху* - Прост. Шутл.-фамильярн. Несравненный, прекрасный.

В дни весеннего равноденствия славяне отмечают *Масленицу*. Если верить легендам, то Масленица родилась на Севере, отцом ее был Мороз. Однажды в самое суровое и печальное время года человек заметил ее, прячущуюся за огромными сугробами, и призвал помочь людям, согреть и развеселить их. И Масленица пришла, но не той хрупкой девочкой, что пряталась в лесу, а здоровой ядерной бабой с жирными румяными щеками, коварными глазами, не с улыбкой на устах, а с хохотом. Она заставила человека забыть о зиме, разогрела кровь в его жилах, схватила за руки и пустилась с ним плясать до обморока. Вот поэтому в старину Масленица, пожалуй, была самым веселым праздником.

Масленица называлась честной, широкой, пьяной, обжорной, разорительницей, ведь *потом долгих семь недель нельзя будет веселиться, плясать да смеяться, очищаясь от грехов мирских*. Говорили, что она «целую неделю пела-плясала, ела-пила, друг ко дружке в гости хаживала, в блинах валялась, в масле купалась». Масленица отмечалась по всей России и в деревнях, и в городах. Ее празднование считалось для всех русских людей обязательным: «Хоть себя заложил, а масленицу проводи».

Как поп на масленицу – Прост. Ирон. До пресыщения; до отвала (наестся). *Не жизнь, а масленица* – Прост. Экспрес. То же, что не жизнь, а малина. – Одно удовольствие.

Последний день перед началом многодневного поста, когда в последний раз можно есть скоромную пищу (мясо, молоко, яйца, животные жиры и др.), называется *заговеньем* (*заговины*).

В русском языке названия церковных праздников и обрядов традиционно употреблялись с временным значением, отсюда и возникло шутливое выражение *До морковкина заговенья*. Соединение слова «заговеньем» с морковкой осознавалось как шутливая формула невозможного.

О том, что несбыточно, можно сказать *Жди в петровки снегу*. Считалось, что на Петров день Солнце «играет» какими-то особенными цветами, которые искрятся и переливаются как радуга. После Петрова дня начиналась подготовка к сенокосу и жатве.

Юрьев день – день почитания святого Георгия Победоносца в христианстве, отмечаемый 23 апреля (6 мая), 26 ноября (9 декабря).

Весенний Юрьев день у восточных славян – основной скотоводческий праздник года, день первого выгона скота на пастбище.

Осенний – дата, с которой в России связывалось осуществление права перехода крестьян от феодала к феодалу, так как к этому времени завершался годовой цикл сельскохозяйственных работ и происходил расчёт по денежным и натуральным обязанностям крестьян в пользу их владельцев и по государственным налогам.

Право перехода крестьян было временно отменено с введением заповедных лет, а затем запрещено при Фёдоре Ивановиче законодательством 1590-х годов. В связи с этими реформами в народе появилась поговорка «*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*», которая отразила огорчение простых людей. Ныне поговорка употребляется в связи с разочарованием от невыполненных обязательств. В белорусской фразеологии обнаруживается эквивалент «*Вось табе, бабка, і Юр'еў дзень!*», употребляемый в таком же значении.

У каждого из нас есть свой ангел-хранитель, который всегда с нами и который помогает нам идти по правильному пути. Наш ангел-хранитель смотрит на нас радуясь, переживая, помогая нам преодолеть трудности. И этот ангел заслуживает того, чтобы раз в году мы нашли время поблагодарить его за все хорошее, доброе и разумное, что он нам несет.

В старину небесных покровителей иногда называли Ангелами их земных тезок. Поэтому мы поздравляем наших родных и знакомых с *Днем Ангела*, то есть с именинами.

Традиция празднования именин известна на Руси с XVII века. Обычно накануне праздника семья именинника варила пиво, пекла именинные калачи, пироги и караваи. В день самого праздника именинник со своими родными ходил в церковь к обедне, заказывал молебен за здравие, ставил свечи и прикладывался к иконе с ликом своего небесного покровителя.

Память о предках, память рода, традиции рода – самое святое для славянина.

Родовые древние праздники, связанные с почитанием и поминанием предков, в Белоруссии сохранили своё название «*Дзяды*». Дедами называли всех усопших родственников независимо от пола и возраста.

В дни поминовения предков обязательно пекли блины, оладьи, готовили лапшу, кутью, жарили яичницу. В домах в дни поминовений накрывали столы как можно богаче, приглашали души усопших «в гости», чтобы порадовались предки за живых. Как для гостей живых, топили баню, стелили постель.

Но во фразеологическом словаре русского языка нами не зафиксированы выражения с компонентом «деды», в отличие от словаря белорусских фразеологизмов. **Як на дзяды.** Употребляется в значении: 1) вволю наесться, 2) очень много (про еду).

Таким образом, мы видим, что каждый язык отражает национальную особенность видения мира.

Несмотря на малочисленный состав русских и белорусских фразеологических единиц с компонентом-геортонимом, семантический анализ фразеологизмов позволяет выявить особенности национально-культурной специфики русского и белорусского этносов и обнаружить антропоцентрические корни во фрагментах языковой картины мира обоих родственных народов.

Список использованной литературы

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3 / В.И. Даль. - М., 2008.
2. Снегирев, И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, т.1 / И.М. Снегирев. - М.,2007.
3. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. - М.: Астрель, 2008.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т.1 А-Л / І. Я. Лепешаў. - Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П.Броўкі, 2008. – 672 с.
5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т.2 М-Я / І. Я. Лепешаў. - Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П.Броўкі, 2008. – 672 с.

ГЛАВА 5. ЛЮДИ И СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

М.П.Жигалова (г. Брест, Республика Беларусь)
M. P. Zhigalova (Brest, (Brest, the Republic of Belarus)
zhygalova@mail.ru

УДК 82.09 (476.7)

ХАРАКТЕРЫ И СУДЬБЫ СЛАВЯН В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МАЛОРИТЧИНЫ

***Аннотация.** В статье впервые предпринята попытка показать славянские характеры и судьбы на примере анализа лирических произведений региональной полиэтнической литературы Малоритчины, учитывая проблематику творчества поэтов, их жанрово-тематическую и стилевую специфику.*

Ключевые слова: Малоритчина, славянские характеры, регион, анализ, лирика, творчество, поэт

THE CHARACTERS AND THE FATES OF THE SLAVS IN THE MULTIETHNIC LITERATURE MALORITSKIY

Annotation. The article is the first attempt to show Slavic characters and destinies by analyzing the lyrical works of regional multi-ethnic literature of Maloritchina, taking into account the themes and problems of poets' creativity, their genre-thematic and stylistic specifics.

Key words: Maloritchina, Slavic characters, region, analysis, lyrics, creativity, poet

Известно, что современное общество значительно меняется: в условиях глобализации существенно возрастает и расширяется диалог культур. Международный культурный диалог в регионе усиливает взаимопонимание между народами, даёт возможность лучше познавать и собственный национальный характер. Вместе с тем становится ясно, что необходимо искать оптимальное соотношение формирования более тесных связей между народами, с одной стороны, и сохранять национальные особенности, культурные традиции, особые взгляды на мир, то есть ментальность мировосприятия – с другой. «Нельзя искусственно замыкаться в национальных рамках, так же, как нельзя допустить, чтобы глобализация приобрела характер всеобщего распространения массовой

культуры» [3, с. 25]. В контексте этих процессов важную роль в коммуникации представителей разных этносов играет язык, в том числе, и язык художественных произведений, средствами которого автор раскрывают характеры и судьбы героев.

Рассмотрим отдельные произведения поэтов Малоритчины, того региона, где постоянно и активно происходило сближение народов разных этнических статусов, подчас нивелируя их национальные различия. Традиции и менталитеты разных народов отложились здесь и в языке художественных произведений, созданных представителями разных этносов, проживающих в данном регионе.

Следует заметить, что для литературы Малоритчины сегодня, как и в целом для мировой литературы, особенно важна антропоцентрическая ориентация. Она направлена на осмысление способов изображения человека в художественном произведении: его судьбы, характера, опыта жизни, психологии поведения, знания и соблюдения им основ и норм этнической и общечеловеческой морали, определения её роли, значимости и места в социуме.

Это отражается и в творчестве малоритских поэтов Н.Данилюка, Н.Патеюка, И.Замотаева, Г. Мищука, М.Котелева, В.Кучминского и др., в стихах, написанных на русском, белорусском языках. В них читатель находит ответы на многие вопросы, связанные с пониманием характеров и судеб людей пограничья, в которых отразились радость жизни и бескорыстная дружба, боль души и надежда, проблемы времени и специфическая жизнь современников в прагматичном XX-XXI в.

Покажем это на примере анализа отдельных стихотворений. Этнический россиянин *Михаил Фёдорович Котелев*, проживший жизнь на белорусско-украинском пограничье (от его родной белорусской деревни Заболотье до ближайшей украинской деревни Кортэлисы не более пяти километров), с любовью говорит о разнообразии этносов, о чертах их характера и дружбе разных народов, населяющих не только его родную деревню, но и полиэтническую Малоритчину. В стихотворении «*Малорита*» [4, с. 149] он отмечает:

.....
В ней живут не одни белорусы,
Россиянам, грузинам здесь дом.
Украинцы, казахи, прибалты
Проживают с комфортностью в нём

Осмысливая проблему счастья и анализируя специфические черты характера белоруса в стихотворении “Беларуская памяркоўнасць” [4, с. 89], *Николай Иванович Патеюк*¹⁴ говорит о главной его черте: “памяркоўнасці”:

*Крошка-сын к отцу пришёл,
И спросила кроха...
Ул. Маякоўскі*

Аднойчы бацьку просіць карапуз:
“Ты растлумач мне, калі ласка, тата,
Што значыць – памяркоўны беларус”.
Якраз быў бацька справаю заняты:

¹⁴ Член Союза белорусских писателей, руководитель литературного объединения “Над рэчанькай Рытай”

Ён нейкі брус збіраўся разразаць,
Спачатку дасканала ўсё абмераў,
Затым, каб на сябе не наракаць,
Ужо ў каторы раз яшчэ праверыў,

Праверыўшы, паскроб у барадзе,
На сына глянуў хітрымі вачыма
І на старое месца брус кладзе:
Няхай ляжыць – спатрэбіцца, магчыма.

І сын без слоў адразу зразумеў,
Што з памяркоўным беларусам справу меў.

Заметим, что в творчестве Н.Патеюка есть произведения и социальной, нравственной тематики. В стихотворении «Цень белых крылаў» [4, с. 91] Н. Патеюк поднимает одну из актуальнейших нравственных проблем века – проблему современного сиротства, брошенных детей, детей, ставших сиротами при живых родителях.

Всё стихотворение – это восхищение и боль одновременно, потому что от первого и до последнего слова оно проникнуто слезами поэта о настоящей женщине-матери и о той, “несостоявшейся матери”, которая добровольно отказалась от своих сыновей и дочерей. Только слёзы эти разные: нежности – к одной, и слёзы обиды и горечи – к другой. Правда, у читателя они объединяются в одно целое, потому что и те, и другие матери живут в одном социуме. И вместе с тем они убеждают читателя в мысли о их разности.

Стихотворение «Цень белых крылаў» – это и воспоминание-предостережение, отличающееся глубиной переживания.

Это и стихотворение-плач о страшном загнивании оценивания человеческой жизни, погрязшей либо в мещанском меркантильном быту (когда дети – лишние расходы, и потому они не нужны), либо в бесконечных пороках (когда дети рождаются «случайно» и тоже никому не нужны). При всём их разнообразии, все такие «мамы» воспринимаются читателем как нечто монолитное, цельное, так как каждая из них есть живое свидетельство уродства сознания и созданных самой женщиной обстоятельств, мрачности быта, извращённого воспитания и сознания. И понять такую уродливую философию жизни человеку здравомыслящему невозможно. Не может понять её и лирический герой, ведя диалог с собственной душой:

*Як душой мне спасцігнуць учынак такі?
Вось амаль ужо тры накаленні
І гарматы маўчаць, і жывыя бацькі,
А сірот не становіцца меней.*

Всё это рождает у лирического героя своеобразную философию жизни о необходимости иметь детей, потому что они – это те продолжатели рода, которые несут в будущее лучшие его качества; об ответственности взрослых за судьбы поколения. Ответ лирического героя прост и категоричен: детей должны рожать и растить лишь достойные и ответственные, добрые и чистые душой люди («Не насі немаўлят да бяздушных людзей – /Колькі добрых яшчэ ў Беларусі»).

Так обращение к себе становится обращением и к читателю, который, переживая грусть и печаль, боль и нежность, тоже пытается ответить на этот вопрос, подвести некий итог своим размышлениям о природе и поступках человека, о созданных им обстоятельствах. Он пытается объяснить себе этот вечный конфликт между плотской стороной жизни человека и его духовным миром, теми двумя непримиримыми полюсами (дух и плоть), которые смогли бы улавливать высшие божественные импульсы. Они помогли бы человеку достичь истинной гармонии, которая даётся каждому из нас только благодаря постоянным усилиям над собой. И тогда продолжение рода рассматривалось бы как явление нравственное, а не плотское, а значит, обладало бы и ответственностью перед самим собой, Богом и людьми.

У Н. Патеюка это происходит через четыре семантические характеристики национального самосознания, которые, по словам А.Вежбицкой, «выражаются в следующих оценках: *эмоциональности, иррациональности, неагентивности и любви к морали*» [1, с. 37].

Все эти мысли поэт выражает и в языке произведения. Такие признаки, как *эмоциональность* и *любовь к морали*, отражаются в языке произведений Н.Патеюка, в широком поле использования им средств выражения эмоциональной оценки. Многообразии оценочных средств в творчестве поэта мы рассматриваем как одну из черт белорусского менталитета в целом, так как в общении на пограничье постоянно «раздаются» оценки ситуациям, событиям, лицам, собеседникам и т.д. Эти оценки могут быть как позитивными, так и негативными. Они обычно высказываются биполярно (хорошо – плохо) или с определёнными намёками, оттенками, в зависимости не только от ситуации, но и от этнической принадлежности коммуниканта – автора и читателя, его внутренней культуры. Потому данное свойство наблюдается во многих стихотворениях поэтов Малоритчины, которые иногда открыто, без смягчения и намёка, преподносят свою точку зрения, а иногда просто отдают её на суд читателя, оставляя открытой. Стихотворение “*Багацце не заўжды плыве да нас*” [4, с. 94] об этом:

Багацце не заўжды плыве да нас,
Грош у кішэні не бывае лішнім,
А розуму – нямераны запас,
Мы ім гатовы падзяліцца з бліжнім.
Ды бліжні ўласным розумам жыве,
Хоць часам і мякіна ў галаве.

Черты настоящего труженика-патриота, доброжелательного славянина, мечтателя и настоящего оптимиста, человека, ответственного за свои дела и поступки, звучат в творчестве поэта-белоруса Владимира Никитича Данилюка¹⁵. Вот как пишет он об этом [2, с. 56]:

.....
Но часто вижу я сквозь просинь звездную,
Среди других планет, планету росную,
Планету мирную, трудолюбивую,
И, как страна моя, – всегда счастливую.

¹⁵ В.Н.Данилюк печатался в республиканских газетах и журналах («Заря», «Вожык» і др.), на страницах сборников «Паэтычная карта Берасцейшчыны», «Жырандоля».

В руках мозолистых я людям рад нести,
Без всякой устали, планету радости,
Где в свертке времени, за мной бегущего,
С мечтами прошлого черты грядущего.
Я, в жизнь шагающий, всё это строящий,
Чего-то жаждущий, чего-то стоящий,
К чему-то рвущейся души стремлением,
Не сам хочу нести, а с поколением,
Свои мечты для всех, свои дерзания
В колоннах равенства и созидания.

Автор оценивает и те изменения во всех сферах деятельности, которые принёс человечеству век технологизации, и которые сегодня, к сожалению, происходят в сфере приоритетов материальных ценностей, а не моральных. И потому, по мнению поэта, так «подорожала» жизнь в целом. Автор подчёркивает, как постепенно и незаметно уходит из жизни самое главное и самое ценное – нравственность, а вместе с ней и такие её лучшие качества, как: порядочность, ответственность, чистота данного слова, доброта, сочувствие, взаимовыручка и взаимопомощь, совесть, стыд...

В стихотворении «Копейка» [2, с. 5] В. Данилюк подчёркивает, как важно человеку понимать, что бездумное материальное «подорожание» жизни опасно, так как оно порождает бездуховность в обществе и бездушие в человеческих отношениях, демонстрируя ненасытность человеческих желаний, которые трудно понять старшему поколению:

.....
Копейка – это власть, копейка в моде,
В спортзал копейку надо и в музей...
За то, чтоб навестить надгробья
Родных своих, знакомых и друзей.
По всей длине большой узкоколейки,
Копейка за копейкою, звеня,
Летит и вряд ли скоро без копейки
Нас примет благородная земля.

В стихотворении «Нас не надо корить» [2, с. 55], В. Данилюк делает акцент на связи поколений, на вечной проблеме отцов и детей, когда с каждой новой вехой жизни активно меняется взгляд не только на культурные, но и на духовные ценности, а значит, многие действия молодёжи часто воспринимаются людьми старшего поколения с укором:

Нас не раз и не два зачастую корит
Поколение то, что постарше,
Мол, работа не та, мол, душа не горит,
И одежда не та, была – краше.
Говорят, что гармошек не слышно совсем –
Звон электрогитар режет душу,
Будто нет лошадей, а нужны они всем,
Только мы не забыли «Катюшу».

Не корите нас всё же, не надо корить,
Вы постарше, а мы – помоложе,
Нынче время не то, чтобы лапти носить,
Да хлебать лебеду, да итожить.
Мы умеем трудиться, умеем считать,
Отличаем от мёда отраву,
А поэтому, мыслимо ли надевать
Со стеклом искаженья оправу?

В стихотворении “*Мой шпацыр*” [2, с. 56] поэт советует читателю, каждому из нас, иногда оглянуться на прежитое и понять все прелести жизни, спокойно рассуждая о важности, нужности и ценности каждого своего поступка, научительности допущенных просчётов, приведших к неудачам:

.....
Прамежак часу прыгадаецца, забудзецца.
І я, каб паспрачацца з забыццём,
Іду ў абдымку з парасоляй па бязлюдзіцы,
Шчаслівы, задаволены жыццём.

Ещё одного малоритского поэта-белоруса *Геннадия Мищука* волнует проблема не только сохранения, но и приумножения жизненных ценностей, так как именно они любой век делают цивилизованным и значимым. По мнению художника слова, человек должен это понимать, видеть роль самых главных ценностей жизни, которые составляют его основу, независимо от того, в каком веке он живёт. Автор, кажется, пытается донести читателю эту проблему в одном из своих стихотворений “Я не прашу занадта многа ад жыцця» [4, с.116]. Г.Мищук в нём чётко обозначил жизненные ценности:

Я не прашу занадта многа ад жыцця:
Само жыццё – каштоўны падарунак.
Душа ўдзячная трымціць ад пачуцця,
Што бачыць дня чарговага малюнак.
Яго ўкраса – дзеці і сям’я,
Сябры мае і добрыя суседзі,
І вёсачка маленькая мая,
Такая спеўная і шчырая ў бяседзе.
Я зычу ўсім таго, што і сабе:
Дай Бог пажыць яшчэ пад гэтым небам,
Не быць нікому ў горы і журбе,
А большага на свеце і не трэба.

Сильные позиции стихотворения указывают на одну их значимых философских формул – умей довольствоваться «малым», которое и есть самое главное в жизни. А это «малое» оказывается самым значимым и большим, потому что это сама жизнь, дороже которой ничего нет. Она уже – «падарунак», а значит, и каждый прожитый день, который должен радовать душу своей красотой («бачыць дня чарговага малюнак»), тоже – подарок. Важно понимать и то, что украшением жизни является семья («яго ўкраса – дзеці і сям’я»), друзья и хорошие соседи, дом, в котором царит радость и любовь.

Авторская позиция в стихотворении чётко обозначена и выражена не только в сильных позициях, но и характере лирического героя, основной чертой которого является любовь к родному очагу, своей «малой родине», («І вёсачка маленькая мая,/Такая спеўная і шчырая ў бяседзе») и к людям, живущим рядом («не быць нікому ў горы і журбе»).

Дополняет черты характера белоруса и взгляд поэта Малоритчины – этнического украинца – Владимира Кучминского, который так внимателен к народному творчеству поликультурного региона. Автор находит общие черты славянской культуры в проявлении народного юмора, изучает и сопоставляет его проявление в украинской, белорусской, польской, русской культурах. И потому изюминки народного юмора разных народов, порой, очень тонкого и уместного, который присущ и белорусам пограничья, но иногда и не заметен на первый взгляд, поэт оригинально обыгрывает в своих лирических произведениях, как, например, в стихотворении “Без перакладу няма ладу” [4, с. 176]:

Да ўнучкі з Украіны дзядуля
прыехаў:
Праўнучка яшчэ не бачыў! Гэткая ж
уцеха!
Быў у Рассіі, Казахстане, цяпер у
Беларусі
(Параскідваў дзяцей лёс па былым
Саюзе).
Унучка дзеду да стала падстаўляе
крэсла –
(Ледзь не ломіцца той стол ад
дэлікатэсаў).
А дзядуля паглядзеў на тыя
прысмакі
І ўнучку раптам запытаў, на выпадак
усялякі:
– Дэ ж коханы твій працюе?
Бачу, е дастаток.
– Піўзаводам ён кіруе,
Вам жа пісаў тата.
– Всього тількі піў-заводом,
А вжэ усё е в хаті –
Цілым будэ кіруваты –
Зажывеш богато.

Событийность стихотворения подчёркивает его актуальность, указывает на время и пространство, то есть, на те исторические события, которые происходили в едином Советском Союзе, когда все учились, служили в Армии и работали в разных его уголках, независимо от своего происхождения, и были счастливы.

Время и место конкретизировано в стихотворении (“Параскідваў дзяцей лёс па былым Саюзе”). Введение текста-диалога, который звучит на двух языках, тоже неслучайно, потому что в былом Союзе каждый, зная и пользуясь русским

как языком межнационального общения, свободно мог говорить и на родном, этническом, сохраняя его колорит в любой ситуации, чем подчёркивал всегда свою этническую независимость и свободу выбора не только языка, но и жизненных ценностей и стилей. Поэтому украинизмы в стихотворении несут смысловую нагрузку. Во-первых, они подчёркивают национальность и особенности характера лирического героя – украинца-дедушки, указывают на его жизненные ценности и оценку им бытовой ситуации – материального достатка семьи внучки. Во-вторых, они выполняют оценочную функцию, потому что в стихотворении только одно слово “пивзавод”, сказанное и написанное по-разному на двух славянских языках, украинском (пів-заводом, то есть половиной завода) и белорусском (піўзавод – завод по производству пива) меняет смысл всего стихотворения. Создаётся впечатление, что лирический герой слегка иронизирует над тем достатком (“Ледзь не ломіцца той стол ад дэлікатэсаў”, “прысмакі”), который нажит за короткое время молодой семьёй, потому что не верит в честный способ нажитого. И в то же время лирический герой рад спокойной и успешной семейной жизни продолжателей своего рода.

Удивительная история о любви простого рязанского парня Ивана Замотаева к небольшому белорусскому городу с чудным названием Малорита, ставшим для него не только второй Родиной, но и самым дорогим местом на земле, где пролетели сорок пять лет его жизни, воспета в его стихах. Вполне понятны его слова, когда он с гордостью говорит: “Малорита – Родина моя!” Кроме любви к Родине, к городу, у поэта есть ещё одна любовь – бег на длинные дистанции, которая свидетельствует о настоящем славянском характере, настойчивом, целеустремлённом, не привыкшем отступать. Покорив более пятидесяти марафонов, поэт не мог обойти в своём поэтическом творчестве тему Малоритского Международного марафона, ставшего самым популярным не только у нас в стране, но и за её пределами.

В песне “Вальс малоритского марафона” [4, с. 108] слышится гордость за свой город, куда ежегодно приезжают сотни бегунов из разных стран, чтобы преодолеть дистанцию классического марафона и покинуть Малориту, чтобы через год встретиться здесь вновь.

.....
*Малоритский марафон, ты не выдумка, не сон
При одном упоминанье, сердце бьётся в унисон.
Самый лучший в Беларуси, говорят о нём не зря,
К нам на праздник бега едут со всех стран наши друзья.*

В стихотворении «Малоритский вокзал» [4, с. 109] этнический россиянин И. Замотаев с любовью говорит о двух родинах, которые стали неразрывным целым. Может быть, поэтому так дорог поэту вокзал, с которым связано воспоминание о своей этнической родине, которая, нет-нет, да и напомнит о себе. Он опоэтизировал образ вокзала, персонифицировал его [5, с. 197-216]:

Место в городе есть, всех прекрасней оно.
На тюльпанах росиночки тают.
В мир распахнуты двери и настезь окно.
Провожают здесь всех и встречают.

Малоритский вокзал – моей жизни причал.
За вагонами рельсы, как руки.
Это ты, наш уютный и скромный вокзал, –
Дом родной после долгой разлуки.

Ты рубином сверкаешь зимой на снегу,
Летом розой под солнцем пылаешь,
Без тебя я и дня здесь прожить не могу
О любви моей ты только знаешь.

Ты, конечно, не Минский красавец-вокзал.
И не Брестский дворец на границе.
Ты – осколок от солнца, что наземь упал.
Ты – снегирь – красногрудая птица.

Лунный свет убаюкал притихший вокзал,
На перроне влюблённые пары.
Спи спокойно, вокзал, ты ведь тоже устал,
Охраняет твой сон плач гитары.

Неудивительно, что на стихи И.Замотаева написано около десятка песен, в том числе, и «Малоритский вальс», который замечательно и с успехом у зрителей исполняется народным ансамблем «Рыцкі куфэрак» (фото ниже) в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Члены ансамбля «Рыцкі куфэрак» (Э. Борисюк, Н.Свищёва, А.Борисюк, В. Свищёв) успешно исполняют песни на русском, белорусском, украинском и польском языках в Вишнице (Польша, 2015г.)

Мы видим, что в стихах И.Замотаева отразилась и любовь к Беларуси, которая стала для него родной, и забота о физическом и духовном здоровье человека, и его оптимизм, без которого жизнь становится серой и унылой.

Так творчество поэтов Малоритчины доносит каждому читателю, желающему её постичь, проверенную годами философию жизни: хочешь быть понятым сам – учись понимать других и помни, что все души говорят на одном языке.

Как видим, стихи малоритских поэтов правдиво и искренне раскрывает судьбы и характеры славян, в основе которых – совесть и правда: две главные черты, два источника их душевной энергии.

Список использованной литературы:

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996. – С. 37.
2. Данилюк, У. Сярод людзей: зборнік вершаў. 2-е выданне / У. Данилюк. – Маларыта, 2013. – 64с. – С. 56.
3. Джаббарова, М. Т. Роль русского языка в современной образовательной системе Республики Таджикистан // Русский язык и литература в школах Таджикистана, 2007. – № 4-6. – С. 25.
4. Жигалова, М. П. Полиэтническая литература Малоритчины : интерпретация и анализ произведений : монография / М. П. Жигалова. – Брест : БрГТУ, 2017. – 240с.
5. Жигалова, М.П. Этновitalность и мультикультурность в литературе: Интерпретация и анализ. Монография. – Саарбрюккен, Германия : LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2012. – 305с.

З.М. Заіка (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

Z.M. Zaika (Brest, the Republic of Belarus)

УДК 908 (476.7)

ГЕОРГІЙ МУСЕВІЧ – ДАСЛЕДЧЫК ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ КАМЯНЕЧЧЫНЫ

Анотацыя. У артыкуле ўзгадваецца даследніцкая краязнаўчая праца Мусевіча Георгія Сцяпанавіча, “Заслужанага трэнера Беларусі”, чалавека, улюбёнага ў свой край. Ім падрыхтавана больш за 500 артыкулаў на тэмы гісторыка-культурнай спадчыны Камянеччыны, выдадзены 3 кнігі, напісана каля 300 рукапісаў. Ён удзельнік многіх беларуска-польскіх культурных праектаў.

Ключавыя словы: гісторыка-культурны, спадчына, беларуска-польскі праект, Камянеччына, краязнаўца, рукапіс, анамастыка.

GEORGY MUSEVICH-RESEARCHER OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE KAMENETSKY DISTRICT

Annotation. The article mentions the research work of Musevich Georgy Stepanovich, "honored coach of Belarus", a man who was loved in his region. He has prepared more than 500 articles on the historical and cultural heritage of the Kamenetsky district, published 3 books, and written about 300 manuscripts. He is a participant in many Belarusian-Polish cultural projects.

Key words: historical and cultural heritage of the Belarusian-Polish project, Kamenetsky, local history, manuscript, and onomastics.

«Глубокое ценное слово о родимой стороне

может сказать только тот человек, для которого его родина не есть «край», а «центр».

(Шергин Б.В., русский писатель, 1996- 1973)

Гісторыя роднага краю, яго сівое мінулае заўсёды цікавіла краязнаўцу Георгія Сцяпанавіча Мусевіча (нарадзіўся 11.11.1931 і пражыў 83 гады). Высокі, статны, дужы, нездарма сваю першую палову жыцця прысвяціў спартыўнай адукацыі і выхаванню моладзі. Ён распрацаваў больш за 50 метадычных дапаможнікаў па фізкультуры і спорту. За сваю працу ён атрымаў званне “Выдатнік народнай адукацыі БССР”, “Отличник просвещения СССР”, быў узнагароджаны медалём “За трудовую доблесть”. У 1991 г. яму прысвоена званне “Заслужаны трэнер Беларусі”.

Георгій Сцяпанавіч Мусевіч

І толькі з 1990 года Георгій Сцяпанавіч ушчыльную заняўся вывучэннем гісторыі роднага краю. У сваіх артыкулах ён закранае розныя пытанні і тэмы, у якіх расказваецца пра малавядомых людзей Камянецкай зямлі, пра духоўна-асветніцкае жыццё края, пра гісторыю вёсак Камянеччыны. Пісаў краязнаўца на рускай, украінскай, польскай, беларускай мовах. Сваю першую кнігу “Мой горад”, выдадзеную у 1996 годдзе, прысвяціў да 720-гадавіны Камянца, і падпісаў “Георгій Мусевіч дэ Дома Левіцкі” – гэта значыць з роду, што даў свету многім

свяшчэннаслужыцеляў. Праваслаўным пастарам быў яго дзед, а бабуля выхоўвала яго з маленства “ёй ён і прысвяціў сваю першую кнігу “Мой горад””. Усё сваё свядомае жыццё, паралельна з працай, ён вывучаў гісторыю роднага краю, Беларусі. І толькі, калі выйшаў на пенсію, Георгій Сцяпанавіч ужо ў поўную сілу аддаўся любімай справе. За 20 гадоў вынікам яго даследаванняў сталі тры аўтарскія кнігі, 9 кніг выдадзены ў сааўтарстве, 18 да гэтага часу маюць рукапісны выгляд; затое ў перыядычных выданнях апублікаваны больш за 600 гісторыка-краязнаўчых артыкулаў: “Один из древнейших храмов Каменца”, “Духовное богатство”, “Кладезь духовности”, “В графском имении”, “Трагедия не осуществилась”, “Матерь божья – защитница”, “Тра лёс чалавека”, “Генерал, писатель, ученый-химик”, “Свяшчэннік, пісьменнік з Вайскоў”, “Благовест звонов от Жукова”, “Пісьменнік які нарадзіўся ў Камянцы”, “Хризантэмы”, “Фрагменты жизни евреев Каменца” і шмат іншых [3].

У сваёй аўтабіяграфіі Георгій Сямёнавіч піша, што яго першая кніга “Мой горад” “была выдадзена за ўласныя грошы ў колькасці 700 экзэмпляраў, якую я раздаў у многія месцы, людзям, у краіны бескаштоўна” [1].

За якую б тэму ні браўся Георгій Мусевіч, ен заўсёды дакопваўся да глыбіннай сутнасці і нягледзячы на тое, што першая яго кніжыца на шэрай паперы атрымалася тонкая, ён акрэсліў свой падыход да даследніцкай працы: “Ісціна, у тым ліку і ў гісторыі, адна. І мы заўсёды павінны намагацца ісці да Ісціны” [4].

Адна з прац Георгія Сцяпанавіча – “Священные места Каменетчины” у якой ён не толькі сістэматызаваў духоўную гісторыю края, але і расставіў некалькі новых акцэнтаў на ўжо, здавалася б, вядомай канве падзей мінулага. Асноўная ідэя гэтай працы ў тым, лічыць аўтар, “што над намі прасціраецца адзіная духоўная прастора, для якой не існуе межаў”. Духоўная гісторыя Пучшанскага краю, расказаная ў працы, не менш цікавая і важная, чым навуковая, афіцыйная, і аўтар спадзяецца, што яго праца па гэтай гісторыі будзе калі-небудзь прачытаны і паслужыць нашчадкам.

Выходзілі артыкулы краязнаўцы ў рэспубліканскім друку, раённай газеце, а таксама ў друку ў газетах Украіны, Польшчы і нават Англіі.

Многа ўвагі надаваў Георгій Сцяпанавіч гісторыі Камянецкага краю. Ім напісаны рукапісы: “Сказание о Земле Каменецкой”, “Кто мы и откуда мы?”, “Краткий очерк родословия Левицких”, “Народ, который жил среди нас”, “Легенды Каменетчины”, “Памятник рукотворный”, “Судьбы герба”, “Правдивая история”, “Следы половцев на Каменетчине”, “Правители Каменца-Литовского”, “Столпы, вежи, башни...”, “Святое место Грушка”, “Житие Благоверного и Благочестивого князя Волынского Владимира-Иоанна Васильковича” и мн. інш.

Мяне, як філолага-лінгвіста, асабліва зацікавілі працы Георгія Сцяпанавіча па анамастыцы Камянца, напрыклад, “Імена тваі мая зямля Камянецкая”, “Профессии жителей Каменца-Литовского”, “Название улиц в Каменце”. “Назвы вуліц XVIII-XIX стст. горада Камянец”. 16 вуліц не захавалася. Яны зліліся з іншымі вуліцамі або пераіменаваны. Згублена гістарычная сутнасць назваў вуліц, а таксама, на жаль, згублены гістарычны твар старажытнага горада Камянца.

У 2006 годзе Юрый Сцяпанавіч прымаў удзел у праекце “Забытых таямніцаў чар”, які быў арганізаваны ў польскім горадзе Гайнаўка пад патранажам еўрарэгіёна “Белавежская пушча”. Вынікам праекта стала кніга “Забытых таямніцаў чар” пад рэдакцыяй Наталлі Гэрасімук на беларускай і польскай мовах.

Праца Георгія Сцяпанавіча Мусевіча па гісторыка-краязначай спадчыне Камянеччына з’яўляецца бяспечным здабыткам для ўсіх камянчан. Да гэтага часу не знайшлося даследчыкаў, якія б так глыбока і з такой асабістай цікавасцю і адказнасцю апісвалі і сістэматызавалі гісторыка-культурны скарб Камянеччыны. Шмат рукапісаў чакаюць свайго часу ў архівах Камянецкай раённай бібліятэкі імя В.М. Ігнатоўскага.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Мусевич, Г.С. Народ который жил среди нас. – Брест, 2009 г.
2. Памяць: Камянецкі раён: гіст.-дак. Хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мн.: Ураджай, 1997.
3. Рукопись Г.С. Мусевича «О себе. Такая жизнь». – 16-17.02.2007 г.
4. http://kamunikat.org/bielski_hostinec.html // Бельскі гостінец: краязнаўча-культурны зборнік, 2008. – № 1 – С 32 – 41.

Ю.Э. Ходынюк (Бяла Подляска, Польша)
Y. E. Godyniuk (Biala Podlaska, Poland)
chodyniuk@list.ru

УДК 811.161.1

ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В МЕНТАЛИТЕТЕ СЛАВЯН НА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Аннотация. В данной статье представлены взаимодействия языка и культуры в менталитете славян, проживающих на белорусско-польском пограничье. Представлены основные факторы, влияющие на национальное самосознание, на общность взглядов и иерархию ценностей славянских народов. Освещена проблема базовых ценностей славян.

Ключевые слова: национальное самосознание, пограничье, менталитет славян

THE MANIFESTATION OF THE INTERACTION OF LANGUAGE AND CULTURE IN THE MENTALITY OF THE SLAVS IN THE POLISH-BELARUSIAN BORDERLAND

Annotation. This article presents the interaction of language and culture in the mentality of the Slavs living on the Belarusian-Polish border. The main factors influencing the national identity, common views and hierarchy of values of the Slavic peoples are presented. The problem of basic values of the Slavs is highlighted.

Key words: national identity, the frontier mentality of the Slavs

Современные процессы глобализации и унификации духовной, материальной культуры выступают одним из основных направлений социокультурной динамики на сегодняшний день. В этой связи особую актуальность приобретает анализ социокультурных идентификаций, который проявляется в стремлении подчеркнуть уникальность культуры того или иного народа, осознать свою принадлежность к определенному этносу.

Формирование национальных ценностей, национального характера, менталитета любого этноса детерминировано многими факторами. Для становления национального менталитета, базирующегося на этнонациональных ценностях, являются природно-географический, ландшафтный, геополитический и иные факторы.

Проблема поиска ценностных идеалов характерна для культуры пограничья на протяжении всей ее истории. Уникальная история, особая жизненная среда, характер труда и отдыха, взаимодействие с представителями иных этнонациональных и конфессиональных сообществ, собственные нормы морали, особый взгляд на проблему ценностей явились основополагающими факторами, сформировавшими менталитет, культуру народа, живущего на пограничье.

Убедительным свидетельством глубокой укоренённости принципов толерантности в самосознании людей, проживающих на пограничье, является распространённое среди их большинства убеждение, что каждый народ имеет неотъемлемое право сохранять и развивать свой родной язык, культуру, обычаи, традиции, уклад жизни, своеобразие религиозных верований.

В межличностных, межгрупповых, межэтнических, межрелигиозных взаимодействиях толерантность проявляется в субъект-субъектных отношениях, где в качестве субъектов толерантных взаимосвязей выступают как отдельные личности, так и их различные группы и общности – профессиональные, социокультурные, политические, территориальные. В зависимости от сферы и направленности подобных субъект-субъектных отношений можно выделить следующие виды толерантности: политическая, национально-этническая, языковая, конфессиональная, социально-статусная, профессиональная, региональная. Выделяя эти виды как объекты социологического, политологического или социокультурного исследования, следует иметь в виду, что грани между ними подвижны, изменчивы, вследствие чего толерантность проявляется как подвижная, нелинейно изменяющаяся форма социальности, требующая конкретного анализа в конкретных модификациях ее содержания.

Другим социальным феноменом, тесно соприкасающимся с толерантностью, является мультикультурализм, ориентированный на равноправное разви-

тие и взаимодействие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, прежде всего межнациональных, конфессиональных, социокультурных взаимодействиях.

Социологический анализ толерантности в ее сопоставлении, с одной стороны, с нетерпимостью, а с другой – мультикультурализмом позволяет более рельефно и конкретно выявить сущность исследуемого явления как высокой ценности славянского менталитета в процессе становления и функционирования гражданского общества и современных интеграционных процессов в страновом, региональном и международном масштабах.

В эволюции духовных ценностей славянства основополагающую роль сыграли такие факторы, как формирование Киевской Руси, Московского княжества, Великого княжества Литовского, единого Российского и Советского государства (современная суверенность трех восточнославянских народов), конечно, надо иметь в виду нахождение на протяжении определенного периода западных белорусских и украинских земель в составе Польши. Они способствовали формированию у славян сходных традиций и ценностей. Однако следует учитывать и особенности формирующиеся под влиянием уникальных как географо-ландшафтных, геополитических, так и других условий формирования и жизнедеятельности этносов. Среди фундаментальных традиционных ценностей славянских народов несомненной приоритетностью обладает ценность семьи. Близость культур, духовных традиций и ценностей, общность исторических судеб являются серьезными факторами, обуславливающими интеграцию славянских народов

В современном обществе происходит масштабное переосмысление значения христианского наследия, роли исторически традиционных для Беларуси религий и конфессий, значительно актуализируется познавательная функция религии. На всех этапах своего развития людям необходима внутренняя опора, своеобразный духовный стержень в жизни. О том, что христианская система ценностей во многом определила менталитет людей на пограничье, свидетельствуют многие источники, как классические труды по традиционной культуре этнографов 19 в., так и материалы современных исследований. О религиозности населения пограничья, глубине усвоения христианских представлений свидетельствуют многие факты, например, соблюдение постов, посещение храма, знание молитв и другие регулярные измерения религиозной жизни. Христианские заповеди представляли собой основу характерной этики крестьянской жизни славян.

Духовные традиции, аккумулируя опыт прошлого, выполняют роль своеобразных социальных эстафет, проносящих сквозь время жизненно важные общественные явления – представления о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о социальной значимости разных форм хозяйственной деятельности, способов коммуникации и регулирования социальными процессами, вопреки переменчивому времени и всему исторически происходящему. В иерархии духовных традиций и ценностей славянства исследователи выделяют: общеславянские ценности, ценности восточного славянства (наряду с другими типами регионального славянства – западного и южного); духовные ценности национального славянства (русские, белорусы, украинцы и т. д.). Ценности, наряду с нормами и

идеалами – важнейшие компоненты человеческой культуры. Их существование укоренено в экзистенциальной активности субъекта культурного творчества, его диалоге с другими людьми, ориентированного не только на область сущего, но и на значимое, нормально-должное [4, с. 342].

Язык традиционно выступает одной из базовых реальностей, связанной с понятиями этноса, этничности, национальности.

В разных исследовательских традициях и подходах роль и функции языка в формировании или определении этничности варьируются в достаточно широких границах – для сторонников примордиализма язык выступает природной основой формирования этноса, а значит – `объективной`, `естественной` характеристикой его носителей, для конструктивистов – `этническим маркером`, для инструменталистов – одним из основных трансляционных каналов этничности и т. д.

Однако независимо от подхода язык признается важнейшим этнообразующим фактором, одним из оснований этнической идентичности, нагруженным рядом реализационных функций и аксиологических коннотаций. В современном социально-гуманитарном знании разделяют понятия `этническая идентичность` и `этничность`. Если этническая идентичность субъективна, но понятие `этничность`, наоборот, включает в себя объективные признаки: этническая принадлежность родителей, место рождения, культура...

Этничность выступает как предписываемая и конституированная обществом характеристика, тогда как этническая идентичность формируется в результате конструирования социальной реальности на основе этничности, но не сводится к ней. При этом считается, что `этническая идентичность` – понятие более пластичное, чем понятие `этничность`. В данном случае мы придерживаемся того подхода, что этническая идентичность не является неизменным набором культурных черт, а порождается в процессе социального конструирования.

Язык как основа и критерий этнической идентификации может переосмыслиться с точки зрения выполняемых им функций и роли, которую он играет в различных этнических группах. Именно родной язык традиционно принято считать самым мощным фактором, воздействующим на этническое самосознание и формирующим его. Однако следует обратить внимание, что сам термин `родной язык` многозначен.

Можно выделить как минимум три наиболее распространенных трактовки этого термина: родной язык как язык этнической самоидентификации (язык этнической/национальной общности, к которой относит себя человек, связывающий его с предыдущими поколениями, их культурой и историей); как язык, усвоенный в детстве (который человек усваивает в раннем детстве без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде); как функционально первый язык (на котором человек мыслит без дополнительного самоконтроля, с помощью которого легко выражает свои мысли в письменной и устной форме). Однако это – теоретические формулировки, используемые в научном дискурсе, где они каждый раз уточняются и оговариваются.

Можно предположить, что для белорусских поляков выбор языка в качестве родного опирается не столько на аскриптивные факторы и характеристики, сколько является сознательным выбором, в разной степени отражающим социокультурную идентификацию.

Билингвизм в форме белорусско-русского, русско-польского, белорусско-польского двуязычия – отличительная черта населения приграничных регионов Беларуси. Исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в мониторинговом режиме по национальной выборке в 2009 г. позволяют наглядно продемонстрировать, с кем и в какой мере представители различных национальностей испытывают чувство общности (в рамках групповых идентификаций).

Сравнительный анализ показал, что поляки, в отличие от представителей других национальностей, характеризуются высоким уровнем религиозной и национальной идентичности. Данный факт проявляется в отождествлении себя, с одной стороны, с людьми своего вероисповедания, с другой – людьми своей национальности. Также в достаточной мере ярко выражена у поляков тенденция идентификации себя не только в масштабах общего территориального проживания (с жителями своего города), но и в пределах ближайшего проживания, в частности с соседями. Однако относительно низкий уровень значимости для поляков имеет идентификация себя со своими коллегами по работе, учебе либо представителями своей профессии. Таким образом, люди, осуществившие символический выбор родного языка в пользу польского и белорусского, довольно близки между собой по социально-демографическим характеристикам, выбравшие русский язык в качестве родного являются представителями молодого городского поколения. Эти номинации достаточно условны, однако могут иметь значение для прогноза динамики языковых процессов в общности белорусских поляков.

Рассматривая менталитет общества как систему установок, мы относим к их числу и языковую установку. Выделение из общего числа глубинно-психических социально-культурных установок языков обусловлено сложным характером взаимоотношений феноменов менталитета и языка.

Справедливо предположить, что менталитет (который, как известно, в значительной степени детерминирован социальными условиями) выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т. п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности. Можно вычленить различные уровни формирования ментальности как языковой картины мира отдельного индивида. Основную нагрузку, на наш взгляд, несет на себе уровень семейного воспитания, на котором происходит переживание индивидом более общих (национальных и социальных) традиций, норм морали, правил, ориентиров и целей общения как личностно-значимых ценностей.

На основе сложившейся системы оценки индивидом определенного близкого социального мира, тех или иных вещей, свойств и отношений формируется индивидуальное направление мысли человека, складываются как индивидуальные, характерные для данной общности, социальные формы общения с различными категориями социального окружения, к которым относятся:

а) родственники, соплеменники, находящиеся в одном социально-географическом пространстве с субъектом (принадлежащие к одному национальному образованию);

б) относящиеся к другим культурам (инородцы, живущие в иных социально-культурных условиях — выше или ниже субъекта по уровню развития культуры).

Возможно и иное социальное представление рассматриваемых категорий социального окружения. Можно утверждать, что именно в ходе семейного воспитания формируется дуалистическое отношение, критерий «свое — чужое» в индивидуальном и коллективном сознании, находящий выражение в социальных оппозициях: «Мы» — «Они», «Я» — «Мы» и т.п.

Исходным пунктом осмысления проблемы взаимного воздействия друг на друга менталитета и языка следует, полагаем, признать положение о том, что с помощью языка человек отражает окружающий мир. Причем «отражает» — значит, не только описывает мир, поскольку, во-первых, передача информации и описание в целом — это лишь одна из форм отражения человеком окружающего мира, а во-вторых, существо человека раскрывается только в форме той или иной деятельности, в реализации собственных устойчивых ценностных структур.

Весьма интересным в контексте исследования менталитета общества и языка (в различных его формах) является привнесение в эту взаимосвязанную (и взаимозависимую, как представляется) оппозицию третьего элемента — социокультурного. Что же определяет индивидуальную языковую ментальность (нам вновь здесь не уйти от сопоставления личности и социальной среды), что формирует ее?

«Применительно к индивиду это:

а) те его особенности, которые определяются его принадлежностью к некоторой социокультурной группе (в самом широком понимании культуры), то есть особенности данного индивида как представителя группы, выделяемой на основе образовательного уровня, профессии, возраста, пола и т. д.;

б) те его особенности, которые определяются социокультурной средой. К социокультурной среде относятся, например, круг знакомых на работе и вне ее, круг родственников, близких, страна проживания.

Особенности страны как социокультурной среды — это культурные традиции, история, политическое устройство и подобное». Поэтому, когда мы говорим об особенностях взаимодействия языка и менталитета, первенство в формировании личных ментальностей следует отдавать языку.

Важнейшей основой функционирования языка является социум, а глубинной основой последнего выступает менталитет. На начальных этапах усвоения языка индивид идет от языкового мышления к социокультурным стереотипам восприятия, поскольку с усвоением языка он усваивает и значительную часть глубинно-психических установок социального менталитета.

Видится в определенной степени справедливым утверждение о том, что в формировании системы социальных установок важную роль играет «бессознательная мораль той или иной социальной совокупности, характеризующая обобщенные жизненно важные потребности большинства членов данной общности». Необходимо напомнить, что к числу «жизненно важных» следует относить не только социальные, но и интеллектуальные, духовные и другие потребности индивида (и общества). Вообще феномены менталитета и ментальности различаются между собой лишь по масштабности, широте охвата объектом

иных социальных феноменов, имеют некоторые особенности в функционировании. Но в глубине своей они суть явления одного плана. Именно в силу своей изначальной общности они имеют достаточно большое количество точек соприкосновения.

По-видимому, не следует выделять один из этих феноменов в качестве постоянного ведущего: одностороннее воздействие не может быть константным. Конечно, язык выступает как одно из основных средств социальной трансляции, как носитель менталитета. То есть, с одной стороны, можно говорить, что язык определяет менталитет. Однако в последующем, когда менталитет сформирован (то есть, когда становятся фиксированными его основные глубинно-психологические установки), тогда уже он сам выступает как детерминатор тех или иных языковых изменений, социально-индивидуальных подвижек. На этом этапе мы уже можем говорить о том, что языковая установка становится одной из составляющих в структуре менталитета, то есть здесь менталитет определяет язык. На индивидуально-личностном уровне мы можем проследить такое же соотношение. Таким образом, справедливо говорить о диалектическом взаимодействии феноменов менталитета общества и языка, ментальности личности и языка и т. п., проявляющемся в различных социальных ситуациях по-разному.

Уровневое разведение взаимодействия менталитета и языка подтверждается известной аналогией в подобного же рода дуалистических позициях «язык и общество» и «социальное и ментальное», факторы которых действуют – каждый в свою очередь или даже попеременно – в течение определенного времени. Справедливо мнение отечественных исследователей о том, что направленность связи между социокультурными факторами и «языковой ментальностью», а также характер данной связи применительно к индивиду могут быть различными на разных этапах его развития.

Таким образом, социокультурные стереотипы восприятия мира формируют языковую ментальность, кристаллизуются в ней. Социокультурные факторы выступают в роли своеобразных фильтров, которые образуют различные комбинации. Пропустив через эти фильтры один и тот же участок мира, мы получим различные представления, или отражения, последнего.

Языковая установка выступает как одна из ведущих социально-психических составляющих менталитета общества. Значительную роль она играет и в осуществлении межнационального взаимодействия.

Особо значимой представляется роль языковой установки менталитета в самоидентификации, социализации и самоосуществлении индивида (по отношению к социуму установка, что понятно, играет консолидирующую роль, превращая конгломерат индивидуумов в социальную общность). Но каковы психологические механизмы осуществления языка? Этот вопрос задавали себе многие исследователи в прошлом, и отвечали на него каждый по-своему. Общей при этом у большинства из них была мысль о наличии некоей «внутренней формы» в языке, которая так или иначе определяет закономерности языковых изменений и независимость языковой действительности.

Рассматривая язык в контексте исследования феномена менталитета, полагаем важным особо выделить необходимую связь мышления и языка, при кото-

рой язык выступает своего рода «материальной оболочкой» мыслей человека. Выявление логических структур, составляющих языка возможно при этом лишь на основе анализа языковых выражений, то есть непосредственного исследования его (языка) носителей.

Традиционно считается, что язык служит для транслирования той или иной информации (в том числе социальной) от индивида к индивиду. Однако нет сомнений, что этим основные функции языка не исчерпываются. Язык, по определению, – это знаковая информационная система, выполняющая в процессе познания действительности и общения между людьми функции формирования, хранения и передачи информации. Коммуникативная функция языка, обычно особо выделяющаяся при анализе данного феномена (и весьма, подчеркнем, актуальная в контексте исследования менталитета), органично включается в число этих трех наиболее общих языковых функций. Однако язык необходимо рассматривать и как наиболее дифференцированное средство выражения, которым владеет отдельный человек, и одновременно, как высшую форму проявления объективного духа. А поскольку объективный дух, по Г.Гегелю, воплощается в праве, морали, нравственности, обществе и государстве, то можно утверждать, что язык отражает совокупность явлений, в которых концентрируется и объективируется историческая и культурная жизнь (язык в определенном смысле и влияет на них).

Таким образом, можно говорить о проблеме отражения национального менталитета в языке, слове, письменности.

В национальном характере, как известно, тесно переплетаются элементы сознания, идеологии, нравственной культуры, поведения и общественной психики. Отношение к окружающему характеризует направленность (как систему осознанных интересов) национального сознания людей. К данной группе черт национального характера иногда относят такие, как консерватизм, религиозность, оптимизм, пессимизм и др. Думается, данные черты могут обозначаться и реализовываться языковыми средствами достаточно точно и недвусмысленно.

Таким образом, можно утверждать, что феномен менталитета самым тесным, непосредственным образом связан с языком. Взаимовлияние рассматриваемых феноменов сложно и неоднозначно. Язык есть феномен культуры, он впитывает в себя и определенным образом отражает характерные внешние – социальные и внутренние – сущностные черты, которые мы можем обозначить как ментальные, поскольку они «срабатывают», в том числе, и на уровне глубинно-психических установок.

Не следует упускать из виду, что менталитет есть феномен не только глубинно-психический, то есть функциональный, «оформляющий» те или иные отношения духовности. Менталитет – феномен социально-культурный, то есть, достаточно убедительно помещающийся в аксиологическом измерении.

Список использованной литературы

1. Бабосов, Е. М. Толерантность как ценность славянского менталитета, Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.

2. Бабосов, Е. М. Менталитет белорусского народа и его традиционные ценности / Е. М. Бабосов // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы V Междунар. науч. конф., Гомель, 24–25 мая 2007 г. ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2007. – 360 с.
3. Баталко, Т. И.; Абазовская, Н. В. О духовных основах белорусской народной культуры, Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
4. Губман, Б. Л. Ценности / Б. Л. Губман // Культурология. XX век : энцикл. – СПб.: Унив. кн., 1998. – Т. 2. – С. 342–343.
5. Злотников, А. А. Социолого-демографические исследования процессов, происходящих в сфере семьи (на примере исследований в гомельской области) Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
6. Игнатович, П. Г. Духовные традиции и ценности в системе культуры белорусов, Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
7. Королев, М. Г. Представления о родительстве у современной молодежи Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
8. Лашук, И. В. Выбор родного языка как элемент этнокультурного самоопределения «белорусских поляков», Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
9. Маркова, И. И. Семейные ценности современной белорусской молодежи Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
10. Маркова, И. И. Семейные ценности современной белорусской молодежи, Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
11. Мызникова, О. Г. Ценности и ценностные ориентации семьи / О. Г. Мызникова // Проблемы выхавання. – 1999. – № 4. – С. 83–93.
12. Сезнева, Т. А. Роль семьи и социального окружения в формировании ценностей подростков / Т. А. Сезнева // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 11. – С. 35–37.
13. Скриптунова, Е. А. О предпочтениях городской молодежи (заметки об исследовании) / Е. А. Скриптунова // Социол. исслед. – 2002. – № 1. – С. 105–110.
14. Шинкевич, Е. Ю. Специфика социокультурных идентичностей жителей Беларуси Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.
15. Юрченко, Е. П. Семья и брак в славянской культуре Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы Материалы VII Международной научной конференции Гомель, 26–27 мая 2011 года; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2011. – 235 с.

Гл. 6. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В «МАЛОМ» И «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ»

Л.А. Захарчук (г. Брест, Республика Беларусь)
L. A. Zakharchuk, (Brest, Republic of Belarus)

УДК 39:821.161.2

ЭТНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИНЫ КОСТЕНКО

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы актуализации сохранения этнокультуры в современном развитии общества, её значения в формировании нравственно-эстетических качеств личности. Подчеркивается философско-мировоззренческий аспект, традиционные национальные особенности народного творчества, представлены фрагменты поэзии Лины Костенко, в которых отражены этнические мотивы

Ключевые слова: этнокультура, творчество, фольклор.

ETHNIC MOTIVES IN CREATIVITY LINA KOSTENKO

Annotation. This article discusses some of the issue of the importance of studying the ethnoculture in the modern development of society in the formation of moral and aesthetic qualities of the personality and aesthetic culture. The special attention is paid to the philosophical and worldview aspect, traditional national characteristics of folk art, to the basic types of folk work of the region in the context of traditional descriptions and modern conducting interpretation. The article also presents fragments of poetry by Lina Kostenko

Keywords: ethnoculture, creativity, folklore

В процессе формирования этнического самосознания личности обращается внимание философов, социологов, культурологов, этнолингвистов, представителей творческих профессий на ценностное отношение к истории, национальным традициям, обычаям, фольклору, языковой культуре, государственности, на уважение национальных культур других народов.

Этнокультура включает и объединяет такие факторы воздействия на человека, как природа, отношения, быт, искусство, творчество, религия, и поэтому охватывает весь спектр значений в структуре понятия «разносторонне развитая личность». Этническая культура в обществе служит ценностным регулятором

человеческих отношений, являясь основой нравственной, интеллектуальной, эстетической, художественной культуры.

Значимой частью этнокультурного наследия любого народа являются его традиции и обычаи, обряды и праздники, устно-поэтическое творчество, музыкальный фольклор. Процессы возрождения народной культуры особенно актуальны в развитии современного общества и требуют обращения к истокам обычаев, традиций, обрядов – важным составляющим этнокультурного наследия.

Украина владеет самобытной и богатой народной культурой, оригинальным национальным колоритом и этническими особенностями, проявляющимися в календарно-обрядовом, семейно-обрядовом фольклоре, народных песнях и танцах, декоративно-прикладном творчестве.

Этнические мотивы нашли отражение и в творчестве многих украинских писателей, поэтов, музыкантов, художников. Функционирование, трансформация, преобразование некоторых элементов, изменение образно-содержательной сферы не ослабляют связи фольклора с входящими в него этнокультурными ценностями. Возобновляемые в каждом поколении традиционные элементы культуры украинского народа позволяют творчески выразить его философское мировоззрение, национальное своеобразие и самобытность.

В конце XX столетия в художественной литературе многих народов все чаще возникала потребность обращения к источникам народной мудрости, которые на время были забыты модными направлениями современного искусства. Потребность осмыслить этнокультурные ценности наблюдается и в поэзии Лины Костенко:

Які щасливі очі у казок!
Я прокидаюсь, серце калатає,
Зима стоїть персидська, як бузок,
І жоден птах її не хилитає.

(«Які щасливі очі у казок!»)

С течением времени роль традиционных фольклорных форм (колыбельной, сказки, народной песни) уменьшается. В условиях трансформации этнокультуры очень важным является сохранение ее основополагающих признаков – традиционности и преемственности. В этом смысле автор демонстрирует, что связь с традициями народной культуры необходима современному человеку.

Старої казки пісня лебедина,
Нема-нема, а раптом запече.
Ішла людина, просто йшла людина,
Закинувши шарманку за плече

(« Старої казки пісня лебедина... »)

Философско-эстетический диапазон творчества автора сборников «Проміння землі», «Над берегами вічної ріки», «Неповторність», «Річка Геракліта», «Гіацинтове сонце», «Берестечко» и других включает произведения монументальные и минималистические. Спектр художественных образов необычайно широк: от лирики до эпоса, от трагизма до острой иронии, от погружения в историко-этнические глубины до парадоксального восприятия современности.

В поетическом пространстве Лины Костенко бережно переплетаются этнические мотивы и современное мировосприятие, художественные образы утрачивают предметность, конкретику и перемещаются в мир фантазий и символов, привнося особый свет в существование человека и мира, в котором он живет.

Стоїть у ружах золота колиска.
Блакитні вії хата підніма.
Світ незбагнений здалеку і зблизька.
Початок є, а слова ще нема.

.....
Ще кожен пальчик сам собі Бетховен.
Ще все на світі гарне і моє.
І світить сонце оком загадковим.
Ще слів нема. Поэзія вже є.
(«Стоїть у ружах золота колиска»)

Этнографы, этнопсихологи, культурологи отмечают, что у каждого народа существуют свои элементы этнокультуры, свои жизненные правила, свои взаимоотношения в семье и обществе. У славянских народов, в том числе украинского, была и остается приоритетной любовь к природе, привязанность к своей земле, уважительное отношение к человеку труда. Эти темы отражены в разнообразных видах и жанрах украинского фольклора, прекрасного, возвышенного народного творчества.

Вспоминая важные и дорогие события в жизни, мы всегда соотносим их с временем и пространством, природой и человеком, отмечая их уникальность и неповторимость, эмоциональность и чувственность.

В поетическом творчестве Лины Костенко природа также таинственна и эмоциональна, пронизана психологией человеческих отношений и чувств.

Сніги ніч. І ліс дорогу пише.
І спить в снігах все тепле живе.
Лиш іноді захриплий голос тиші
Чиюсь зорю з вічності позве.
(«Сніги ніч. І ліс дорогу пише»)

Вечірнє сонце, дякую за день!
Вечірнє сонце, дякую за втому.
За тих лісів провітлених Едем
І за волошку в житі золотому.
(«Вечірнє сонце, дякую за день!»)

Лина Костенко использует фольклорные образы, которые вводят читателя в фантастический мир поэзии, сказки, действия, обряда, традиционных символов, способствуют его духовно-эстетическому развитию.

Над шляхом, при долині, біля старого граба,
де біла-біла хатка стоїть на самоті,
Живе там дід та баба, і курочка в них ряба,
Вона, мабуть, несе їм яєчка золоті.

Там повен двір любистку, цвітуть такі жоржини,
і вишні чорноокі стоять до холодів.
Хитаються патлашки уздовж всієї стежини,
і стомлений лелека спускається на хлів.
(«Українське альфреско»)

Особую роль в традиционной украинской семье играли бабушка и дедушка, которые в воспитании своих внуков широко использовали фольклор (пословицы, поговорки, загадки, песни и пр.). Благодаря преемственности и трансляции этих этнокультурных ценностей вырабатывалась своя система воспитания и жизнедеятельности, свой доброжелательно-сдержанный стиль отношений между поколениями.

Тема связи рода, поколений, светлой памяти ушедших из земной жизни прослеживается в творчестве поэта.

Стояла груша, зеленів лісочок.
Стояло небо, дивне сумне.
У груші був тоненький голосочок.
Вона в дитинство кликала мене.
(«Стояла груша, зеленів лісочок.»)

Мені снилась бабуся, що вона ще жива.
Підійшла, як у церкві, засвітила слова.
(«Мені снилась бабуся, що вона ще жива»)

Чоловіче мій, запрягай коня!
То не кінь, а змії, – миготить стерня.

Доберемся за три години
За стонадцять верст до родиночки.
(«Чоловіче мій, запрягай коня!»)

В условиях возрождения этнических ценностей народного творчества важной становится нравственно-эстетическая функция фольклора, формирующая нравственно-эстетические ценностные ориентации личности в области этнокультуры. Богатством содержания, жанровым и тематическим разнообразием, яркой интерпретацией национального колорита характеризуется весь фольклор, традиции которого имеют много общего у белорусов, русских, поляков, украинцев.

Таким образом, народные песни, обряды и праздники, обычаи и традиции как источник фольклора, представляющих собой важную часть этнокультурного наследия, экстраполируются в современную художественную культуру, поскольку содержат ценности, которые выходят за временные рамки.

Все, що буде, було і що є на землі,
1 сто тисяч разів уже бачене й чує,
Сірі вузлики ранку – твої солов'ї,
все це тільки одне нерозгадане чудо.
Знаю склад біосфери, структури кислот,
Все, що є у природі, приймаю як даність.

Я, людина двадцятого віку, – і от,
Зачудована бачу лише первозданність!
(«Все, що буде, було і що є на землі»)

Список использованной литературы

1. Костенко, Л.В. Річка Геракліта / Ліна Костенко; упоряд. та передм. О.Пальховської, післямова Д. Дроздовського; худож. С. Якутович. – К.: Либідь, 2011. – 336 с.: іл.
2. Восточнославянский фольклор: Слов. науч. и нар. Терминологии / Редкол.: К.П. Кабашников (отв. Ред.) и др. – Мн. Наука тэхніка, 1993. – 478с.

О. В. Кицан (м. Луцьк Україна)

O. Kytsan (Lutsk, Ukraine)

1982kitsan@gmail.com

УДК 8221.161.2'05.09:7.04Українка]:305

ГЕНДЕРНІ ІНВЕРСІЇ В ДРАМАТУРГІЇ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

Анотація. Гендерні питання завжди перебували в колі зацікавлень Лесі Українки. Становлення письменниці припало на період поширення феміністичних ідей та концептологічно нових гендерних досліджень. Але слід відзначити те, що вона розробляє актуальні на заході питання задіюючи східний матеріал. Матеріал, який найменше підходить на цю роль через усталене патріархальне бачення жінки.

В обох драмах йдеться, швидше, не про маскулінізацію жінки, а про її бажання дорівнятися чоловікові.

Ключові слова: гендер, гендерні ролі, функція, драматургія, драма, гендерний діалог.

GENDER INVERSIONS IN THE LESYA UKRAINKA'S DRAMATURGY

Annotation. Gender issues have always been in Lesya Ukrainka's sphere of interest. At that time, feminist ideas and conceptually new gender studies were spreading.

But she develops topical issues for the West using oriental material. Material that is not entirely suitable for this role due to the established patriarchal vision of women.

The inversion of gender roles is clearly expressed in Lesya Ukrainka's dramas "Boyarynya" and "Aisha and Mohammed".

Both dramas are not about the masculinization of a woman, but about her desire to be equal to a man.

Keywords: gender, gender roles, function, dramaturgy, drama, gender dialogue.

Гендерні питання завжди перебували в колі зацікавлень Лесі Українки. Становлення письменниці припало на період поширення феміністичних ідей та концептологічно нових гендерних досліджень. Але слід відзначити те, що вона розробляє актуальні на заході питання задіюючи східний матеріал. Матеріал, який найменше підходить на цю роль через усталене патріархальне бачення жінки.

Бути чоловіком чи жінкою означає не просто відрізнятись на анатомічному рівні, а й грати запропоновані чи накинута соціумом гендерні ролі. Під ними розуміють засвоєну поведінку людини в суспільстві, що очікується та вимагається від представника / представниці своєї статі. Гендерні ролі можуть із часом змінюватися, а також мати свої особливості в різних культурах.

Соломія Павличко в монографії «Дискурс модернізму в українській літературі» стверджувала, що для доби модернізму особливо притаманною була інверсія гендерних ролей, руйнування звичних стереотипів чоловічої й жіночої поведінки. Для таких пошукувань дослідниця актуалізувала біографії Лесі Українки, Ольги Косач-Кривинюк, Ольги Кобилянської [7].

Творчість Лесі Українки не водночас розглядалася крізь призму гендерних студій. Особливо цінним є внесок В. Агеєвої, яка виокремлює в текстах відомої української поетеси такі феміністичні проблеми, як «роль жінки в патріархальній культурі» та «недомовленість жіночого досвіду в мистецтві». Авторка підкреслює: «Гендерний аналіз, зміщуючи акценти на індивідуально-психологічну проблематику, враховуючи часто не визнані суспільством чи панівною патріархальною ідеологією погляди, надає змогу виокремлювати різні рівні художнього тексту, враховувати різні ціннісні орієнтації» [1, с. 426].

У драматургії Лесі Українки жінка, на відміну від традиційної гендерної ролі, переважно стає уособленням сильної, вольової особистості, котра бореться за своє щастя та кохання. Дослідники, відзначаючи суголосність творів Лесі Українки лицарській традиції, натомість вказують на відсутність традиційного для лицарської культури культу Прекрасної Дами. У цьому є сенс, адже Прекрасна Дама повинна бути не лише гарною, ніжною, чутливою, а й водночас слабкою жінкою, яка потребуватиме захисту та опіки свого лицаря. Натомість у Лесі Українки жінки самі є лицаресами, які перевертають класичну гендерну ієрархію і перебирають на себе ті функції, які, за звичай, виконували чоловіки.

У статті «Новые перспективы и старые тени» («Новая женщина» западноевропейской беллетристики) Леся Українка аналізує різні типи жіночих образів, відакцентовуючи образ «нової жінки», інтерес і сенс життя якої не зосереджується тепер лише на чоловікові. Її цікавлять питання науки, мистецтва і, що найголовніше, феміністичні практики. Така життєва позиція не викликала, м'яко кажучи, сприйняття й співчуття чоловіцтва.

Леся Українка визнає за жінкою не тільки можливості бути вільною у сімейно-побутовому колі, мати зокрема свободу розлучень, а й можливість користуватися політичними правами, займатися творчістю і наукою. Особливо рухи за здобуття гендерного рівноправ'я активізувалися у ХІХ ст. і, як наслідок, стали предметом зображення для художньої літератури. Рівність чоловіка і жінки здавалася письменниці не просто доцільною, а природною адже вони здатні взаємодоповнювати один одного. В листі до Агатангела Кримського авторка пише: «Бачите, мужеська «рація» в погляді на де-які справи дуже однобока, то-

му ми доповняємо її своєю “рацією”, може теж однобокою, але тільки з них обох може вийти щось ціле і справедливе (ми тільки не звикли одважно казати “я маю рацію”, а кажемо несміло “мені здається”, *mais c’est une façon de parler*)» [6, С. 250–251]

Гострим окресленням двох різних позицій – сильної, активної та слабкої, пасивної жінки вирізняються драми Лесі Українки «Бояриня» і «Айша та Мохаммед», де інверсія гендерних ролей є яскраво вираженою. Ці твори вивчено порівняно слабше. І навіть побіжне їхнє зіставлення виявляє чимало спільного як у потрактуванні гендерних стосунків і конфліктів, так і в зверненні до мусульманської тематики.

Сюжети драм будуються на квазілюбовному трикутнику, де двоє його учасників є реальними, а третій – уявний, фантомний. В діалозі «Айша та Мохаммед» герой перебуває поміж двома дружинами, одна з яких, Хадіджа, давно померла. У «Боярині» Степанові теж протистоять дві жінки – сильна духом українка (Оксана) і слабка, поки що «фантомна», московка. Саме представниця місцевого люду, на думку Оксани, після її, першої дружини, смерті, більше підійде такому чоловікові. І якщо у фіналі твору Оксана фізично ще животітиме, але духовно зникне для цього світу, то Хадіджа навпаки – фізично мертва, але жива у духовному вимірі. Окрім того, можна говорити і про два образи Оксани – Оксану-українку та Оксану-боярину.

Інтерес Лесі Українки до Сходу ще більше зріс після перебування в Єгипті, в невеличкому містечку Гелуані неподалік Каїра. Відвідання каїрського музею та величних пірамід посприяло зокрема й відновленню роботи над підручником «Стародавня історія східних народів». Східна тематика визначила постання ліричних циклів «Весна в Єгипті» та «Єгипетські фантазії», а також останнього незавершеного оповідання «Екбаль-Ганем». Твору про життя арабки, яка прагне змін, попри те, що її інше «Я» «живе, як у в’язниці, не в звичайному призові гаремі, як годиться поштивій мусульманці, а таки в справжній в’язниці». Усе її існування зводиться до тривог за свою дочасну красу, а всі розваги – це бездіяльно лежати «на ліжку в подружній кімнаті» [12, С. 352], очікуючи чоловіка. Примітно, що навіть надмірний процес думання для неї, як для жінки, шкідливий.

У листі від 3.01.1910 р. з Гелуана Леся Українка пише матері: «Бачили ми великі піраміди і великого Сфінкса — се справді щось єдине на цілім світі! Ніякі картини, фотографії і т. и. не можуть дати справжнього поняття про душу сих камінних істот. Особливо Сфінкс — він має велику тисячолітню душу, він має живі очі, він немов бачить вічність. А який там пейзаж перед очима в сфінкса!.... Не розчарував мене Єгипет, а ще більше причарував і тепер тільки я зрозуміла його до кінця геніальний хист, як побувала в Каїрському музею» [6, С. 455–456]. Чимало знань про мусульманський Схід, його культуру, релігію, звичаї, письменниця дістала від Агатангела Кримського, сходознавчі розвідки якого, а також художні речі вона читала з великою увагою.

Інтерес до теми мусульманського гаремного жіноцтва вивершився у складному, суперечливому образі Екбаль-Ганем (хоч і не вповні розкритому через незавершеність оповідання). Головному образу твору передував образ мусульманки Айші.

Невеликий віршований діалог «Айша та Мохаммед» був написаний після закінчення «Кассандри» у 1907 р. На відміну від «Боярині», де головні герої вигадані, тут фігурують реальні (хоч і суттєво міфологізовані) історичні постаті – засновник ісламу Мохаммед та найславетніша з його дружин Айша.

Айша і Хадіджа – це найбільш відомі і шановані з дружин пророка Мохаммеда. Історична Хадіджа була старшою за чоловіка на п'ятнадцять років. Повіривши в його пророчу місію, вона стала першою мусульманкою. За її життя пророк Мохаммед не брав собі інших дружин. Айша, дочка першого халіфа Абу Бакра, теж відіграла значну роль у розвитку ісламської релігії. Про неї навіть є згадка в Корані: «Воістину, ті які зводять наклеп, є серед вас самих. Не вважайте це злом проти вас. Навпаки, це – добро для вас. Кожна людина отримає за свій гріх! А на того, хто згрішив найбільше, чекає велика кара!» (Сура 24 : 11) [5, С. 218]. Зі слів коментаторів, тут говориться про «матір правовірних» Айшу, яка під час одного з походів загубила своє намисто. Невдовзі вона приєдналася до інших разом із одним зі сподвижників, який допоміг їй дістатися до каравану, що викликало плітки й підозри в декого з віруючих. Можна припустити, що Леся Українка знала цю історію, а тому й виписала свою Айшу у не зовсім привабливому світлі, зацентрувавши на її негативних рисах.

У формі драматичного діалогу Леся Українка втілила власні погляди на питання любові / нелюбові, вірності / зради, внутрішньої краси / зовнішньої вроди, життя / смерті, вічного / тимчасового.

Так у портретуванні Айші акцент робиться на її зовнішності, зокрема звабливості, молодості, тілесності. Натомість Хадіджа, звільнена від тілесної оболонки, а отже і сексуальної принадності, може подарувати Мохаммеду лише метафізичне кохання. О. Забужко вбачає тут введення в українську літературу європейського міфу про кохання: «...любовний міф Лесі Українки є автентичною українською версією західноєвропейського секулярного міфа *amor fati*, в основі якого лежить формально переможена канонічним християнством неперервна дисидентська традиція гностичних ересей пізньої античності та середньовіччя» [4, С. 161].

У Лесі Українки Мохаммед, як справжній «мусульманин», є покірним Аллаху («Не спокушай аллаха...» [5]). А от жінка в ісламській родині, в першу чергу, – слухняна дружина чоловіка і берегиня домашнього вогнища, адже традиційна мусульманська сім'я заснована на владі глави родини. А тому Айша повинна бути покірна не лише Аллаху, а ще й своєму чоловіку – земному богу й господарю. Натомість діалог Айші та Мохаммеда відразу починається з претензій молодій дружині, якій не вистачає уваги чоловіка: «Коханий, глянь на мене!»; «Глянь на мене!»; «Ти дивишся й не бачиш!» [11, С. 100]. Через егоїзм вона навіть не намагається зрозуміти Мохаммеда. Більше того, як сказано у ремарках, вона його не слухає, говорить «злорадо» і навіть іронізує: «Ти перший милій не казав такого, / Хадіджа слів таких не вислухала» [11, С. 101].

Красуня хоче, щоб він дивився на неї як на кохану жінку, а не лише як на свою дружину, адже ці два поняття вона розділяє:

Так дивляться на дерево, на камінь,
на стіну, на колоду... я не знаю,
ще там на що, але не на дружину,
не на свою кохану! [11, С. 100]

Айша сумнівається у почуттях чоловіка до неї, хоче домінувати над усіма іншими дружинами, можливо і над ним самим: «Я хочу, щоб мене любив Мохаммед!» [11, С. 100]; «Мене любив / і більш нікого!» [11, С. 101]. Хоча навіть у Корані сказано, що «Ви ніколи не зможете однаково ставитися до всіх дружин зі справедливістю, навіть якщо ви прагнете до цього. Не схилийтесь до однієї, залишаючи іншу в невизначеності. І якщо ви будете праведними та богобоязливими, то, воістину, Аллах – Прощаючий, Милосердний!» (Сура 4 : 129) [5, С. 64].

Мохаммед дбає про свою дружину, забезпечує її добробут, що відповідає мусульманським традиціям. Авторка відразу змальовує нам, здавалось би, щасливе і забезпечене життя Айші, яка сидить у садку, в малій виноградній альтанці «і їсть солодощі, ліниво одкинувшись на низенькому ослоні, вкритому великим килимом» [11, С. 100].

За ісламськими традиціями будинок має бути розділений на дві частини – чоловічу й жіночу. На жіночій половині живуть жінки з дітьми; сюди не можна заходити сторонньому чоловіку. Чоловіча ж половина відкрита для чужих чоловіків – це свого роду вітальня, куди жінка може увійти при гостях лише для того, аби їм прислужити, подати їжу.

Подібний розподіл житла на дві частини наявний і в «Боярині» серед московських звичаїв, про що нам повідомляє мати Степана:

Ой ні, голубонько, нехай вже там,
у теремі... Тут на Москві не звичай,
щоб жінка мешкала на долі. Скажуть:
ото, стара, а звичаю не тямить! [10, С. 26]

Бути жінкою в країнах мусульманського Сходу непросто, адже за канонами ісламу жінка – істота «другого сорту»: «Чоловіки стоять над жінками через те, що Аллах дав одним перевагу перед іншими...» [5]. Попри те, що в Корані сказано, що Аллах створив чоловіка та жінку з «однієї душі» (Сура 4:1) [5, С. 53], найвищим ідеалом мусульманської сім'ї є безумовна підлеглість дружини чоловікові: «Відповідно до звичаю жінки мають такі права, які рівні правам на них самих, хоча чоловіки у дечому й вищі від них» [5, С. 32], «Праведні жінки покірні, вони бережуть у час відсутності чоловіків те, що Аллах наказав берегти» (Сура 4 : 34) [5, С. 56]. Велика увага в Корані відведена шлюбіві, де зокрема вказано, що стосунки між чоловіком і дружиною повинні будуватися на повазі («Поводьтесь з дружинами гідно. І навіть якщо вони неприємні вам, то, можливо, неприємне для вас те, куди Аллах вклав багато добра!» (Сура 4:19)), коханні, милосерді і підкріплюватися правами та обов'язками з обох сторін. Адже сказано: «Вони – наче одяг для вас, а ви – наче одяг для них» (Сура 2: 187) [5, С. 28]

Здається, що в красуні Айші немає причин ревнувати, адже Хадіджа, її явна чи уявна суперниця, «стара, негарна, навіть мертва» [11, С. 105]. Тим паче, що перша дружина в ісламських шлюбах завжди мала привілейоване становище. Натомість Айша розуміє, що не може змагатися з Хадіджею за любов Мохаммеда хоча б тому, що та вже померла: О, якби дав аллах, щоб не вмирала, / то, може б, я її перемогла! [11, С. 102]

Але, мабуть, вона усвідомлює, що земне кохання поступається небесному, і набагато важливішим є кохати одне одного вже в іншому, вічному, а відтак і спра-

вжньому, єдиному житті. Про цю перевагу сказано і в Корані: «Але ж ви віддаєте перевагу життю земному, / хоча життя наступне – краще й вічне» [5, С. 406]. Айша може подарувати лише тимчасову насолоду Мохаммеду на землі, натомість у засвітах його серце належатиме іншій. «Людам видається прекрасною любов до задоволень, які приносять жінки, сини, накопичені кінтари золота і срібла, добірні коні, худоба та посіви. Такою є тимчасова насолода земного життя, тоді як у Аллаха – краще місце для повернення!» (Сура 3 : 14) [5, С. 40]

У розвиткові образів Айші та Хадіджі Леся Українка використовує прийом антитези – зіставлення живого й мертвого, гарного й негарного, реального з ірреальним. Мохаммед сам оживлює померлу дружину, постійно оживляючи її образ у своїх думках: «в ній щось було... вічне, Айшо... / Мені здається, що вона живе, / і дивиться на мене крізь могилу, / і голосом таємним промовля, / і всі мої слова та й думку чує...» [11, С. 106].

Попри те, що «Бояриня» розкриває українську тему, хоч і з «не з сучасного, а з історичного життя», східні лейтмотиви теж визначають її звучання. Слід зазначити, що і писався твір упродовж 27-29 квітня 1910 р. далеко від України – в Єгипті.

Найбільше перегуків між творами в описі східних / московських звичаїв. Перша дія «Боярині», як і в «Айші та Мохаммеді», розпочинається у садку, де Оксана допомагає матері лагодити вечерю. Зустрівши Степана, дівчина побачила в ньому близьку людину, з якою мріяла побудувати рівні гармонійні стосунки. І в першу чергу їх єднало неприйняття братовбивчої війни. Натомість Степана Оксана зацікавила як «квітка», в якій уособлено «життя і волі образ / і краю рідного красу» [10, С. 19]. Не в змозі більше боротися з відчуттям суму та ностальгії за Батьківщиною, він прагнув на чужині створити маленький український куточок: «Для мене / куточок той, де б посадив я квітку, / здався б цілим світом...» [10, С. 19].

Але насправді вони по-різному бачили своє майбутнє і обоє зазнали невдачі. По суті, ні Степан, ні Оксана не дотримали свого слова. Степан, пообіцявши коханій: «Нічого ж там чужого / у нашій хатоньці не буде, – правда?» [10, С. 22], сам досить швидко скорився московським звичаям і вимагав того ж і від дружини. Та й Оксана, погодившись терпіти все, про що чоловік її попереджав, зрадила собі.

Оксана, мріючи про рівні стосунки між чоловіком та жінкою, про затишне родинне кубельце, на чужині змушена була вибирати поміж роллю відданої дружини, яка йде супроти свого національного і жінкою, яка жертвує гармонією у сім'ї заради національної належності. Ще М. Драй-Хмара помітив, що в «Боярині» яскраво відтворено побут жінок Московії XVII віку. Оксана навіть на початку готова прийняти її за батьківщину, адже і «віра там однакова, і мову / я наче трохи тямлю, як говорять» [10, С. 23]. У поемі авторка протиставляє українську жінку московській, яка живе за звичаями, що неабияк нагадують східні. У М. Костомарова згадується, що «у вельможних та заможних людей Московського Царства жіноча стать була замкнена, як у мусульманських гаремах» [3, С. 216].

В Україні жінка своїми правами мало чим поступалася чоловікові: освіта, рівність подружніх обов'язків, спільна власність, можливість брати участь у громадському житті тощо. Натомість московки до найменших дрібниць зале-

жали від чоловіків, не могли самі вільно ходити вулицями, були цілковито безправними. Московська жінка не мала також дозволу розмовляти з іншими чоловіками («Та мати ж кажуть, що жінкам не можна / між чоловіцтвом бути» [10, С. 42]), її роль лише прислужувати («ти маєш тільки їх почастивати, / та й знов у терем вернешся» [10, С. 43]).

За патріархальною традицією сімейне життя московки залежить від свахи, а українські дівчата могли вільно зустрічатися з коханими. Епізод із поцілунком старого боярина теж яскраво відбиває нерівність статусу української і російської жінки. Оксану вражає слабкодухість Степана, який змушує її до цього принизливого вчинку. Болісно сприймає вона і зміну імені з Оксани на Аксюшу, що є початком занепаду українки на чужині. Ставши бояриною, Оксана втрачає свою силу і незалежність у чоловічому світі, перестає ідентифікувати себе як українка. А тому покійно й навіть байдуже сприймає те, що мати Степана у фінальній сцені підкреслено називає її бояриною: «Отут бояриню посадовить та й можете вертати до роботи» [10, С. 72].

Аби уникнути цього важкого і в кожному випадку жертвовного вибору між коханням і національною ідеєю, вона вирішує обрати смерть як мовчання, як омріяну свободу. На чужині Оксана усвідомлює, що її обранець, як і вона сама, не вартий любові, а відтак їм ніколи не сягнути «духовного союзу» двох рівноцінних особистостей. Якщо вони і рівні, то лише у своїй пасивності щодо втручання у ті процеси, які відбувалися на Батьківщині: «Отак і ми з тобою... / зрослись, мов шабля з піхвою... / навіки... обоє ржаві...» [10, С. 80].

За словами С. Романова, найбільший спротив у Оксани викликають «внутрішня і зовнішня стратегії її нової батьківщини, зокрема особливості соціальної та політичної взаємодії на рівні: пан – слуга, очільник – підлеглий, і, зрештою, правитель – підданий» [8].

І, мабуть, варто нагадати ще й принципи сімейної взаємодії, коли чоловік виступає в ролі того ж господаря, пана, а жінка в ролі прислужниці, рабині.

Зміщення гендерних ролей тут власне й виявляється у тому, що Степан із сильного, владного чоловіка-козака, який «завоював» і перевіз свою кохану на чужину, перетворюється на слабого, боягузливого безстатевого служку-боярина. Замість традиційних чоловічих функцій, він виконує здебільшого жіночі – переодягся в «боярське фантя» і прислужує боярам як «пахоля»: «Як буде він під чаркою, то, може, / я догожу йому, він часом любить / пісень «черкаських» слухати та жартів, / та всяких теревенів, не без того, / що й тропака звелить потанцювати» [10, С. 51].

Як Оксана давала присягу Степанові, так і він присягнув московському цареві. Степан віддано тримається свого сюзерена-тирана, наче покійна жінка чоловіка: «Присяга, Оксано, / велике діло. Цар мені не верне / так присяги, як я тобі вернув [10, С. 67].

І якщо для Оксани неприпустимо змінити своє українське ім'я на зрусифіковане «Аксюша», то Степан безболісно погоджується бути «холопом Стюпкою». Від маскулінного мужа-козака з українським обличчям і гордою поставою, у кармазиновім жупані, з яким горда козачка йшла під вінець, залишився переляканий, утомлений, розгублений «фемінний чоловік» у непривабливо довгому (що приховує стать й без пояса для шаблі) боярському одязі.

Як неможливе органічне співіснування України та Московії за виразного бажання сильнішого домінувати, так і неможливі гармонійні стосунки між сильною Оксаною та слабкодушним Степаном. Оксанина недуга, почавшись із втрати голосу й неможливості співати, врешті призводить до смерті як цілковитого мовчання. Погодимось з С. Романовим, який вважає, що «Дискурс мовчання, як неможливості і/або небажання виявляти себе, один із центральних у творчості Лесі Українки, зокрема у тих випадках, де трактовано питання національного чи гендерного стану й статусу» [9].

Мовчанням, або ж втечею як небажанням давати відповідь на незручне питання, закінчується і діалог Айші з Мохаммедом:

Айша

А теє «вічне» є в мені, коханий?..

Є чи нема? Скажи!

Мохаммед мовчить.

Що ж ти мовчиш?

Мохаммед мовчки встає і йде з альтанки геть. Айша падає додолу на килим і ридає в безсилій лютої [11, С. 106].

Для Оксани московити не відрізняються від татар чи інших ворогів: «Та се ж якась неволя бусурманська» [10, С. 44]. А найбільш не прийнятним для неї московським (східним) звичаєм є обмеження свободи:

А що ж? Хіба я тут не як татарка
сиджу в неволі? Ти хіба не ходиш
під ноги слатися своєму пану,
мов ханові? Скрізь палі, канчуки...

холопів продають... Чим не татари? [10, С. 54]

І коли, замислившись над своєю швидкою смертю, Оксана радить Степанові удруге пошлюбити тільки московку, бо тутешні жінки «плохі, вони бояться» перечити чоловікові, то передовсім має на увазі слухняну східну жінку. Але зовсім не такою тихою і покірною постає Айша. І якщо Оксана звинувачує чоловіка у зраді Батьківщини, то Айша підозрює Мохаммеда в тому, що він кохає іншу. В обох випадках маскулітні якості героїнь проявляються тоді, коли вони борються за власне щастя і власні переконання.

Отже, варто ствердити, що Леся Українка центром драматичного конфлікту переважно робить сильну жінку, тим самим сприяючи інверсії узвичаєних гендерних ролей. Письменниця не тільки описує московські звичаї як східні, аж до цілковитого ототожнення, а й бачить спільне у зіставленнях світогляду, свідомості, прагненні підкорити слабшого. В обох драмах йдеться, швидше, не про маскулінізацію жінки, а про її бажання дорівнятися чоловікові. Іноді для цього потрібно набути рис, не властивих жіноцтву, адже сила жінки неодмінно призводить до слабкості чоловіка.

Стосунки Степана і Оксани, розпочавшись як рівні (на Батьківщині), у чужоземному просторі врешті-решт руйнуються. «Випадок» Айші та Мохаммеда дещо простіший, адже вони залишаються на своїй землі, та й образ пророка є незмінним. Куди більше питань викликає гендерна поведінка Айші. Героїня не-

звично наполегливо, як для східної жінки, відвойовує належне, як вважає, місце у серці чоловіка, прагнучи витіснити з нього образ померлої дружини. Якщо Хадіджі вдалося стати в рівень із Мохаммедом завдяки своїй мудрості, внутрішній силі, проникливості, то Айша нічого не може запропонувати чоловікові, окрім молодості, краси та самовпевненості.

Обидва тексти пронизані численними бінарними опозиціями: життя / смерті, чоловічого / жіночого, патріархального / гендерного, вічного / проминального, свого / чужого. Центральну дихотомію символізму – земне / небесне яскраво реалізовано в образах померлої Хадіджі та Оксани. У випадку останньої із названих героїнь це гранично проявилось у фіналі твору, де колишня козачка, а тепер «бояриня», яка вже добровільно попросилася з життям, тобто згодилася померти, покарати себе небуттям. Єдина тут відмінність хіба та, що Хадіджа, вже давно відійшовши до світу мертвих, сприймається як жива особистість, що втручається у стосунки Айші та Мохаммеда. Натомість фізично присутня у цьому світі Оксана скорилася і стала непомітною (мертвою) для своєї країни, близьких, життя загалом. Складнішими натомість є її зв'язки з чоловіком. Вона свідомо робить усе, щоби із серця чоловіка витіснити навіть спогади про себе. Однак чи забуде її Степан, хай і одружившись вдруге, напевно (статус дозволяє) на молодій, вродливій, заможній і... покірній, тобто ніякій московці? Навряд. Імовірно, він, по смерті колишньої дружини й у співжитті з новою, опиниться в «ситуації Мохаммеда». Однак, на відміну від свого літературного побратима, він напевне не матиме чистого сумління й світлої печалі за втраченою коханою. Адже її смерть так чи так лежатиме на його совісті.

Принципи творення цих героїнь виразно демонструють гендерну інверсованість ролей у засадах характеротворення Лесі Українки. Дослідження цього комплексу питань цілком перспективне й щодо інших драм письменниці.

Список використаних джерел

1. Агеева В. Гендерна літературна теорія та критика. *Основи теорії гендеру* : [навч. посіб]. Київ: «К.І.С», 2004. С. 426–445.
2. Агеева В. Поетеса зламу століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації. Київ: Либідь, 1999. 264 с.
3. Драй-Хмара М. Бояриня. *Літературно-наукова спадщина*. Київ: Наук. думка, 2002. С. 207–218.
4. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. Київ: Комора, 2014. 646 с.
5. Коран. Переклад смислів українською мовою. Переклад з арабської Михайло Якубович; редактор: Людмила Таран. Київ: Основи, 2015. 448 с.
6. Леся Українка. Листи: 1903–1913 / Упоряд. Прокіп (Савчук) В. А. Київ: Комора, 2018. 736 с.
7. Павличко С. Дискурс модернізму в українській літературі. 2-ге вид., перероб. і доп. Київ: Либідь, 1999. 447 с.
8. Романов С. «Голос однієї російської ув'язненої». URL: <https://md-eksperiment.org/post/20170223-golos-odniyeyi-rosijskoji-uv-yaznenoyi>
9. Романов С. Етико-естетична система Лесі Українки і національний літературний контекст епохи: дис... д-ра філол. наук: 10.01.01; 10.01.06. Київ, 2019. 459 с.
10. **Українка Леся**. Бояриня: драм. поема. Луцьк: Надтир'я, 2003. 88 с.
11. Українка Леся. Збір. тв.: У 12-ти т. Т. 4. Драматичні твори (1907–1908). Київ: Наук. думка, 1976. 350 с.
12. Українка Леся. Твори: У 12-ти т. Т. 7. Прозові твори. Перекладна проза. Київ: Наук. думка, 1976. 576 с.

13. Чухно В. Гендерний аналіз драм Лесі Українки “Бояриня”, “Кассандра”, “Камінний господар”. *Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія № 7. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія: Зб. наукових праць*. Київ: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова. 2007. № 15 (28). С. 189–195.

14. Якубський Б. В. Айша та Мохаммед. URL: <http://www.l-ukrainka.name/uk/Guide/-JakubskyBorys/AishaAndMohammed.html>

Е.А. Кравченкова (г. Москва, Российская Федерация)
Evgenia Kravchenkova (*Moscow, Russian Federation*)

УДК 82.091

«ПОЭЗИЯ СТЕН» В РУССКОМ СТРИТ-АРТЕ

Аннотация. В статье анализируются примеры бытования фактов литературы в русском стрит-арте. Вербализация (слово) и визуализация (изображение) сосуществуют неразрывно в новом направлении литературы – «поэзии стен». Традиции визуальной поэзии Д.А Пригова и А.Вознесенского развиваются в народных граффити, созданных, например, на основе творчества и биографии С.Есенина, а также в авторских произведениях стрит-художников, таких как Zoom.

Ключевые слова: визуальная поэзия, интернетлор, Пригов, Есенин, Zoom

"POETRY OF WALLS" IN THE RUSSIAN STREET ART

Summary. The papers analyse examples of the existence of literary facts in the Russian street art. Verbalisation (word) and visualisation (image) co-exist inextricably in a new trend of literature – "poetry of walls". The traditions of visual poetry by D. A. Prigov and A. Voznesensky are developed in folk graffiti, created, for example, on the basis of S. Yesenin's works and biography, as well as in the author's works by street artists, such as Zoom.

Keywords: visual poetry, internetlore, Prigov, Yesenin, Zoom

Рецепция классической литературы XIX века переживает кардинальные изменения в современном обществе. Мало, кто читает крупную прозу И.А. Гончарова или Л.Н. Толстого полностью. Ограничиваясь просмотром экранизаций или кратким пересказом сюжета, читатели, кажется, урезают значение классики и не способны воспринять сложность и многогранность смыслов произведения. Однако сетовать по этому поводу почти бессмысленно, потому что вос-

приятие чудовищных по объему потоков информации, которые вынужден перерабатывать и усваивать современный горожанин, заставляет концентрировать внимание читателя/зрителя на самом главном в произведении искусства.

В последние годы активно развиваются направления творчества, находящиеся на стыке нескольких, строго ограниченных ранее сфер эстетического познания мира. Литература и изобразительное искусство существуют здесь нераздельно, разграничить вербальное начало и визуальное невозможно. Так же синтетически взаимодействуют понятия «авторское произведение искусство» и «народное». Если можно определить имя автора по упоминаниям в соцсетях, то насколько этот «автор» относится к «интернетлору» [1], а в какой степени воплощает собой строго индивидуальный, оригинальный дар и талант? Написание фанфиков (народные вариации по мотивам известных и популярных произведений, фильмов, игр), съемка коротких фильмов на смартфон, рисунки, гифки и другие визуальные произведения наполняют Интернет-пространство. Интерпретация фактов литературной жизни, как то: хрестоматийных стихотворений, биографий известных писателей, портретных изображений классиков, их родовых имен и т.д., - приводит к формированию нового типа бытования художественных произведений и их авторов в современном социуме.

«Поэзия стен» зародилась в России в 2010-е годы и связана с активным развитием искусства граффити. Способность изображения-графффити быстро, ёмко, многоаспектно донести свою мысль до вечно спешащего по своим делам зрителя/читателя привлекает талантливых молодых людей и приводит к взрывному росту объема граффити-работ на улицах городов. В «поэзии стен» изображение должно обязательно опираться на факт литературной жизни, что отделяет это направление граффити от рисунков, связанных с кинообразами, спортом или с общественно-политической деятельностью. Подробное изучение литературы в массовой средней школе, несомненно, обогащает палитру граффитистов по сути бесконечными вариантами интерпретации героев, сюжетов, идей, высказанных русскими и зарубежными писателями.

Особо необходимо отметить связь «поэзии стен» с традицией русской визуальной поэзии XX века. Концептуализм Д.А. Пригова (1940-2007), в частности, строится на слитности вербализации и визуализации в едином акте творчества, что позволяет сформироваться в сознании читателя/зрителя концепту как целостному эстетическому представлению о произведении. Стихограммы Пригова 1980-х гг. изначально печатались на листе бумаги А4 и не предполагали перенесения на «стену». Однако в 2010-е годы художники-графффитисты и фотографы работали уже с пространством города, чтобы обострить восприятие стихограмм у горожан и обогатить концепты произведений Пригова новыми смыслами.

Стихограмма «АЯ» (рис. 1) [2] была в 2014 году перенесена на стену С. Овсейкиным (рис. 2) [3]. В родном для Пригова районе Москвы Беляево на стене девятиэтажки, где находится Галерея «Беляево», одним из основателей которой был поэт, граффитист изобразил стихограмму в виде мурала – наиболее масштабного по площади жанра граффити-рисунка. Бережно сохранив каждую деталь оригинала, Овсейкин переоткрыл снова шедевр Пригова для московской публики, внося в него монументальность памятника об ушедшем поэте.

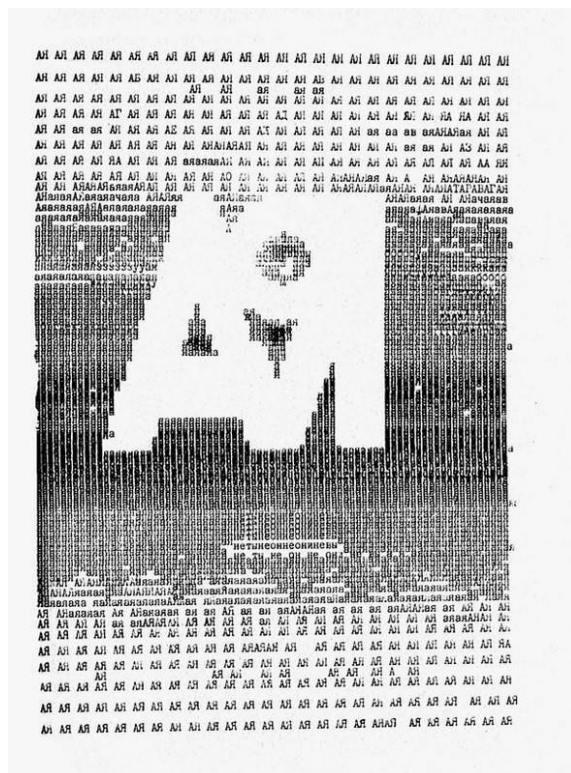

Рис. 1

Рис. 2

Фотограф К. Антипин использовал технологию съемок с помощью дрона, чтобы найти параллели между стихограммами и типовой застройкой района Беляево девятиэтажками. Текст «А в пиве что?» (рис. 3) [4, с. 12] актуализирован дрон-фотографией 2018 года (рис. 4) [5]: как и 40 лет назад жители панелек продолжают предпочитать пиво вину, а поиски истины оставляют чуждой для них интеллигенции.

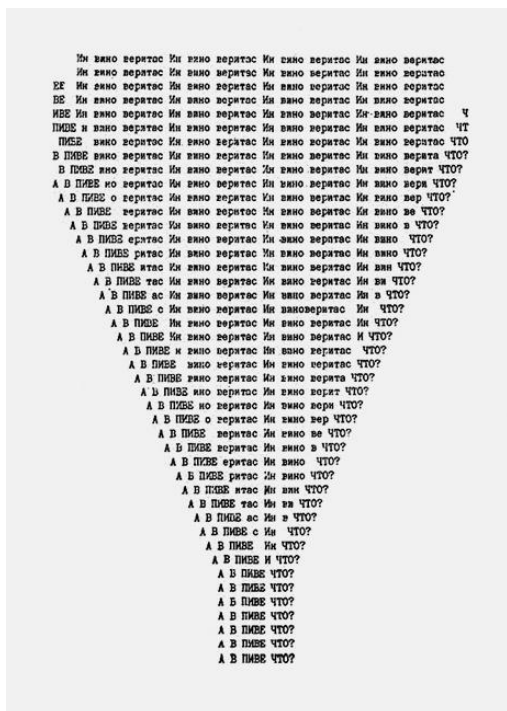

Рис. 3

Рис. 4

Визуальная поэзия XX века работала и с фактами биографий писателей. Видеомы А.Вознесенского (1933-2010), вышедшие отдельным изданием в 1992 году, воспринимались тогда как свидетельство эпатажа, характерного для творческого стиля поэта. Однако сейчас альбом повествует о трагической судьбе русских поэтов 1920-30-х годов – С.Есенина, В.Маяковского, О.Мандельштама и др. – и вполне укладывается в рамки русского литературного наследия противоречивого XX века. На рис. 5 [6, с. 8] поэт разместил длинный шарф, который стал причиной случайной и нелепой смерти Айседоры Дункан (он намотался на колесо автомобиля, в который села танцовщица, и удушил ее), веревку с петлей, на которой повесился С.Есенин в «Англетере», закрученную в форме буквы Е, и надпись «Есенин весенний вешен, поэт повешен». Изображение (визуализация) рассказывает нам историю любви, смерти, творчества двух талантливых людей (вербализация).

Рис. 5

«Поэзия стен» представлена огромным количеством фотографий, размещенных в пространстве Интернета. Подавляющее большинство из них являются частью «интернетлора» – новейшего периода развития фольклора, для которого характерно обезличенное авторство, использование готовых (подсмотренных у кого-то) художественных приемов и средств, работа с архетипами сознания и стереотипами массового мышления. Обратим внимание на серию работ «поэзии стен», размещенную в Харькове (Украина) на улице Сергея Есенина, д. 1 (рис. 6) [7]. Народное представление о Есенине как поэте-ангеле, поэте-мученике, как о золотоголовом херувиме, не справившемся с тяготами жизни, явственно проявляется в этой фреске, которая имитирует собой роспись храма. Русский характер поэта, его русская судьба также отражены здесь. Белый конь, синее небо, белая рубашка с красным пояском, птицы и образ полета знаменуют вечную тоску русского человека по граду Китежу, по месту обетованному, где душа после мучений в земной жизни, может, наконец, отдохнуть.

Рис. 6

Контраст эмоциональному граффити создаёт «произведение стрит-арта», которое находится за углом дома (рис. 7) [8]. Предприниматели также не могли пройти мимо названия улицы, где находится их магазин, и использовали «гений места» в маркетинговых целях. Название магазина меховых изделий, с одной стороны, обыгрывает имя Айседоры через слово 'ice' – лёд, но с другой стороны, вызывает оторопь, смех или возмущение, если зритель/читатель вдохновляется смыслами граффити-фрески, а потом заворачивает за угол. С третьей стороны, «поэзия стен» — это подчеркнуто свободное, даже хулиганское, искусство, и здесь неприемлемы ограничения ничьих вкусовых или эстетических предпочтений.

Рис. 7

Помимо рисунка как важнейшей части «поэзии стен», выделим шрифт, которым написаны некоторые граффити. Игра со шрифтами восходит еще к визуальной поэзии XVII века Симеона Полоцкого (1629-1680), а в XX веке была продолжена футуристами В. Хлебниковым (1885-1922) и А. Крученых (1886-1968). Хрестоматийный портрет Есенина окружен цитатой из стихотворения «Грубым дается радость...» (рис. 8) [9], и неизвестный «поэт стены» уже внес личную, авторскую ноту в изображение – по отдельности и портрет, и цитата слишком известны, чтобы передать авторское «я» художника, но композиция граффити и шрифт делают стиль узнаваемым.

Рис. 8

Или футбольные фанаты, подчеркивая свою силу, сплоченность, массовость, рисуют на задней стене ряда гаражей вдоль Казанского направления Московской железной дороги невероятно длинную цитату Есенина – 90 метров (sic!). Рис. 9 [10] лишь отдаленно может передать то эстетическое чувство, тот концепт, что рождается в душе и сознании уставшего пассажира электрички, который после тяжелого рабочего дня едет из Москвы в пригород. Патриотическая тема поэзии Есенина находит невероятно сильную по воздействию интерпретацию средствами современного масштабного народного искусства.

Рис. 9

Представленные выше примеры «поэзии стен» относятся к обезличенному фольклорному творчеству. Однако в современном русском искусстве начинают формироваться и первые яркие индивидуальности, чей неповторимый, легко узнаваемый стиль становится залогом развития новой крупной фигуры «поэзии стен». Художник Zoom появился на стенах московского района Замоскворечье в 2015 году и мгновенно привлек внимание интернет-аудитории. Московские коммунальщики работают хорошо – работы Zoom’а иногда живут только один день или несколько часов, но армия фанатов мгновенно реагирует и выезжает на место, как только художник размещает фотографию нового граффити в своем инстаграме. Изображения, сделанные почитателями творчества, разлетаются по сети и сохраняются в многочисленных подборках Zoom’а по годам – 2015, 2016, 2017 и до настоящего времени.

Zoom не ограничивает себя ни в выборе тем для граффити – известные люди, события общественно-политической жизни, темы экологии, домашнего насилия, алкоголизма и т.д; ни в способах нанесения изображения на стену – краска, огонь от сотен сгоревших спичек, скотч, ржавые скрепки, смятые алюминиевые банки, губная помада и т.д. Одной из первых работ, связанных с литературой, стал хулиганский портрет Ф.М. Достоевского 2016 года (рис. 10) [11].

Рис. 10

Zoom использовал как первоисточник известную литографию писателя, сделанную в 1862 году П.Борелем (рис. 11) [12]. Относительно молодой 41-летний писатель смотрит уверенно, гордо и немного свысока – он уже знаменит повестями «Бедные люди», «Белые ночи», романом «Униженные и оскорбленные», и он знает, что у него много сил для кропотливой работы над будущей крупной прозой.

Рис. 11

Zoom поставил Достоевского в новые, неизвестные в XIX веке условия. Писатель оказывается близок современной небедной, прямо скажем, московской молодежи: крутой лонгборд, который по-хозяйски уверенно держит молодой Достоевский, поза писателя со скрещенными стопами, кроссовки и обрезанные джинсы – всё говорит о том, что перед нами самоуверенный, здоровый, обеспеченный хозяин жизни. Хрестоматийная цитата, написанная по дореволюционным правилам орфографии, сближает граффити с произведениями концептуализма, где вербализация и визуализация существуют на равных в рамках строго сфокусированного на холсте или листе бумаги изображения. Игра с цитатой, где слово «право» изменено на «лонгбордъ», укладывается в парадигму постмодернизма, с его вечным осмеиванием канона. Однако «поэзия стен» как новое направление в литературном творчестве стремится вызвать разные эмоции у зрителя/читателя, и, как правило, отнюдь не комические. Трагизм звучания одного из основных постулатов теории Раскольников, непреодолимый до поры до времени, интенсивный и острый конфликт в его душе и сознании – страх перед преступлением и готовность отстоять кровью свои идеи – проявляется в «стихотворении на стене». Молодой человек с лонгбордом – он так же циничен, бездушен, жесток, как Раскольников в начале романа «Преступление и наказание»? Он так же готов на убийство ради того, чтоб прослыть безнаказанным Наполеоном? Он так же выше закона, нравственности и Бога? Вот те вопросы, что задает «золотой» молодежи Москвы своей работой Zoom.

«Поэзия стен» развивается активно, связывая писателей XIX-XX веков с современным читателем/зрителем. В 2016 году Zoom так сформулировал основную цель своего искусства: «Кроме того, что это забавные картинки, я пытаюсь найти некие культурные символы, иконы, которые бы объединяли людей. <...> Мы все тут ненавидим друг друга, но есть у нас общий культурный бэкграунд, вокруг которого мы можем все собраться и обняться. Это ценно, и об этом никто не говорит. То, что к нам пришло из советских времен и из новейшего времени, — такой дикий культурный винегрет, который я и пытаюсь раскопать, достав оттуда некие важные артефакты. И с помощью этих знаков прошлого я делаю свое высказывание про настоящее» [13]. Коммуникативная функция «поэзии стен» – типа искусства, понятного случайному прохожему и одновременно сложного и глубокого, – помогает увидеть и проанализировать новые отношения классики и читателя, новый, неизвестный ранее способ бытования и рецепции литературы.

Список использованной литературы

1. Радченко Д.А. «Ищите нас через Яндекс»: методики и проблемы сбора сетевого фольклора // Tautosakos darbai. [Электронный ресурс]. 2013. XLV. URL: http://www.liti.lt/failai/10_Radcenko%281%29.pdf (дата обращения 28 ноября 2020).
2. Корчагин К. Стихogramмы Дмитрия Александровича Пригова // Arzamas. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/micro/visual/9> (дата обращения 28 ноября 2020).
3. Жилой дом в Беляево украсила стихogramма // Архи.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/news/58607/zhiloi-dom-v-belyaevu-ukrasila-stikhogramma> (дата обращения 28 ноября 2020).
4. Пригов Д. Стихogramмы. – Париж: Издание журнала “А – Я”, 1985. – 34 с.
5. Автор проекта «Панельки навсегда» — о Пригове, Беляеве и дроне // The Village. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-village.ru/weekend/weekendkomment/308921-vystavka-prigov> (дата обращения 28 ноября 2020).
6. Вознесенский А. Видеомы. Стихи, визуальные объекты, проза. — М.: РИК «Культура», 1992. — 392с.
7. Харьковские граффити: про Пушкина – на Пушкинской, про Есенина – на улице Есенина // Живой Журнал. [Электронный ресурс]. URL: <https://ni-kolenka.livejournal.com/207033.html> (дата обращения 28 ноября 2020).
8. Там же.
9. Там же.
10. Если крикнет рать святая... // Твиттер. [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/fratria/status/536978305489326080> (дата обращения 28 ноября 2020).
11. «Стрит-арт без вандализма»: русский Бэнкси // Яндекс. Дзен. [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/ttextit/stritart-bez-vandalizma-russkii-benksi--5b81525a7f1c5200aaa-36c3f> (дата обращения 28 ноября 2020).
12. Графика и живопись // Ф.М. Достоевский: Антология жизни и творчества. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/photoarchive/graphics/> (дата обращения 28 ноября 2020).
13. «Мы все тут друг друга ненавидим»: как художник Zoom ущипнул Москву // Афиша Daily. [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/cities/2800-my-vse-tut-drug-druga-nenavidim-kak-ulichnyu-hudozhnik-zoom-uspokaivaet-moskvu/> (дата обращения 28 ноября 2020).

ГЛ. 7. ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛ И ВУЗОВ

Е.В. Гетманская (г. Москва, Российская Федерация)

Elena V. Getmanskaya (Moscow, Russian Federation)

getmel@mail.ru

УДК 372.882

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье представлены современные концепции, в которых актуализируется образовательная функция детской книги и детского чтения. В работе также анализируется междисциплинарная основа исследований по детской литературе, в которых доминантами анализа являются, помимо проблем перцепции и анализа художественного текста, дидактические, социальные и культурологические аспекты детского чтения.

Ключевые слова: детская литература, образовательная функция, цели чтения, социальная практика.

CHILDREN'S READING: EDUCATIONAL TOOL AND SOCIAL PRACTICE

Abstract. The article presents modern concepts that actualize the educational function of children's books and children's reading. The paper also analyzes the interdisciplinary basis of research on children's literature, in which the dominant analysis is, in addition to the problems of perception and analysis of literary text, didactic, social and cultural aspects of children's reading.

Key words: children's literature, educational function, reading goals, social practices.

Современная детская литература, являясь динамичной областью художественного, предлагает своим читателям необычайно широкие возможности эмоционального удовольствия и рефлексии. Наряду с этим, во множестве исследований детская литература отождествляется с ценным продуктом образования. Рассмотрим проблему под углом зрения писателей, авторов детской литературы: они чаще пишут о детях, а не для детей. Впрочем, и по сей день, мно-

гие не понимают этой существенной разницы. Определяя круг детского чтения, исследователи зачастую видят в детях лишь маленьких взрослых, приписывая им не свойственный детству образ мышления и абсолютно иной оценочный принцип. В своё время К. И. Чуковский подчёркивал: «Писать о детях и писать для детей – разные вещи. Во втором случае задача невероятно сложнее – одного таланта недостаточно. Необходимо нравственно возвыситься до уровня ребёнка, понять и принять без малейшего намёка на взрослую снисходительность его радости и страдания, приобщиться к божественному бессмертию детской души» [6, с. 17]. Таким образом, возникает эстетико-психологическая дилемма – художественный текст о детях всегда ли является одновременно текстом для детей? Безусловно, он адресован, прежде всего, ребёнку, потому что именно в детстве человек остро нуждается в образцах и парадигмах своего поведения и отношения к миру. Прямое назидание в этом процессе скорее уводит от цели, нежели приближает к ней, поэтому именно литература становится великим строителем будущей личности. Должен ли читатель-школьник, погружаясь в художественный текст о своём ровеснике, каждый раз преломлять своё восприятие о серьёзный теоретический парадокс – да, текст о детях, но его создатель – взрослый.

В отдельных западных концепциях сам факт существования детской литературы как отдельного жанра художественных произведений подвергается сомнению. В частности, в теории Ж. Роуз отрицается существование книг для детей как некоего специального художественного пространства. В книге «Случай Питера Пена или невозможность детской художественной литературы» (1984), Ж. Роуз на примере повестей о мальчике Питере Пэне шотландского писателя начала XX века Дж. Барри проводит мысль о том, что авторы детских книг конструируют образ ребёнка искусственно, не обладая детским восприятием действительности. Образ ребёнка не сопрягается с истинной природой детства и, следовательно, не может претендовать на правдивое описание чувств, мыслей и поступков детей. Главный посыл учёного – детская литература является невозможной по той причине, что пишут, редактируют, публикуют и анализируют эти произведения взрослые. Детская литература конструирует ребёнка как «чужого» по отношению к его собственной рефлексии, а, следовательно, стремится беззастенчиво поглотить ребёнка. В детские книги взрослый приходит первым (будучи автором, создателем, дарителем), а ребёнок появляется уже потом (в качестве читателя, продукта, получателя), но ни тот, ни другой не входят в общее пространство между ними. «„Питер Пэн“, – пишет Ж. Роуз, – стоит в нашей культуре как памятник невозможности своего собственного предназначения – того, что эта книга якобы представляет ребёнка, говорит с детьми и для детей, обращается к ним как к общности, которая познаваема» [1, с. 14]. С позиции учёного, «Питер Пэн» никогда и никоим образом не был книгой для детей, потому что она (эта книга) не разговаривает с ребёнком. Да, образ Питера Пэна передаёт образ ребёнка; но, на самом деле, автор так редко говорит с ним, что это заставляет учёного задать вопрос, а есть ли вообще какая-то связь между присутствием ребёнка в книге и множеством проблем и недомолвок в самом понятии детской художественной литературы [См.: 1, с. 2]. Сказать, что ребёнок находится внутри книги (ведь детские книги – это книги о детях) – значит

попасть прямо в ловушку, развивает свою мысль Ж. Роуз. Происходит некая путаница в намерениях взрослого: он хочет добраться до сознания детей с помощью ребёнка, которого он изображает. Если детская художественная литература и строит образ ребёнка, то она делает это для того, чтобы обезопасить детей, которые находятся вне книг; тех, кто не приходит так легко в пределы досягаемости автора. Иными словами, книги для детей – это морализирующий монолог взрослого автора, обращённый к детям.

Исследование перцепции образа ребёнка – героя детской книги – мы находим в работе Д. Радда «Развитие детской литературы» (2010). Профессор кафедры детской литературы Болонского университета Д. Радд (Великобритания), автор двух известных монографий по детской литературе «Коммуникативный подход в изучении детской литературы» (1992) и «Энид Блайтон и тайна детской литературы» (2000) главную проблему детской литературы видит в разрыве между «сконструированным» и «конструктивным» ребёнком (термины Д. Радда). Иными словами, существует разрыв между искусственно созданным автором, «сконструированным» образом ребёнка и его реальным «конструктивным» субъектом-прототипом. В этой ситуации наиболее продуктивной для рецепции читателя-ребёнка будет так называемый образ-гибрид, представляющий пограничную область между «конструктивным» ребёнком и сконструированным автором героем детской книги [2, с. 13]. Д. Радд подчёркивает, что ориентация на какого-либо реального ребёнка в литературоведческих и педагогических концепциях, разбирающих образ ребёнка, будет несостоятельной. В первую очередь потому, что понятие детства социально и исторически дифференцировано и должно определяться различно для отдельных исторических периодов и социальных групп. В то же время, перефразируя М. Бахтина, Д. Радд предполагает, что художественный текст воспринимается ребёнком, если можно так выразиться, «лишь наполовину», так как, вероятнее всего, читатель мысленно отвечает автору из другого, весьма отличного от бытийной локации автора, социального и временного локуса [Радд, с. 38]. Учёный отмечает постоянный пересмотр и оспаривание в обществе понятия «детское»: детство как социальный феномен испытывает кризис, в том числе и по причине всё большей ориентации рекламодателей и индустрии развлечений на ребёнка. Этому способствуют и новые медиа-технологии, которые позволяют детской аудитории обходить запреты взрослых на чтение и таким образом подвергать общественному сомнению меняющийся статус и критерии детства. Тем не менее, в контексте нашего постмодернистского мира Д. Радд считает феномен детства прочным якорем, который противостоит размыванию стабильных этических идентичностей.

Касаясь школьного литературного образования, следует заметить, что данный эстетико-психологический феномен (о детях или для детей) выявляет и методологические проблемы изучения детской литературы в школьном курсе. В среднем звене школы (концентр 5-7 классы), где в основном и представлена детская литература, вопрос «что мы читаем?» – текст о детях или текст для детей, может стать предметом внимания школьников, но как частная методическая линия урока. Главной целью изучения детской литературы на данном этапе литературного образования должны быть, бесспорно, вопросы нравствен-

ные. Чтобы оставить в «андеграунде» выявленное противоречие и создать у ученика желаемую иллюзию прямого детского начала в тексте, необходимо выбрать из имеющихся методов обучения тот, который наиболее адекватен детскому восприятию. В этом контексте мы актуализируем эвристический метод; именно он, по нашему убеждению, наиболее сензитивен возрасту детства и способен сместить акцент внимания школьника с авторского аналитического начала и обратиться напрямую к нравственным проблемам личности ребёнка в тексте. Как нам представляется, эвристические методы – это «система продуктивных правил деятельности педагога (методы преподавания) и деятельности ученика (методы учения), разработанные с учётом закономерностей и принципов педагогического управления и самоуправления в целях развития интуитивных процедур деятельности учащихся в решении творческих задач» [3, с. 144]. Подобное определение перекликается с мыслью М.А. Рыбниковой о незнании как о звене в движущейся системе «от незнания к знанию». В «Очерках по методике литературного чтения» М.А. Рыбникова пишет: «Ориентируясь на ребёнка, учитель учитывает сложный процесс перехода незнания в неполное знание и дальнейшие этапы перехода неполного знания во всё более и более полное знание. Процесс этот совершается в сознании ученика, но с помощью учителя и под его руководством» [5, с. 17].

М.Г. Качурин, анализируя исследовательскую деятельность учащихся, писал «...все современные искания учителей и методистов-словесников так или иначе связаны с исследованием как ведущим началом преподавания. Для этого есть очень веская причина. Дело в том, что исследовательский путь познания естественен, соответствует природе человеческого мышления... каждый новый виток спирали в движении дидактики и частных методик неизбежно возвращает нас к истоку – к идее связи между исследовательской направленностью человеческого мышления и воспитанием человека – мыслителя и творца» [4, с. 9]. В то же время учёному представлялось обоснованным стремление не преувеличивать исследовательские возможности школьников, так как учебное исследование есть всегда исследование уже познанного. «Учитель предъявляет ту или иную проблему для самостоятельного исследования, зная её результат, ход решения и те черты творческой деятельности, которые требуется проявить в ходе решения» [4, с. 203]. В практике преподавания литературы исследовательский метод, с точки зрения учёного, останется ведущим в силу исследовательской сути восприятия художественного произведения, исследовательского пути проникновения в бесчисленные смыслы текста. «В школьном изучении не только возможны новые, ранее не входившие в научный оборот наблюдения и суждения, но без свежего, в чём-то нового взгляда на произведение плодотворное его изучение вообще вряд ли возможно» [4, с. 10].

Концентр 5–7 классов, где представлена литература о детях, в силу возрастных особенностей школьников, является отправной точкой для широкого внедрения на уроке эвристических процедур. Насыщая обучение исключительно творческими методами, мы возводим в квадрат область неизведанного для учащегося. И вместо интереса и сильного творчества при изучении детской литературы, мы можем придти к снижению мотивации ученика. По нашему убеждению, метод, наиболее востребованный в этой учебной ситуации, *метод*

эвристический. Он способен скрыть парадокс – о детях или для детей, который может помешать целостному восприятию детского образа-персонажа. В качестве практического примера применения эвристического метода при изучении литературы о детях в среднем звене школы можно обратиться к рассказу В. Набокова «Обида», предлагаемому программой В. Г. Маранцмана в шестом классе. После комментированного чтения в классе, даём задание – найти в тексте художественные реалии конфликта главного героя с окружающим миром. Данный приём «открытого вопроса» позволяет без конкретно заданного направления поиска самому ученику обнаружить художественные средства его решения. Корней Чуковский, рассказывая историю «Мухи-цокотухи», говорил, что детскому писателю для творчества необходимо внутреннее ощущение счастья. «Ребёнок, несмотря ни на что, – всегда оптимист. Дар детского писателя в том, что, обладая литературным мастерством, он заряжается энергией своего маленького лирического героя, улавливает малейшее движение его души, мгновенную смену настроений, угадывает причудливую логику его мыслей и поступков и умеет передать всё это предельно простыми языковыми средствами» [6, с.19].

За последние годы отношение педагогического общества к феномену детской книги претерпело значительную трансформацию и, не в последнюю очередь потому, что стремительно меняются технологии знакомства с художественным словом. Современные исследователи рассматривают детскую литературу в её операциональном контексте «как социальную практику, включающую в себя чтение текстов в различных формах – печатных, визуальных, мультимодальных» [2, с. 4]. Относительно недавнее появление планшетных технологий, электронных книг, приложений и других интерактивных средств значительно расширили круг детских книг. Признание столь разных форм существования детской литературы ведёт за собой следующую констатацию: предмет исследования безграничен, следовательно, объектом его изучения являются как литературные, так и внелитературные средства, включая масс-медиа, фильмы и даже компьютерные игры.

Обширность интерпретаций термина детская литература в научной парадигме обуславливает рассмотрение в статье лишь части проблем, связанных с образовательной функцией детской книги. Образовательная составляющая, на наш взгляд, связывается, прежде всего, с формулированием целей детского чтения, его результатов, методологии его организации, его этической основы, а также с выяснением адресата художественного произведения. Исходя из междисциплинарной доминанты исследований, образовательная функция детской книги лежит одновременно сразу в нескольких предметных областях. Первыми в этом ряду, помимо методики, следует назвать дидактику, социальную педагогику, культурологию, а также проблемы перцепции и анализа художественного текста. Вместе с этим, главной константой современных исследований является отождествление детского чтения с социальной практикой, которая включает в себя чтение текстов в различных, в том числе, в мультимодальных формах. Исходя из этого, конечной образовательной целью детского чтения в контексте современной методики нам представляется социальное становление ребёнка-читателя, его ранняя социализация.

Список использованной литературы

1. Rose, Jacqueline. 1984. The Case of Peter Pan or The Impossibility of Children's Fiction, London and Basingstoke: Macmillan Press LTD, 181 p.
2. Rudd, David. 2010. The Development of Children's Literature. In Rudd D. (Eds.), The Routledge Companion to Children's Literature, London: Routledge. pp. 3–13.
3. Гетманская Е.В. Принципы организации самостоятельной работы студентов педвуза / Е.В. Гетманская // Инновационные стратегии и технологии реформирования системы управления образованием: Монография / Под общ. ред. В.П. Линьковой, В.В. Бондаренко. Пенза: РИО ПГСХА, 2010. С. 138-145.
4. Качурин, М. Г. Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 175с.
5. Рыбникова, М. А. Очерки по методике литературного чтения. М., «Просвещение». 1985. 288с.
6. Чуковский, К.И. Матерям о детских журналах: Санкт-Петербург: Рус. скоропеч., 1911. 103 с

Н.П. Кузнецова

(С- Петербург, Российская Федерация)

Kuznetsova N.P.

(Saint Petersburg, Russian Federation)

Е.К. Маранцман

(С-Петербург, Российская Федерация)

Marantzman E.K

(Saint Petersburg, Russian Federation)

УДК 37.013.43

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ И ПРИОРИТЕТНЫХ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы ценностных ориентаций сегодняшних учащихся, в связи с характером их славянского менталитета.

Ключевые слова: славянские ценности, концепция государства благосостояния. ¹⁶

¹⁶ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ, Проект 19-510-92002 - «Развитие методологии зеленого и инфраструктурного инвестирования институциональными инвесторами в условиях пенсионных реформ»

THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF VALUE ORIENTATIONS OF MODERN SLAVIC CHILDREN IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF THE WELFARE STATE AND THE PRIORITY GOALS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract: The article examines the problems of value orientations of today's students, in connection with the nature of their Slavic mentality.

Key words: *Slavic values, the concept of the welfare state*

Важнейшей проблемой модификации теории государства благосостояния и достижения целей устойчивого развития «славянского мира» выступает реформирование системы образования, которая должна уйти от коммерциализации 90-х XX в. – нулевых годов XXI в. и попытаться выстроить «золотой канон российского/славянского образования», объединив идею соборности, отразившейся в преемственности ценностной традиционно-консервативной модели и заимствования лучших образцов западной и восточной систем образования с идеей его креативности и инновационности – неотъемлемых свойств информационной цивилизации при прохождении 5-6 технологических волн Н.Д. Кондратьева. Славянский мир сегодня очень неоднороден. Но его объединяет трепетное отношение к слову, художественному слову в особенности, душевность и отзывчивость на беды других народов. Самоотверженность и православное смирение – вот черты славян. Это нашло отражение и в культуре, и в образовании. Прежде всего, в советской системе образования.

Советское образование было организовано по типу немецкой классической системы, в которой отразились основательность фундаментальных знаний и всеобъемлющий охват дисциплин. Прародителем этого контента стала система царской России, с ее классическим образованием и гармоничным сочетанием языкового и естественнонаучного полюсов, разносторонне представленных в обучении воспитанников, как в классических гимназиях, так и в реальных училищах.

Советская школа, благодаря ее идеологу – Н.К.Крупской, обладала всеми достоинствами российской дореволюционной, с той лишь разницей, что иностранные языки и закон божий были заменены коммунистической пропагандой, идеологизированы история и литература, введено трудовое воспитание по примеру реальных училищ. Но, даже такие трансформации в образовании не затронули его фундаментальности, большого охвата дисциплин, где все они изучались с одинаковой степенью тщательности, были обязательны для изучения всеми учениками. Этому способствовали ежегодные экзамены почти по всем предметам, что, безусловно, способствовало развитию стрессоустойчивости учащихся, ответственному отношению к учебе. Главным в советской системе образования был Учитель – именно с заглавной буквы! Учитель был не столько носителем и транслятором знаний, сколько учителем жизни, образцом нравственности. От учителя люди ждали не просто служения – почти христианской жертвенности. Он для ребенка становился заменой не очень образованных родителей, примером человека будущего – образованного и нравственного. Здесь соединились западное и восточное понимания задач обучения. Недаром, в русском языке существуют два разных слова – «обучение» и «воспитание», в то время как в английском это явление обозначается одним – «education».

Устойчивое развитие советской системы педагогического образования обеспечивало и пристальное внимание Вузовской подготовки специалистов. Во всей стране существовала обширная система педагогических ВУЗов, где прицельно готовили учителей-предметников, с балансом разнообразных практик при подготовке студентов к роли Учителя. С распадом Советского Союза, вместе со слиянием Педвузов с Университетами, с уменьшением количества часов на методические дисциплины, уходит и этот предмет – методика обучения и воспитания. Он остается только фрагментарно. В отдельных ВУЗах страны существуют специальности, готовящие педагогов – всего их в России сегодня 334[1]. Но, это отдельные программы, не всегда профильные педагогические ВУЗы, которых осталось не более 50. И их количество неукоснительно сокращается, в то время как количество детей в стране растет. Их также нужно будет учить. А учить их будут все менее профессионально компетентные люди. Учитель приходит в школу с дипломом классического ВУЗа, а потом доучивается через курсы повышения квалификации в Институтах развития образования. Это возможный путь для совершенствования навыков, но не для обретения новых ценностей, вписывания их в свою картину мира. При этом, заметим, что учить детей такой учитель начинает с первого дня своей работы в школе. И детям, и родителям, которые попадают в руки такого учителя, безразлично, первый день он работает или последний. И учитель для этих детей – единственный, а следовательно, и уровень компетентности у него должен быть высочайшим. Особые риски от такого образования проявляются в учительской среде: не получив достаточного количества опыта при обучении, учитель приходит в школу не до конца подготовленным, и отсюда не всегда может справиться с методическими задачами. Методика преподавания предмета, которая была главной наукой в педагогическом ВУЗе в России, стала теперь ненужной обузой для Университетов, где предмет этот преподают либо опытные учителя, либо начинающие специалисты, имеющие кандидатскую степень по узкой специальности. Программы же, связанные с профилем «Педагогическое образование» оснащены, как правило, курсами по общей педагогике и узкоспециальными предметами. Наше стремление сделать все на западный манер, где нет понятия «методика преподавания», привело к тому, что сегодня учителя методически полуграмотны, и все держится на естественном энтузиазме, любви к детям и предмету. Учитель каждый урок «изобретает велосипед», уподобляясь известному герою комедии Ж.Б.Мольера «Мещанин во дворянстве», который не подозревал, что говорит прозой [2].

Конечно, в сегодняшнем положении учитель выступает в роли репетитора по предмету, где главным мотивационным стимулом для всех участников образовательного процесса становится успешная сдача ребенком ЕГЭ и ОГЭ. Так и превращается учитель в дрессировщика, а ученик в «болонку» (по ассоциации с Болонской системой образования, к которой мы по-прежнему стремимся). Главным становится знаниевая парадигма, причем эти знания отрывисты, несистемны, их оценка специфически представляется в виде тестов разного уровня. Ценности процесса получения этих знаний отходят в сторону. Именно поэтому в стране процветает репетиторство. Некоторые учителя самым бессовестным образом сами рекомендуют родителям обращаться к репетиторам для доподготовки их чад. Особенно возмутительны рекомендации по написанию сочинения в 11 классе. До сего дня зачет по сочинению был лишь допуском к остальным

экзаменам. В условиях пандемии сочинение осталось только зачетом. В рекомендациях 2020 года, когда все дети нашей страны сдавали сочинение в виде зачета-незачета, для учащихся обозначены такие требования: «...Сформулируйте одну из проблем, поставленных автором текста, прокомментируйте сформулированную проблему, включите в комментарий два примера-иллюстрации из прочитанного текста, которые, по Вашему мнению, важны для понимания исходного текста (избегая чрезмерного цитирования)» [3].

Мы позволим себе удержаться от подробного комментирования сего продукта. Остановимся только на указании точного числа примеров-иллюстраций – 2! Само понятие сочинения предполагает неспешное, аргументированное и подробное изложение собственных мыслей учеником, его беседу с автором исходного текста. Чем более глубокий текст, тем плодотворнее должен становиться такой диалог ученика с ним. А тут ученику советуют придерживаться не логики текста, а ограничиться рамками, которые обозначают проверяющие. Написанный по правилам текст ученика, порой не отражает глубину его понимания. И напротив, одна метафора, созданная учеником, отражает глубину его проникновения в текст. По-хорошему, нужно бы было доверить учителю (проверяющему) разобраться с отметкой ученика. Ему доверить такую тонкую работу. Но, здесь мы опять упираемся в качество подготовки сегодняшнего учителя. Он так загружен бумажной волокитой, что становится удобнее действовать по шаблону, не принимать решений, а подчас и не читать работ своих воспитанников, а только выхватывать из них определенные показатели, которые позволят учителю поставить «правильную» оценку. Драма формата «сочинения с отметкой» еще впереди... И здесь снова встает проблема ценностных ориентаций и преподавателя ВУЗа, и учителя школы. Когда в педагогическом ВУЗе курсы читались годами, преподаватель мог узнать и действительно выстроить не только индивидуальный образовательный маршрут своим студентам, но и наметить весь их жизненный путь. Это, безусловно, восточное понимание функции учителя, как наставника, друга и примера во всех жизненных ситуациях, укоренилось в России в конце XIX века. Достаточно вспомнить некрасовские строки: « Учитель! перед именем твоим // Позволь смиренно преклонить колени! //Ты нас гуманно мыслить научил...»[4]. В маленьком старинном городке Торопец в самом сердце России стоит памятник Учителю. Просто безымянный. Его отлили в бронзе в советское время. Деньги собирали всем миром. И символично, что у этого бронзового учителя нет собственного имени – это и собирательный образ всех, кто трудится на этом поприще, и древнерусская традиция иконописцев, летописцев и просто ученых мужей, стеснявшихся выводить свои имена рядом с божественными ликами. Сегодня принято себя презентовать, ярко заявлять о себе.

Ученый, учитель всегда творит в тиши кабинета, аудитории, класса. Только в тишине раздумий рождается нечто стоящее. Такое понимание статуса учителя в России обуславливает продуктивность иной модели образования: не европейской – пунктирно обозначающей траекторию обучения путем «нарезки» всевозможных курсов, а фундаментальное, длительное, подробное изложение темы Мастером, потом столь же тщательное сопровождение учащихся. Западный мир может себе позволить такую быструю модель обучения, ведь там с «младых ногтей» прививается умение выбирать. Это главное, чему учит западная система образования и жизни вообще. Самостоятельный выбор на уровне высшего

образования и позволяет такой формат обучения. Воспитание же не рассматривается как предмет – это прерогатива Церкви, родителей, среды.

В восточной модели все внимание уделено воспитанию – обучение становится инструментом воспитания личности. И поэтому требуется большие усилия всех институтов, и прежде всего Учителя как эталона. Именно в связи с таким пониманием задач высшего образования сегодня стала странной и неэффективной его организация, когда серьезные курсы занимают ничтожное количество аудиторных часов, когда преподаватель едва успевает обозначить проблему. А рассчитывать на ответственную, осознанную работу студента не приходится, он не приучен к самостоятельности. С детства его опекают все и не дают возможности научиться выходить из сложностей самостоятельно. Это связано со всеми институтами – от властных структур до материнской опеки детей до их седых волос. Вот почему слом педагогической системы происходит так болезненно – западноориентированный и выученный на западе класс функционеров от образования сталкивается с восточными тенденциями в общей массе образованных людей в России.

Евразийская модель сосуществования вбирает в себя черты Востока и Запада одновременно, не антагонистично, а гармонично дополняя друг друга. Конечно, центром для России всегда будет восточное направление мысли. Именно сильное государство позволяет удерживать просторы России. Однако невероятные различия в укладе жизни в нашей стране должны давать возможность регионам отвечать самим за свои территории, не становиться вассалами центральных властей. Такая модель сотрудничества России со странами СНГ уже приносит свои плоды и в Белоруссии. Одно понимание базовых ценностей, общая история и опыт совместного проживания в рамках СССР позволил нашим странам обрести опыт не только плодотворного сотрудничества, уважения, а родственного принятия друг друга.

Сходную позицию разделяет весь славянский мир! И это произошло не путем навязывания идеологием, а течением всей жизни наших народов. «Точкой сборки» становится система ценностей, выработанная всей историей взаимоотношений славянских государств. А у западного мира нам всем нужно научиться ответственности и умению четко просчитывать последствия своих действий. В славянском мире значительная часть имеющихся ресурсов должна направляться не на материальное производство, формирование общества массового потребления и воспитание «квалифицированного потребителя», а на создание общества творческого человека-новатора высокой нравственности и культуры. Взаимопроникновение ценностей разных культур – залог бескровной интеграции общества и единственная возможность создания государства благосостояния и достижения модели устойчивого развития в современном мире. В этом процессе основополагающую роль призван играть институт образования-воспитания-развития человека.

Список использованной литературы

1. Данные на 2020 год см. vuzoteka.ru/вузы/педагогические
2. Мольер Ж.Б. «Мещанин во дворянстве». Изд. «Эксмо» серия «Библиотека школьника», 2017 – 224 с.
3. ФИПИ. Новые критерии ЕГЭ 2019. Требования к сочинению по русскому языку. planktons.ru/2019/38335-novye-
4. Некрасов Н.А. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. – С.34. – 264 с.

В.Ф. Габдулхаков

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия, Татарстан)

V. F. Gabdulkhakov

(Volga region) Federal University (Russia, Tatarstan)

С.А.Лихачева

S. A. Likhacheva

УДК 159.9.07

ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ТАТАРСТАНА

Аннотация. Цель статьи – показать, что важными детерминантами поликультурного развития детей являются не только факторы наследственности, но и факторы социокультурного, национально-регионального характера, обусловленные этногенезом развития нации, культуры, языка того или иного народа. Доказывается, что к таким детерминантам следует относить языковую координацию, языковую субординацию, смешанную трансформацию языковых норм, универсалий и законов того или иного языка.

Ключевые слова: детерминанты, антропология, поликультурный, дошкольный, двуязычие, координативный, субординативный, смешанный.

DETERMINANTS OF MODERN ANTHROPOLOGY OF MULTICULTURAL EDUCATION IN PRESCHOOL INSTITUTIONS OF TATARSTAN

Abstract. The purpose of the article is to show that important determinants of multicultural development of children are not only factors of heredity, but also factors of socio-cultural, national and regional nature, due to the ethnogenesis of the development of a nation, culture, language of a particular people. It is proved that such determinants should include language coordination, language subordination, and mixed transformation of language norms, universals, and laws of a particular language.

Key words: determinants, anthropology, multicultural, preschool, bilingualism, coordinate, subordinate, mixed

Анализируя поликультурный контент в учебных планах и программах образовательных учреждений (дошкольных, школьных, специальных, высших), мы пришли к выводу, что именно в дошкольных учреждениях этот контент требует особого внимания: его антропологию особенно сильно детерминируют факторы

психолингвистического, социально-политического, экономического, информационного, цифрового характера [1, 2, 3, 4, 5].

В психологии к детерминантам обычно относят факторы психического развития личности [6, 7, 8]. Выделяют ведущие детерминанты (факторы) развития человека и детерминанты второстепенные.

К ведущим детерминантам развития личности обычно относят фактор наследственности. О таких факторах писал еще Джон Локк (XVII- XVIII в.) [9] и Жан-Жак Руссо (XVIII в.) [10].

К детерминантам психического развития личности ребенка обычно относят:

- наследственность ребенка: многие физиологические и психологические качества передаются по наследству;
- окружающую среду: среда (семейная, детская, социальная), без сомнения, является объективным фактором развития личности;
- физическую, социальную и др. активность ребенка как форму преодоления регламентов окружающей среды;
- противоречия между мотивами ребенка и имеющимся уровнем знаний, умений и навыков.

К второстепенным детерминантам чаще относят факторы социокультурного характера.

Социокультурное развитие мы рассматриваем как фундаментальный процесс этногенеза, критериями которого выступают антропологические особенности совершенствования качества и образа жизни людей определенного этноса, особенности развития поликультурной личности в условиях совместного проживания представителей разных наций.

Социокультурное развитие детей обусловлено сложившейся социально-экономической и социально-культурной ситуацией в России. Поэтому такое понятие, как «социокультурное развитие детей» имеет тесную связь с дефиницией «социокультурная компетентность». Эта компетентность является специфическим детерминантом развития дошкольного образования.

Если наследственность – это врожденное качество ребенка, то социокультурные особенности имеют разные дефиниции.

Важными детерминантами развития ребенка (в контексте факторов социокультурного характера) являются:

- язык (родной язык, второй язык, язык общения, язык обучения, материнский язык, семейный язык и т.д.);
- национальная культура (культура этноса, русская национальная культура, диалог культур, межкультурное общение и др.).

Оба детерминанта следует рассматривать в контексте общих проблем развития этногенеза.

В поликультурной среде, которую представляет Татарстан, детерминанты такого порядка имеют особое значение.

Дело в том, что в Татарстане два государственных языка (русский и татарский). На территории республики проживают и русские, и татары, и чуваша, и марийцы, и представители других народов. Соотношение русских и татар примерно одинаково. Однако растет количество татарских семей, в которых языком общения является не татарский, а русский.

Уровень владения татарским (как родным), несмотря на предпринимаемые региональным министерством меры, падает.

В последние годы Министерство образования и науки Республики Татарстан делает особый акцент на развитии родного (татарского) языка не в школах (как раньше), а в дошкольных учреждениях.

В настоящее время в дошкольных учреждениях Татарстана все дети (и русские, и татары, и марийцы) активно овладевают двумя языками – русским и татарским. При этом русские дети иногда говорят на татарском языке лучше, чем на родном – русском. То есть происходит трансформация детерминантов языка (а вслед за языком и детерминантов национальной культуры): второй язык для русских детей становится языком общения, по сути, вторым родным языком. Соответственно национальная культура татар русскими родителями воспринимается как чужая, а их детьми – как родная.

Наличие этих детерминантов можно квалифицировать как положительное явление: растет уровень владения татарским языком: для татар – уровень владения родным языком, для русских – уровень владения вторым языком. Оба языка, согласно Конституции Республики Татарстан, являются государственными.

Однако, эти – положительные, на первый взгляд – детерминанты на самом деле имеют и отрицательные последствия.

Наши исследования показывают, что из трех самых общих типов двуязычия – координативного, субординативного, смешанного – в дошкольных учреждениях иногда преобладает смешанный тип.

В современной психолингвистике выделяют более десяти типов и подтипов двуязычия. Но в самом общем виде анализу подвергаются три. Общая выборка наблюдаемых детей (2017-2020 гг.) составила 376 человек. Проводился также сравнительный анализ речи детей и воспитателей. Таких воспитателей было 56 человек.

Исследование проводилось по трем типам двуязычия.

Первый тип – координативный – предполагает свободное владение двумя языками: ребенок способен без труда переключаться с семантической базы одного языка на семантическую базу другого языка, легко осуществлять перекодировку информационного потока, то есть не задумываться над переводом. Таких детей, по нашим наблюдениям, в детских садах г. Казани примерно 11%. Это дети разные по этническому происхождению – и русские, и татары в возрасте от пяти до семи лет.

Второй тип – субординативный – предполагает свободное владение одним языком. В нашем случае это русский или татарский язык. Вторым языком воспринимается как второстепенный, не очень актуальный или не очень востребованный. Субординативный тип активно развивается в тех детских садах, где образовательный процесс осуществляется больше на русском языке, а к татарскому дети обращаются на специальных занятиях по обучению этому языку.

Аналогичная ситуация в детских садах с татарским языком воспитания. Только там дети свободно говорят на татарском языке, а русский язык воспринимается как менее актуальный.

В целом по детским садам г. Казани субординативный тип характерен для 47% детей.

Третий тип – смешанный – предполагает смешение семантических баз, законов организации двух (иногда трех) языков. В результате ребенок плохо говорит на обоих языках: путает родовую соотнесенность русских имен существительных, процессуальные оттенки русских глаголов, смысловые значения предлогов, порядок слов в предложениях и т.д. На татарском языке наоборот: пытается вставить русские глаголы или предлоги в татарскую речь, придумывает суффиксы и окончания и т.д. У таких детей страдает не только коммуникативная сфера, но и сфера мыслительная, интеллектуальная и даже нравственная.

Детей со смешанным типом двуязычия оказалось в детских садах г.Казани достаточно много – 42%. Многие дети со смешанным двуязычием впоследствии (в условиях начальной школы) достаточно быстро переходят к субординативному: в школах с русским языком обучения – к русскоязычной субординации, в татарских гимназиях – к татароязычной субординации.

Общие результаты проведенного исследования представлены в таблице 1 (см. табл. 1).

Таблица 1. Наблюдаемые типы двуязычия у детей в дошкольных учреждениях г. Казани (2017-2020 гг.)

Типы двуязычия	Координативный	Субординативный	Смешанный
В %	11	47	42

При сравнительном анализе речи детей и воспитателей было установлено, что и педагоги не всегда свободно владеют двумя языками (см. табл. 2).

Таблица 2. Наблюдаемые типы двуязычия у воспитателей в дошкольных учреждениях г. Казани (2017-2020 гг.)

Типы двуязычия	Координативный	Субординативный	Смешанный
В %	23	64	13

Как видим, свободно владеет двумя языками только 23% педагогов, при этом 13% владеет смешанным двуязычием. Большинство же педагогов (64%) отличаются субординативным двуязычием. При этом для 41% педагогов характерна русско-татарская субординация, а для 23% татарско-русская субординация. Татарско-русская субординация ярко выражена у педагогов, профессиональная деятельность которых связана с обучением детей татарскому языку и по специальности они учителя татарского языка.

Таким образом, важными детерминантами поликультурного развития детей являются не только факторы наследственности, но и факторы социокультурного, национально-регионального характера, обусловленные этногенезом развития нации, культуры, языка того или иного народа.

К таким детерминантам мы относим языковую координацию, языковую субординацию, смешанную трансформацию языковых норм, универсалий и законов того или иного языка.

Список использованной литературы

1. Габдулхаков В. Ф. Об антропологии когнитивного и физического развития детей в условиях двуязычия. // Современное дошкольное образование: Теория и практика. – 2020. – № 1 (97). С. 12-24. DOI: 10.24411/1997-9657-2019-10052

2. Габдулхаков В. Ф. О роли музыкально-ритмических упражнений в развитии когнитивных функций ребенка в условиях цифрового образования // Современное дошкольное образование. – 2020. – № 3(99). – С. 4-16. DOI: 10.24411/1997-9657-2020-10070.
3. Габдулхаков В. Ф., Зиннурова А.Ф. Об антропологических особенностях повышения эффективности профессионального образования в вузе. // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 3. С. 3-12; DOI: 10.17513/spno.29900.
4. Габдулхаков В. Ф. О развитии когнитивных способностей будущих архитекторов на занятиях по физической культуре в условиях цифровизации образования. / В.Ф.Габдулхаков, А.Ф.Зиннурова // Вестник университета Российской академии образования. - 2020. - № 2. - С. 4-17. DOI: 10.24411/2072-5833-2020-10013
5. Габдулхаков В. Ф., Зиннурова А.Ф. О педагогических детерминантах повышения эффективности высшего профессионального образования в условиях пандемии коронавируса. / В.Ф.Габдулхаков, А.Ф.Зиннурова // Современные проблемы науки и образования. - 2020. - № 6. - С. 3-12; DOI: 10.17513/spno.30250
6. Выготский Л.С. Психология развития. Избранные работы / Л.С.Выготский. - М.: Издательство Юрайт, 2019. - 281 с.
7. Семенов И.Н. Вклад А.Н.Леонтьева в развитие психологии мышления, инженерной психологии и эргономики. // Вестник Московского университета. Серий 14: Психология. - 2018. - № 3. - С. 3-20.
8. Эльконин Д.Б. Детская психология. - М.: Академия, 2011. - С. 11-19.
9. Заиченко Г.А. Объективность чувственного знания: Локк, Беркли и проблема «вторичных» качеств // Философские науки. — 1985. — № 4. — С. 98-109.
10. Занин С. В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII века. — СПб.: Мирь, 2007. — 535 с.

References

1. Gabdulkhakov V. F. on the anthropology of cognitive and physical development of children in bilingualism // Modern preschool education: Theory and practice. – 2020. - № 1 (97). Pp. 12-24. DOI: 10.24411/1997-9657-2019-10052
2. Gabdulkhakov V. F. on the role of musical and rhythmic exercises in the development of cognitive functions of a child in digital education // Modern pre-school education. – 2020. – № 3(99). – Pp. 4-16. DOI: 10.24411/1997-9657-2020-10070.
3. Gabdulkhakov V. F., zinnurova A. F. on the anthropological features of improving the effectiveness of professional education in higher education // Modern problems of science and education. - 2020. - No. 3. Pp. 3-12; DOI: 10.17513/spno. 29900.
4. Gabdulkhakov V. F. on the development of cognitive abilities of future architects in physical education classes in the conditions of digitalization of education /V. F. Gabdulkhakov, A. F. zinnurova // Bulletin of the University of the Russian Academy of education. - 2020. - No. 2. - Pp. 4-17. DOI: 10.24411 / 2072-5833-2020-10013
5. Gabdulkhakov V. F., zinnurova A. F. on pedagogical determinants of improving the effectiveness of higher professional education in the context of the corona virus pandemic. / V. F. Gabdulkhakov, A. F. zinnurova // Modern problems of science and education. - 2020. - No. 6. - Pp. 3-12; DOI: 10.17513/spno. 30250
6. Vygotsky L. S. Psychology of development. Selected works / L. S. Vygotsky. - Moscow: Izdatelstvo yurayt, 2019. - 281 p.
7. Semenov I. N. Contribution of A. N. Leontiev to the development of psychology of thinking, engineering psychology and ergonomics. // Bulletin of the Moscow University. Series 14: Psychology. - 2018. - No. 3. - S. 3-20.
8. Elkonin D. B. psychology of adolescence. - M.: Academy, 2011. - P. 11-19.
9. Zaichenko G. A. the Objectivity of sensitive knowledge: Locke, Berkeley, and the problem of "WTO-richnyj" qualities // Philosophical Sciences. - 1985. - No. 4. - Pp. 98-109.
10. Zanin S. V. the Social ideal of Jean-Jacques Rousseau and the French Enlightenment of the XVIII century. - SPb.: Mir, 2007. - 535 p.

Гл. 8. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Беженару Л. Е., доктор филологических наук, доцент кафедры Славистики «Петру Караман» Ясского университета «Ал.И.Куза».

(Яссы, Румыния).

Bezhenaru L. E., doctor of philological Sciences, associate Professor of Slavic Philology "Petru Caraman» Yass University " Al. I. Kuza» (*Iasi, Romania*).

ludbejenaru@gmail.com

2. Борсук Н. Н., кандидат филологических наук, зав. кафедрой белорусского и русского языков УО «Брестский государственный технический университет» (*Брест, Республика Беларусь*)

Borsuk N. N., candidate of philological Sciences, head of the Department. Department of Belarusian and Russian languages of the Brest state technical University (*Brest, Republic of Belarus*)

borsnina@yandex.by

3. Будник, О. А. преподаватель кафедры БиРЯ Брестского государственного технического университета (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Budnik W. A., lecturer, drzewny of the Brest technical University

(Brest, Belarus)

budnik84@bk.ru

4. Габдулхаков В. Ф., доктор педагогических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (*Россия, Татарстан*)

Gabdulkhakov Valerian Faritovich, PhD, Professor Kazan (Volga region) Federal University (*Russia, Tatarstan*)

Pr_Gabdulhakov@mail.ru

5. Гетманская Е. В., доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания литературы Московского государственного педагогического университета (*г. Москва, Российская Федерация*)

Getmanskaya Elena V., doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of methods of teaching literature, Moscow state pedagogical University (*Moscow, Russian Federation*)

getmel@mail.ru

6. Дацкевич А. А., аспирант Института истории НАН Беларуси (*Брест, Республика Беларусь*).

Datskevich Anton post-graduate student Of the Institute of history of the national Academy of Sciences of Belarus (*Brest, Republic of Belarus*).

antosdackievich@gmail.com

7. Дьяченко Ю. В., кандидат филологических наук, доцент БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет» (*г. Сургут, Российская Федерация*).

Dyachenko Yu. V., Ph. D., associate Professor, UNIVERSITY of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra "Surgut state University" (*Surgut, Russian Federation*).

8. Жигалова М. П., доктор педагогических наук, профессор кафедры белорусского и русского языков, Брестский государственный технический университет (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Zhigalova M. P., doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Belarusian and Russian Language Department Brest state technical University (*Brest, Belarus*)

zhygalova@mail.ru

9. Забродина И. К., кандидат филологических наук, доцент, зам. директора по науке и развитию Института иностранных языков и международного сотрудничества, Томский государственный педагогический университет (*г. Томск, Российская Федерация*).

Zabrodina I. K., Ph. D., associate Professor, Deputy. Director for science and development of the Institute of foreign languages and international cooperation Tomsk state pedagogical University (*Tomsk, Russian Federation*).

zabrodinairina@tspu.edu.ru

10. Заика З. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языков, Брестский государственный технический университет (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Zaika Z. M., Ph. D., associate Professor, Belarusian and Russian Language Department Brest state technical University (*Brest, Belarus*)

11. Захарчук Л. А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики начального образования Брестского государственного университета им. А.С.Пушкина (*г. Брест, Республика Беларусь*).

Zakharchuk L. A., candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of pedagogy of primary education of the Brest state University named after A. S. Pushkin (*Brest, Republic of Belarus*)

alexzaharchuk@rambler.ru

12. Игнатюк Т. М., старший преподаватель кафедры БиРЯ Брестского государственного технического университета (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Ignatyuk T. N., senior lecturer of the Belarusian and Russian Language Department Brest, Brest state technical University (*Brest, Republik of Belarus*)

tignatyuk@mail.ru

13. Кицан О. В., кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії літератури та зарубіжної літератури Факультету філології та журналістики, Волинський національний університет імені Лесі Українки (*м. Луцьк Україна*)

Kytsan O., candidate of philological Sciences, Associate Professor of the Department of literary theory and foreign literature of the Faculty of philology and journalism, Lesya Ukrainka Volyn National University (*Lutsk, Ukraine*)

1982kitsan@gmail.com

14. Кобылянская Л. И., доктор психологии, конференциар університар, доцент кафедри психологии и педагогики Славянского университета в Республике Молдова (*г. Кишинэу, Республика Молдова*).

Kobylyanskaya Larisa I., doctor of Philosophy (Ph.D) in Psychology, Associate Professor Department of psychology and pedagogy of the Slavic University in the Republic of Moldova (*mun. Chisinau, Republic of Moldova*)

larisakobylyanskaya@rambler.ru

15. Койнова-Цёлнер Ю. В., научный сотрудник, доктор философских наук, кандидат педагогических наук Педагогического факультета Технического Университета (*г. Дрезден, Германия*).

Koinova-Zoellner Julia, research associate, doctor of philosophy, candidate of pedagogical Sciences, faculty of Education, Technical University (*Dresden, Germany*)

Julia.Koinova-Zoellner@tu-dresden.de

16. Копцова Ю. А., старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания психолого-педагогического факультета (магистр филологических наук), УО БрГУ имени А.С. Пушкина (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Yuliya Koptsova, senior lecturer of the Department of General education disciplines and methods of teaching them at the faculty of psychology and education (master of Philology). UO BrSU named after A. S. Pushkin (*Brest, Republic of Belarus*)

yu_ll_yu@mail.ru

17. Кравченкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (*г. Москва, Российская Федерация*)

Kravchenkova E. A., candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of world literature, Pushkin State Institute of Russian language (*Moscow, Russian Federation*)

eakr@mail.ru

18. Кузьмина К. Е. кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Смоленский государственный университет (СмолГУ) (*г. Смоленск, Российская Федерация*)

Kuzmina K. E., candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department of pedagogy and psychology, Smolensk state University (*Smolensk, Russian Federation*)

kseniavorzanova@mail.ru

19. Кузнецова Н. П., доктор экономических наук, профессор кафедры управления рисками и страхования, Санкт-Петербургский государственный университет (*Санкт-Петербург, Российская Федерация*)

Kuznetsova N. P., doctor of Economics, Professor, Department of risk management and insurance, Saint Petersburg state University (*Saint Petersburg, Russian Federation*)

nataliakuz2010@yandex.ru

20. Леванюк А. Я., кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадык кафедры педагогікі пачатковай адукацыі псіхалага-педагагічнага факультэта УА «БрДЗУ імя А.С. Пушкіна» (*г. Брэст, Рэспубліка Беларусь*).

Levonyuk A. E., candidate of philological Sciences, associate Professor, academician of the Department of pedagogy of primary education of the faculty of psychology and education of the UE "BrdU named after A. S. Pushkin" (*Brest, Republic of Belarus*).

levonyuk.alla@mail.ru

21. Левчук З. С., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики УО БрГУ имени А.С. Пушкина (*г. Брэст, Рэспубліка Беларусь*)

Levchuk Z. S., candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of pedagogy of the A. S. Pushkin state University (*Brest, Republic of Belarus*)

liauchuk2020@mail.ru

22. Лихачева С. А., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (*Россия, Татарстан*)

Likhacheva Svetlana Andreevna, *PhD student Kazan (Volga region) Federal University (Russia, Tatarstan)*

sun113@mail.ru

23. Маранцман Е. К., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования и художественного развития ребенка, Российский государственный педагогический университет им.А.И. Герцена (*Санкт-Петербург, Российская Федерация*)

Marantsman E. K., doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of pedagogy of primary education and artistic development of the child, Herzen Russian state pedagogical University (*Saint Petersburg, Russian Federation*)

elena.marantsman@mail.ru

24. Морозикова И. В., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Смоленский государственный университет (СмоЛГУ) (*г. Смоленск, Российская Федерация*)

Marsikova I. V., candidate of psychological Sciences, docent of Department of pedagogy and psychology Smolensk state University (SmolGU) (*Smolensk, Russian Federation*)

irina_morozikova@mail.ru

25. Переход О. Б., канд. фил. наук, доцент, зав. каф. общего и русского языкознания УО «Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина» (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Perekhod O., PhD, associate Professor head of the Department of General and Russian linguistics, Brest state technical University (*Brest, Belarus*)

reho61@mail.ru

26. Рачевский С. Г., к.фил.н., доц. кафедры прафесійнага развіцця работнікаў адукацыі, член-карэспандэнт Міжнароднай Акадэміі навук педагагічнай адукацыі ДУА «Брэсцкі абласны інстытут развіцця адукацыі» (Брэст, Беларусь)

Rachevsky S. G., candidate of philological Sciences, associate Professor The educational INSTITUTION " Brest regional Institute for the development of education" (*Brest, Belarus*)

kafedra.boiro@yandex.ru

27. Самуйлік Я. Р., кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай моў Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Yaraslau Samuilik, candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of Belarusian and Russian languages of Brest state technical University (*Brest, the Republic of Belarus*)

yaroslav551@rambler.ru

28. Слесарева Т. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (*г. Витебск, Республика Беларусь*)

Slesareva T. P., candidate of Philology, associate Professor of the Department of General and Russian linguistics, Vitebsk state University named after p. M. Mash-erov (*Vitebsk, Republic of Belarus*)

slestp@yandex.ru

29. Тоболевич Т.Л., старший преподаватель кафедры БиРЯ Брестского государственного технического университета (*г. Брест, Республика Беларусь*).

Tatsiana Tabalevich, senior lecturer of the Belarusian and Russian Language Department Brest state technical University (*Brest, Republik of Belarus*)

30. Чагайда Ю.Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языков, Брестский государственный технический университет (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Chahida Yu, candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of Belarusian and Russian languages, Brest state technical University (*Brest, Republic of Belarus*)

chagaida@lenta.ru

31. Щерба О.В., старший преподаватель кафедры БиРЯ Брестского государственного технического университета (*г. Брест, Республика Беларусь*)

Aksana Shcherba, senior lecturer of the Belarusian and Russian Language Department Brest state technical University (*Brest, Republik of Belarus*)

shchierba77@mail.ru

32. Ходынюк Ю. Э., к. фил.н. кафедры гуманитарных и социальных наук, отделения нефилологии, филологии российской Панствовой Высшей школы им. Папы Яна Павла II в Бялой Подляске (*Бяла Подляска, Польша*)

Khodynyuk Yu. E., Ph. D. of the Department of Humanities and social Sciences, Department of neophilology, Philology of the Russian Panstvovoi Higher school. Pope John Paul II in Biala Podlaska (*Biala Podlaska, Poland*)

chodyniuk@list.ru

Научное издание

ЭТНОСЫ И СУДЬБЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Текст печатается в авторской редакции,
орфографии и пунктуации*

Ответственный за выпуск: Жигалова М.П.

Редактор: Боровикова Е.А.

Компьютерная вёрстка: Соколюк А.П.

Корректор: Жигалова М.П.

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г.,
№ 3/1569 от 16.10.2017 г.

Подписано в печать 08.12.2020 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,86. Уч. изд. л. 12,75.

Заказ № 1131. Тираж 42 экз.

Отпечатано на ризографе Учреждения
образования «Брестский государственный
технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-516-4

9 789854 935164